

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

•••

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

•••

КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

•••

КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

ВЫПУСК 1

Пермь 2018

PERM STATE UNIVERSITY

• • •

FACULTY OF LAW

• • •

DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

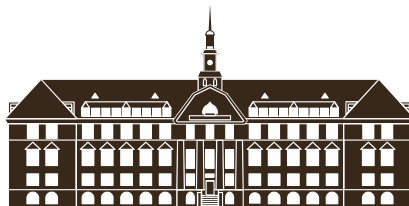
• • •

THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES

OF THE ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

ISSUE 1

Perm 2018

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А 43

Ответственные редакторы: В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов

А 43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 160 с.

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на научных конференциях, организуемых кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ. К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

Ежегодное издание предназначено для научных и практических работников. Главная цель сборника – популяризация исследований молодых ученых-юристов.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса*

Пермского государственного национального исследовательского университета

ГРУППА ЭКСПЕРТОВ-ПРАКТИКОВ

ПО ОТБОРУ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ КАФЕДРЫ:

В.А. Романов – судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, кандидат социологических наук;

И. П. Данилова – судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда;

В. Ю. Калугин – судья Арбитражного суда Пермского края, председатель 3-го судебного состава.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Голубцов – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, заместитель председателя – ответственный секретарь постоянно действующего исполнительного комитета Пермского конгресса ученых-юристов, доктор юридических наук, профессор.

Д. Н. Латыпов – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3109-4 (вып. 1)

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2018

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editors: V. G. GOLUBTSOV, D. N. LATYPOV

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue) / chief editors V. G. Golubtsov, D. N. Latypov; Perm State University. – Perm, 2018. – 160 p.

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process,
Perm State University*

**GROUP OF EXPERTS-PRACTITIONERS
ON THE SELECTION OF THE PAPERS PRESENTED
AT A RANGE OF THE SCIENTIFIC EVENTS ORGANIZED BY THE DEPARTMENT:**

V. A. Romanov is a judge of the Seventeenth Arbitration Appeal Court, Candidate of Social Sciences;

I. P. Danilova is a judge of the Seventeenth Arbitration Appeal Court;

V. Yu. Kalugin is a judge of the Arbitration Court of the Perm Krai, chairman of the 3rd court board.

EDITORIAL TEAM:

V. G. Golubtsov – Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Deputy chairperson – executive secretary of the Permanent Executive Committee of the Perm Congress of Lawyers, Doctor of law, Professor.

D. N. Latypov – Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Candidate of Law Sciences.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3109-4 (issue 1)

© Perm State University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АПРИАМАШВИЛИ С. А. Собрание кредиторов в процедуре несостоятельности	7
АХМЕТОВА Е. С. Проблема субъектного состава неправомерного использования инсайдерской информации на рынке ценных бумаг	11
БАРКАН А. А. Последствия оспаривания сделок в процедуре банкротства.....	16
БЕРЕЗОВСКАЯ А. В. Совершенствование процедур реализации имущества должников при банкротстве	19
Витвинин П. В. Проблемы правового регулирования преднамеренного банкротства ...	22
Габдуллин Р. И. Банкротство застройщика: законодательный идеал и реальность	26
ГОРБУНОВА Я. В. Проблемы процессуальных сроков по делам о банкротстве.....	30
ДОРОФЕЕВ С. А. Соотношение криптовалюты и конкурсной массы должника	35
ЗЫРЯНОВ А. О. К вопросу об обеспечительной функции эскроу-сервисов	38
КАСИМОВА Р. Э. Проблемы реализации механизма досудебной санации.....	42
КАШИНА Л. А. Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника	45
КОНЕВА Е. Д. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих кредитные организации, в деле о банкротстве	50
КОНЕВА С. А. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов.....	54
КРАПИВИНА Ю. С. Проблема формирования конкурсной массы из имущества, находящегося в совместной собственности супругов.....	58
ЛЕОНТЬЕВ К. В. К вопросу об административно-правовой ответственности арбитражного управляющего	61
ЛУКМАНОВА П. Д. Залог права требования в банкротстве	65
ЛУНЕГОВА В. П. К вопросу об осуществлении кредиторами контроля над имуществом должника при замещении активов.....	69
МАРДАНОВ В. Н. Взаимодействие следователя и оперативных подразделений в процессе расследования взяточничества при наличии посредника	72
НАБОРЩИКОВА Н. С. Отсутствие трудоустройства как злоупотребление правом при банкротстве гражданина	79
НАЗАРОВ М. Ю. Мотивировочная часть решения суда: «процессуальный ритуал» или объективная необходимость	83

НАРТЫМОВА Т. А. Принятие гражданином на себя заведомо неисполнимых обязательств как основание для отказа в списании долгов	87
ПАГИНА Т. С. Пределы свободы условий мирового соглашения в деле о банкротстве....	91
ПЕСТОВ М. М. Оспаривание неравноценных сделок в конкурсном процессе: перспективы развития.....	94
ПЕШИНА Е. В. О проблеме баланса интересов кредиторов и наследников при банкротстве наследственной массы.....	99
ПУШКИНА А. В. Банкротство «группы предприятий» как один из способов совершенствования законодательства о банкротстве	102
ПУШКИНА А. В. К вопросу о правовой природе торгов по гражданскому законодательству России	106
РЯЗАНОВА А. М. Принцип эластичности залога в практике рассмотрения дел о банкротстве	110
САЗОНОВА Е. Г. Особенности правового регулирования счетов должника в ходе конкурсного производства	114
СИДОРОВА А. В. Банкротство общего имущества супругов	119
СТОЛБОВ И. В. Деятельность нотариуса по обеспечению доказательств как эффективный инструмент реализации процессуальных прав субъектов доказывания в гражданском и арбитражном процессе	122
СУНЦОВА Е. А. Основания для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц	127
СЫРВАЧЕВА К. А. Прощение долга как условие мирового соглашения в деле о банкротстве	131
ТРАПЕЗНИКОВА А. И. Особенности банкротства наследственной массы	134
ФРЕЗЕ С. Э. Увеличение числа конкурсных управляющих в одной процедуре как способ совершенствования законодательства о банкротстве	138
ХАЛИЛОВА Д. Р. Медиация в процедуре банкротства: возможности и ограничения	142
ХАМРАЕВА А. Р. Реорганизация как восстановительная процедура или возможность злоупотребления правом в деле о банкротстве	145
ШМАТКО И. К. Специальное регулирование банкротства застройщика: анализ законодательства России и зарубежных стран.....	148
ЭДИЛЯН Б. Х. Объективное банкротство как новая категория в делах о несостоятельности	151
ЯРКОВА П. Ю. К вопросу о признании недействительными подозрительных сделок должника.....	156

С. А. Априамашвили
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

СОБРАНИЕ КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

На основе анализа действующего законодательства, научной литературы и судебной практики в статье рассматриваются вопросы, возникающие относительно правовой природы собрания кредиторов; а также анализируются основания, по которым оспаривают решения собрания кредиторов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); собрание кредиторов; оспаривание решения собрания кредиторов

S. A. Apriamashvili
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

MEETING OF CREDITORS IN THE PROCESS OF INSOLVENCY

Based on the current legislation, scientific literature and judicial practice, this article considers issues arising from the legal nature of the creditors' meeting, and also analyzes the grounds for challenging the decisions of the creditors' meeting.

Keywords: insolvency (bankruptcy); meeting of creditors; challenging the decision of the creditors' meeting

В соответствии со статьей 12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности)¹ участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов.

В собрании кредиторов вправе участвовать без права голоса представитель от работников должника, учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия, саморегулируемой организации, членом которой является арбитражный управляющий, утвержденный в деле о банкротстве, органа по контролю (надзору), которые вправе выступать по вопросам повестки собрания кредиторов.

В рамках возбужденного арбитражным судом производства по делу о банкротстве кредиторы, за исключением текущих, не вправе индивидуально обращаться к должнику с исками, вытекающими из конкретных обязательств, а также

совершать иные действия, направленные на удовлетворение своих требований. Для представления и защиты законных интересов всех кредиторов создаются собрание и комитет кредиторов, порядок работы и полномочия которых определены Законом о несостоятельности.

Поскольку в настоящее время правовая природа собрания кредиторов на законодательном уровне не определена, возникает несколько точек зрения относительно этого вопроса.

Так, Е. А. Павлодский и О. Р. Зайцев считают, что собрание кредиторов не является «ни особого рода соединением», ни «субъектом конкурсного права»².

Аналогичной точки зрения придерживался и Г. Ф. Шершеневич, указывая, что «при более внимательном взгляде на конкурсный процесс нельзя не заметить, что он не создает никаких новых правоотношений ни материального, ни формального характера. Кредиторы остаются так же разобщены, как и до объявления несостоятельности их должника. Создание общего собрания кредиторов не связано с каким-либо правовым общением: их соединяет общий интерес возможного полного удовлетворения – общение чисто фактическое»³.

Стоит упомянуть и такую позицию, существующую в научной литературе, как определение собрания кредиторов в качестве коллективного квазисубъекта. Данную точку зрения поддерживает К. Б. Кораев, отмечая, что «теоретически справедливее было бы под собранием кредиторов понимать коллективную форму осуществления кредиторами своих прав. При этом необходимость подобного собрания предопределяется тем обстоятельством, что в рамках конкурсных отношений судьба должника зависит не от усмотрения отдельных кредиторов, а от общей воли всех кредиторов»⁴.

Существует мнение, что собрание кредиторов является органом управления должника, так как именно решения собрания кредиторов оказывают прямое влияние на деятельность должника.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о различном понимании правовой природы данного субъекта, что отражается как в доктрине, так и в ряде судебных актов.

Как подчеркивают М. Х. Илестинова, С. В. Одинцов, в этой связи «наиболее предпочтительной точкой зрения является понимание собрания кредиторов как коллективного органа кредиторов, поскольку кредиторы выражают свою волю в отношении судьбы должника посредством решений, принятых на собрании кредиторов»⁵.

Довольно актуальной является такая проблема, как оспаривание решений собрания кредиторов. Данная проблема представляет важность, так как именно такие решения влияют на дальнейшую судьбу должника и исход процедуры банкротства.

Принимать участие в деле об оспаривании решения собрания кредиторов могут:

- конкурсные кредиторы;
- уполномоченный орган;
- арбитражный управляющий;
- должник (за исключением процедур внешнего и конкурсного управления);
- представитель собрания кредиторов (если выбран);
- представитель собственника имущества должника (должник – унитарное предприятие);
- представитель учредителей (при наличии и только в отдельных процедурах);
- представитель работников должника;
- представитель СРО арбитражных управляющих;
- представитель органа по контролю.

Стоит отметить следующий факт: для того, чтобы суд признал решение собрания кредиторов недействительным, нужно доказать, что были нарушены права и законные интересы или нарушены пределы компетенции собрания кредиторов.

На сегодняшний день, Закон о несостоятельности не содержит конкретный перечень оснований, в соответствии с которыми решения собрания кредиторов можно было бы признать недействительными.

М. Х. Илистинова и С. В. Одинцов подчеркивают, что из системного толкования положений статей 12–18 вышеназванного закона и статьи 41 АПК РФ, в которой указываются права лиц, участвующих в деле, можно сделать некоторые выводы.

В соответствии с вышеупомянутыми статьями, несоблюдение права быть уведомленным о проведении собрания, может привести к признанию решения собрания кредиторов недействительным. Несмотря на данное утверждение, часть судебных решений содержат такие положения, в соответствии с которыми не уведомление не будет являться безусловным основанием для признания решения собрания кредиторов недействительным⁶.

Однако существует и иная точка зрения относительно данного вопроса, имеющая место в судебной практике. Так, в частности, апелляционная инстанция указала, что «участие в собрании кредиторов должника является одним из основных правомочий кредитора и необходимость его надлежащего извещения по правилам, установленным Законом о несостоятельности, презюмируется»⁷.

Кроме того, решение собрания кредиторов можно признать недействительным, вследствие проведения собрания кредиторов в заочной форме. Так как Закон о несостоятельности не содержит прямого указания на возможность проведения собрания в заочной форме, возникают противоречивые мнения на практике.

Некоторые суды признают возможность проведения собрания кредиторов заочно, указывая следующее:

– в связи с вступлением в силу главы 9.1 ГК РФ допустимо проведение собрания кредиторов посредством заочного голосования⁸,

или

– в Законе о несостоятельности не содержится императивных норм о форме (очной или заочной) проведения собрания кредиторов...»⁹.

Другие же суды, напротив, указывают, что проведение голосования в заочной форме невозможно и неприемлемо¹⁰.

Вышеназванные основания для признания решений собрания кредиторов недействительными не являются единственными, на практике существуют и такие основания для спаривания решений данного органа, как факт проведения первого собрания при неполном установлении всех заявленных требований кредиторов к моменту проведения собрания; отсутствие в доверенности представителя специального полномочия на участие в собрании кредиторов; проведение собрания не по месту нахождения должника или органов управления должника.

Можно сделать вывод о различных точках зрения в судебной практике, неоднообразном понимании норм права и их применения. Считаю целесообразным закрепить на законодательном уровне основания для признания недействительными решений собрания кредиторов, что позволит избежать разнообразного толкования норм права и их применения в данном вопросе.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Павлодский Е. А. Зайцев О. Р. Правовое положение кредитора в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 38–39.
3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. С. 415.
4. Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. М., 2010. С. 53.
5. Илистинова М. Х., Одинцов С. В. Особенности оспаривания решений собрания кредиторов. // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 9 (192). С. 34–44.
6. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2011 года № 05АП-8814/2011 по делу № А59-6230/2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2013 года по делу № А44-5100/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2014 года № 17АП-11367/2012-ГК по делу № А60-16339/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2013 года № 17АП-3100/2013-ГК по делу № А60-12858/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 9 апреля 2014 года по делу № А10-3103/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. С. Ахметова
магистрант, ПГНИУ
научный руководитель: Е. В. Аристов

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСАЙДЕРСКОЙ ИНФОРМАЦИИ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Анализируется вопрос неправомерного использования инсайдерской информации на рынке ценных бумаг. Акцентируется внимание на перечне лиц, признаваемых инсайдерами в российском законодательстве, в том числе указываются лица, попадающие в группу риска по возможности доступа к инсайдерской информации наряду с самими инсайдерами.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг; инсайдерская информация; инсайдер

E. S. Akhmetova
master's student, Perm State University
supervisor: E. V. Aristov

THE PROBLEM OF THE SUBJECTS OF INSUFFICIENT USE OF INSIDER INFORMATION IN THE SECURITIES MARKET

In the article the author analyzes the question of the misuse of insider information on the securities market. Particular attention is focused on the list of persons recognized as insiders in Russian legislation, including those who are at risk of access to insider information along with insiders themselves.

Keywords: securities market; insider information; insider

Финансовые рынки, в том числе рынок ценных бумаг, способны оказывать огромное влияние на состояние экономики в стране. Можно уверенно говорить о том, что состояние фондового рынка является индикатором устойчивости и развития экономики, но при условии того, что его функционирование осуществляется в естественных не подвергающихся воздействию извне условиях рыночного ценообразования, при нахождении его участников в справедливых и равных условиях. Результатом таких спекулятивных игр является процесс превышения доходности операций на фондовом рынке по сравнению с рентабельностью реального производства, что приводит к «раскачиванию» рынка и выводу денежных ресурсов из производственной сферы, которые в добросовестных условиях оборота должны были быть инвестированы и направлены на ее развитие.

Среди проведенных исследований отсутствует детальное изучение статистических данных, отражающих количество сделок на российском рынке ценных

бумаг, совершаемых с незаконным использованием инсайдерской информации. Анализ иных источников показал следующую картину: Банком России за последние пять лет было официально подтверждено¹ три таких случая, в доступных базах судебных решений также содержатся единичные решения судов, касаемые правонарушений, квалифицируемых по ст. 15.21, 15.35 КоАП РФ, ст. 185.6 УК РФ, а также касающихся взыскания ущерба в результате неправомерного использования на фондовом рынке инсайдерской информации. Зарубежные исследования представляют обширную и объемную практическую базу, на основании анализа которой, в частности, было доказано, что при существовании угрозы инсайдерской торговли существенно снижается уровень привлечения капитала при повышении его стоимости². Кроме того, подтверждено, что антиинсайдерские меры положительно влияют на уровень ликвидности на финансовом рынке³.

Анализ понятия инсайдерской информации, содержащийся в законе, позволяет определить ее применительно к условиям рынка ценных бумаг как точную и конкретную информацию, которая не была распространена или предоставлена, распространение или предоставление которой может оказать существенное влияние на параметры рынка ценных бумаг. Перечень такой информации определен в статье 3 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, конкретизирован в Указании Банка России от 11.09.2014 № 3379-У⁵.

Потенциальным субъектом неправомерного использования инсайдерской информации на рынке ценных бумаг являются:

– инсайдеры – их перечень утвержден в статье 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ (например, эмитенты, профессиональные участники рынка, лица, имеющие доступ к информации о направлении добровольного, обязательного или конкурирующего предложения о приобретении акций);

– заинтересованные в силу дальнейшего получения выгоды в использовании инсайдерской информации лица (в том числе потенциальные инвесторы), среди них можно выделить «вторичных» инсайдеров – лиц, которые способны получить информацию непосредственно от инсайдеров – близкие родственники инсайдеров, юридические лица, в учреждении которых участвовали инсайдеры;

– «квазиинсайдеры», то есть лица, которые получили доступ к инсайдерской информации в силу служебного положения⁶ (среди них можно выделить работников надзорных и контролирующих органов, в том числе налоговой службы и прокуратуры, которые в результате проводимых проверок получают значительный объем сведений, относимых к инсайдерской информации, бывшие работники, имевшие доступ к инсайдерской информации).

Вторая и третья категория лиц не подлежат, согласно действующему законодательству, контролю, в то время как они находятся в группе риска по реальной возможности доступа к информации, имеющей первостепенное значение в принятии инвестиционных решений.

Выгода может заключаться в получении прибыли или избежании убытков. В зависимости от того, кем именно совершено правонарушение, меняются и вопросы, которые ставятся в процессе доказывания: в первом случае это в каких финансовых операциях, сделках была использована инсайдерская информация, влияние такого использования на параметры рыночных торгов, в том числе оценка причиненного ущерба; при использовании информации заинтересованным лицом необходимо выяснить дополнительно вопросы о том, каким образом был осуществлен доступ к инсайдерской информации (способ и средства получения), в случаях передачи информации инсайдером доказывается факт такой передачи.

Рассматривая данную проблему сквозь призму механизма контроля за использованием инсайдерской информации, установленного Федеральным законом от 27.07.2010 № 224-ФЗ, мы видим следующее:

1) существуют требования к соответствующим юридическим лицам, органам и организациям (здесь и далее именуется в виду юридические лица, указанные в пунктах 1–8, 11 и 12 статьи 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ, органы и организации, указанные в пункте 9 статьи 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ) по ведению перечней списка инсайдеров, уведомлении лиц, включенных в список инсайдеров, об их включении в такой список и исключении из него, передаче перечня инсайдеров в установленном порядке на организаторам торговли на рынке ценных бумаг, передаче данного списка по требованию в Банк России;

2) закреплена обязанность инсайдеров уведомлять соответствующие хозяйствующие субъекты, органы и организации и в обязательном порядке Банк России о совершаемых ими операциях с ценными бумагами;

3) обязанность уведомления организатором торговли Банка России обо всех выявленных в течение каждого торгового дня нестандартных сделках (заявках) и о результатах проведенных проверок;

4) обязанность уведомления участниками организованных торгов, имеющих основания полагать, что операция, осуществляемая от их имени, но за счет клиента или от имени и по поручению клиента, осуществляется с неправомерным использованием инсайдерской информации, обязаны уведомить Банк России о такой операции.

Кроме того, правила предотвращения, выявления и пресечения случаев неправомерного использования инсайдерской информации устанавливаются организатором торговли, а система контроля за инсайдерами в большей степени возложена на соответствующие юридические лица, органы и организации.

Эффективен ли контроль, построенный по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»? Легко ли при таком механизме обойти закон о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и совершить операции с ценными бумагами инсайдерами не лично, а через иных лиц? Это далеко не риторические вопросы.

Одним из таких примеров стал выявленный Банком России случай, когда сотрудник ПАО «АК БАРС» Банк совершил серию операций с обыкновенными акциями ПАО «Нижнекамскнефтехим» с использованием инсайдерской информации в рамках исполнения договора доверительного управления между ПАО «АК БАРС» Банк (Д.У.) и супругой инсайдера ПАО «Нижнекамскнефтехим». Приобретение Акций по минимальным ценам до выхода информации, повлекшей рост их цены, позволило ей получить дополнительный доход в размере нескольких миллионов рублей⁷. Помимо того, отметим, что в каждом случае, выявленном Банком России, работа по предупреждению возникновения подобных ситуаций соответствующими организациями проводилась уже постфактум.

Высокая латентность использования инсайдерской информации детерминруется трудностями в сборе необходимых доказательств, ведь зафиксировать процесс передачи информации, особенно, когда он осуществлялся устно, в ходе личной встречи, не представляется возможным. К сожалению, частой является ситуация, когда подозрения основаны на большом количестве косвенных фактических обстоятельствах, особенно в отношении процесса передачи инсайдерской информации «вторичным» инсайдерам, однако, собрать необходимую доказательственную базу является проблематичным, несоблюдение одного из факторов, позволяющих классифицировать действия как злоупотребление инсайдерской информацией, выводит манипуляции из-под диспозиции правонарушения, чем успешно пользуется недобросовестный участник.

При указанных сложностях доказательственного процесса необходимо обеспечить превентивный механизм в отношении «вторичных» инсайдеров и «квази-инсайдеров» и установить надлежащий контроль за совершаемыми ими операциями путем закрепления данных категорий лиц в Федеральном законе от 27.07.2010 № 224-ФЗ. Обратим внимание в связи с этим на следующее. В зарубежном законодательстве инсайдеры закреплены обобщенно как лица, которые могут тем или иным образом иметь доступ к инсайдерской информации. В нашем законодательстве понятие инсайдеров не определено, но оно раскрывается путем персонализированного перечня. Считаем, что такой подход более правильный, так как в данном случае есть риск необоснованного расширительного толкования понятия, что может привести к признанию любого лица, имеющего то или иное отношение к соответствующим организациям, инсайдером. Также не совсем верным с точки зрения семантического анализа будет приравнивание к «первичным»

инсайдерам вышеуказанных категорий лиц. Предлагаем ввести в статью 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ части 2 и 3 следующим образом:

2. Лица, которые способны получить информацию непосредственно от инсайдеров:

1) близкие родственники лиц, признанных в соответствии с частью 1 настоящей статьи инсайдерами;

2) юридические лица, учредителями которых являются лица, признанные в соответствии с частью 1 настоящей статьи инсайдерами.

3. Лица, которые имеют и (или) имели доступ к инсайдерской информации в силу своего служебного положения:

1) имеющие и (или) имевшие доступ к инсайдерской информации работники органов, осуществляющие и (или) осуществлявшие контрольные или надзорные полномочия за лицами, указанными в пунктах 1–8, 11 и 12 части 1 настоящей статьи;

2) физические лица, имевшие доступ к инсайдерской информации лиц, указанных в пунктах 1–8, 11 и 12 части 1 настоящей статьи, на основании трудовых и (или) гражданско-правовых договоров, заключенных с соответствующими лицами.

Кроме того, в целях эффективного контроля за операциями с ценными бумагами, совершаемыми «вторичными» и «квази-» инсайдерами, необходимо распространить действие главы 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ также и на указанных лиц, включив их в предмет контроля за предотвращением, выявлением и пресечением случаев неправомерного использования инсайдерской информации совместно с операциями, совершаемыми инсайдерами.

Конечно, предложенные изменения не смогут сразу кардинально изменить сложившуюся ситуацию на фондовом рынке. Однако их введение положительно отразится на состоянии рынка и позволит «вывести» теневых игроков «на свет», существенно сократит возможность обхода закона, уменьшит категорию лиц, входящих в группу риска по использованию информации, способной существенно повлиять на ценообразование на фондовом рынке, а также станет первым шагом на пути реформирования данного механизма.

Литература

1. Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком: официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/finmarket/inside/inside_detect/table/ (дата обращения: 26.03.2018).
2. *Bhattacharya U., Daouk Y.* The World Price of Insider Trading // *Journal of Finance*, 2002, № 57. P. 165.
3. *Beny, Laura Nyantung.* Insider Trading Laws and Stock Markets Around the World: An Empirical Contribution to the Theoretical Law and Economics Debate. University of Michigan Law School, Law and Economics Research // *Journal of Corporation Law*, Forthcoming. Available at SSRN. P. 04–004.

4. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4193.
5. О перечне инсайдерской информации лиц, указанных в пунктах 1–4, 11 и 12 статьи 4 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Указание Банка России от 11.09.2014 № 3379-У. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.03.2018 г.)
6. *Гетьман-Павлова И. В.* Регулирование инсайдерской торговли на мировых рынках ценных бумаг // Банковское право. М.: Юрист, 2007, № 1. С. 44.
7. Выявленные случаи неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком: официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/finmarket/inside/inside_detect/ (дата обращения: 26.03.2018).

А. А. Баркан
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПОСЛЕДСТВИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА

Рассматриваются последствия оспаривания сделок в процедуре банкротства, проанализированы нормативные акты Российской Федерации и позиции вышестоящих судов, выделяются характерные особенности данного подинститута, их значение для достижения баланса интересов должников и кредиторов. На основе проведенного исследования даётся оценка норм, регулирующих последствия оспаривания сделок в процедуре банкротства.

Ключевые слова: банкротство; оспаривание сделок; последствия оспаривания сделок

А. А. Barkan
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

CONSEQUENCES OF THE EVAPORATION OF TRANSACTIONS IN THE PROCEDURE OF BANKRUPTCY

This article examines the consequences of disputing transactions in the bankruptcy procedure, analyzed the regulatory acts of the Russian Federation and the positions of higher courts, outlined the characteristics of this sub-institute, their importance for achieving a balance of interests of debtors and creditors. On the basis of the conducted research the author gives an estimation of the norms regulating the consequences of disputing transactions in the procedure of bankruptcy.

Keywords: bankruptcy; disputing transactions; consequences of disputing transactions

Статья 167 ГК РФ устанавливает общие положения о последствиях недействительности сделки, указывая, что каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом¹.

В свою очередь Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в статье 61.6 предусматривает специальные последствия признания сделки недействительной².

Специфика регулирования оспаривания сделок в Законе о банкротстве обусловлена несколькими факторами. Во-первых, виды сделок, подлежащих оспариванию, предусмотрены главой III.1. В частности, подозрительные, сделки с предпочтением, а также отдельные сделки, указанные в статье 61.3 Закона о банкротстве. Во-вторых, специфика регулирования обусловлена специальными субъектами. Так, могут быть оспорены только сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника. Также важной особенностью является и особый круг субъектов, уполномоченных подать заявление о оспаривании сделок должника. Согласно статье 61.9 Закона о банкротстве к ним относятся внешний или конкурсный управляющий, в определенных случаях кредитор или уполномоченный орган, временная администрация финансовой организации.

Названные особенности определяют последствия оспаривания сделок в деле о банкротстве. Так, в статье 61.6 Закона о банкротстве указывается, что в случае признания сделки недействительной в конкурсную массу возвращается все полученное по данной сделке, а при невозможности возврата имущества в конкурсную массу в натуре производится возмещение действительной стоимости этого имущества.

В ситуации, когда сделка была признана недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 или пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, имущество, полученное по недействительной сделке, возвращается в конкурсную массу, а у контрагента должника, чья сделка признана недействительной, появляется право требования к должнику. Такое право требования подлежит удовлетворению за счёт имущества должника, которое осталось после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, то есть согласно очередности, предусмотренной пунктом 4 статьи 142 Закона о банкротстве. При этом появление указанного требования не влечёт за собой появления права голосовать на общем собрании кредиторов.

В ситуации, когда сделка была признана недействительной на основании пункта 1 статьи 61.2 или пункта 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, имущество, полученное по недействительной сделке, включается в реестр требований кредиторов третьей очереди. В данном случае у контрагента должника, чья сделка

оспорена, появляется право голоса на собрании кредиторов с момента вынесения судом определения о включении его в реестр требований кредиторов.

Пункты 2 и 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве не распространяются на текущие платежи. То есть на денежные обязательства, на прекращение которых была направлена данная сделка, возникшие после принятия заявления о признании должника банкротом.

Если же денежное обязательство, на прекращение которого была направлена данная сделка, возникло до принятия заявления о признании должника банкротом, то восстановленное требование не относится к текущим платежам и такой кредитор является конкурсным кредитором.

Очевидно отличие последствий недействительности сделки, предусмотренных ГК РФ, от указанных в Законе о банкротстве. Особенно для контрагента должника, чья сделка признана недействительной. Так, если бы применялись общие положения ГК РФ, контрагент должника вернул бы себе всё переданное по сделке в результате двусторонней реституции. При признании сделки недействительной в процедуре банкротства контрагент должника несёт куда более серьёзные потери.

Следует согласиться с позицией А. И. Демехина, по мнению которого, правило о возможности кредитора, чья сделка была оспорена, удовлетворить свои требования за счет имущества по такой сделке, но только после удовлетворения интересов всех остальных кредиторов, является своего рода штрафной санкцией за заключение недействительной сделки³.

Как показывает практика, штрафная санкция за заключение недействительной сделки носит весомый характер. Поскольку зачастую не хватает имущества для удовлетворения требований даже кредиторов третьей очереди.

Так, справедливо вынесение за третью очередь контрагентов, чьи сделки были заключены с целью причинения вреда или в ситуации неплатёжеспособности, как более вредоносные по сравнению со сделками с неравноценным встречным исполнением обязательств или с предпочтением.

В юридической литературе обоснованно высказывается мнение о том, что Закон о банкротстве вопреки общим положениям ГК РФ о двусторонней реституции как последствия недействительности сделки, по существу, предусматривает положения об односторонней реституции. Так, если должник возвращает себе все, что было передано им по недействительной сделке, то контрагент должника после возврата в конкурсную массу, полученного по недействительной сделке имущества, приобретает право требовать включения в реестр при отсутствии гарантий того, что имущества хватит для удовлетворения его требований⁴.

Подводя итог, следует выделить специфику регулирования оспаривания сделок в процедуре банкротства, которая обуславливает специальные, отличные от предусмотренных ГК РФ последствия недействительности сделок. Специаль-

ный характер последствий недействительности сделок в банкротстве заключается в санкционном характере, а также в односторонности реституции. Эти факторы способствуют превенции заключения оспоримых сделок и способствуют достижению баланса интересов кредиторов и должников.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. 2014. № 244.
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 07.03.2018 № 212-ФЗ) // Российская газета. 2002. № 209–210.
3. Демехин А. И. Новые изменения в законодательстве о банкротстве // Право и экономика. 2009. № 11. С. 55–59.
4. Головизнин А. В., Заблоцкий С. С. К проблеме оспаривания подозрительных сделок должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. С. 35.

А. В. Березовская

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУР РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА ДОЛЖНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Рассматриваются проблемы процедуры реализации имущества должников при банкротстве. Выделяются этапы процедуры реализации, выявляется и обосновывается необходимость совершенствования законодательства, связанного с процедурой реализации имущества. На основе проведенного исследования автором предлагается принятие норм, направленных на сокращение сроков проведения торгов.

Ключевые слова: банкротство; реализация имущества должников; торги

A. V. Berezovskaia

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

IMPROVEMENT OF PROCEDURES FOR REALIZATION OF PROPERTY OF DEBTORS AT BANKRUPTCY

In this article problems are considered when conducting an inventory of debtors in bankruptcy. The stages of implementation of projects related to the procedure for the sale of property have been singled out. Based on the study of author's proposals, contracts for the purchase of the timing of tenders.

Keywords: bankruptcy; sale of property of debtors; trades

Одна из ключевых задач конкурсного производства – реализация имущества должника на выгодных условиях в целях достижения главной цели – наиболее полного удовлетворения требований конкурсных кредиторов.

К сожалению, в настоящий момент на практике процедура реализации имущества должников при банкротстве имеет ряд излишних, на наш взгляд, процессуальных моментов, а именно необходимости повторного проведения торгов для продажи имущества по сниженной цене.

Последние актуальные данные, опубликованные в 2017 г. на сайте единого федерального реестра сведений о банкротстве, показывают, что в 2016 г. 82 % торгов были признаны несостоявшимися. Притом в большинстве случаев реализовать имущество банкротов удавалось лишь с третьей либо четвертой попытки по сниженной на 60–70 % цене. А это означает, что на практике на реализацию имущества должников необходимо не менее шести-восьми месяцев.

На сегодняшний день продажа имущества банкрота состоит из нескольких последовательных этапов. Когда арбитражный суд определит рыночную стоимость имущества, оно выставляется на аукцион, проходят первые торги. Если имущество не было реализовано, через три месяца проводят второй аукцион, повторные торги, стоимость уменьшается на 10 %. На третьем этапе, который называется «публичное предложение» стоимость снижается на 30–40 %. Если имущество и до этого момента не будет реализовано, наступает четвертый этап – предложение кредиторам, пятый – передача нереализованного имущества участникам должника. Если все предыдущие этапы не дали результата – происходит передача нереализованного имущества органам местного самоуправления, либо в федеральную собственность, если такое имущество не может принадлежать органам самоуправления.

Важным моментом является тот факт, что торги в рамках каждого этапа идут исключительно на повышение цены, т.е. желающие приобрести имущество праве указывать только большую сумму, чем та, что указана изначально. Между тем, желающих приобрести имущество по цене, которая фактически может даже превышать рыночную, находится немного. Потенциальные покупатели выжидают лучшего момента, чтобы приобрести имущество по наиболее выгодной цене. Зачастую имущество реализуется по сниженной стоимости в рамках открытого публичного предложения. Естественно, это нередко приводит к признанию торгов несостоявшимися, и, к сожалению, затягивает процедуру банкротства почти на год.

Целесообразно, на наш взгляд, предпринять попытки по сокращению сроков проведения торгов в целях скорейшей реализации имущества должника и удовлетворения интересов кредиторов, разработать соответствующие правовые нормы.

Так, Минэкономразвития России подготовил проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования имущественных торгов в рамках законодательства о закупках)», в котором внёс предложение по проведению первоначальных торгов как на повышение, так и на понижение цены. Для этого законопроектом установлено две цены: начальная продажная и минимальная.

В тех случаях, когда отсутствуют предложения о цене в ходе открытых торгов или победитель аукциона уклоняется от заключения договора, приобретения имущества, предполагается возможность покупки имущества по минимальной цене.

Минэкономразвития России определил, что размер минимальной цены продажи имущества на первых торгах будет составлять 50 % от начальной цены продажи имущества на первых торгах. А на последующих повторных торгах минимальная цена продажи имущества будет составлять 25 % от начальной цены продажи имущества на соответствующих торгах.

Проектом предполагается, что соответствующий федеральный закон вступит в силу с 1 января 2019 года и начнет применяться в отношении имущественных торгов в рамках банкротства – по истечении года со дня его вступления в силу. Однако на данный момент указанный проект не внесён в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

В поддержку положений законопроекта необходимо отметить, что такое совершенствование процедуры реализации имущества позволит сразу незамедлительно выявить всех желающих приобрести имущество, тем самым повысить шансы на успешное проведение торгов на первом этапе. Соответственно, это позволит понизить расходы на их финансирование из конкурсной массы должника, т. к. повторное проведение торгов может не потребоваться. Кроме того, это позволит исключить долговременные затраты на обеспечение охраны имущества (в частности, речь идёт о коммунальных платежах, когда имуществом должника является квартира). Но самое главное – существенно сократятся сроки конкурсного производства, имущество будет реализовано значительно быстрее, чем при действующем законодательстве – не нужно будет ждать завершения одного этапа и начала нового.

Таким образом, на данной стадии развития российского законодательства процедура реализации имущества должника при банкротстве не является в должной мере эффективной, т. к. в сущности, затягивается во времени. Необходимо принимать меры по сокращению её сроков. При соединении двух действующих ныне процедур в одном этапе – аукциона и публичного предложения, можно добиться динамичного и эффективного проведения торгов, скорейшей реализации имущества и своевременного удовлетворения интересов кредиторов.

Литература

1. Офиц. сайт ЕФРСБ РФ. URL: <http://www.bankrot.fedresurs.ru/> (дата обращения: 14.04.2018).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования имущественных торгов в рамках законодательства о закупках): Проект Федерального закона подготовлен Минэкономразвития России. Текст по состоянию на 27.09.2017
3. Павлова Г. Г., Милов В. Ю. Проблемы обращения взыскания на заложенное имущество должника и реализация этого имущества на публичных торгах // Концепт, 2016. Т. 15. С. 1471–1475.
4. Ахметова А. Т., Слепнев Д. В., Костин В. А. Реализация имущества должника // Синергия Наук, 2018. № 19. С. 1157–1160.
5. Мухамбетказиева К. С. Реализация имущества должника в рамках процедуры банкротства посредством проведения публичных торгов // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. Электронный сборник статей по материалам LIX студенческой международной научно-практической конференции. 2017. С. 15–17.

П. В. Витвинин

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

Речь идет об актуальности законодательства, посвященного преднамеренному банкротству. Рассматриваются понятия и признаки преднамеренного банкротства. Освещаются проблемы, связанные с законодательным регулированием данного вопроса. Ставятся вопросы о необходимости реформирования законодательства.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство; понятие и признаки преднамеренного банкротства; реформирование законодательства

P. V. Vitvinin

Student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

LEGAL REGULATION OF INTENTIONAL BANKRUPTCY

This article will discuss the relevance of legislation on intentional bankruptcy. The concepts and signs of deliberate bankruptcy are considered. The problems connected with the legislative regulation of this issue are covered. Questions are raised about the need to reform the legislation.

Keywords: intentional bankruptcy; the concept and signs of deliberate bankruptcy; reform of legal regulation

Институт банкротства, состоящий из отдельных процедур, с одной стороны, направлен на исключение «нездоровых» участников из гражданского оборота, с другой стороны, одной из его задач является создание условий для «оздоровления» участника хозяйственной деятельности.

Однако все чаще на практике можно встретить случаи преднамеренного банкротства, иначе говоря, действий субъектов, направленных на «лже-банкротство».

Понятие преднамеренного банкротства закреплено в ст. 196 УК РФ¹: «...совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб».

Необходимо отметить, что аналогичное понятие содержится и в ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ², при этом существенное отличие заключается в том, что УК РФ указывает на крупный ущерб от таких действий. Под крупным ущербом ч. 2 ст. 170.2 УК РФ признает ущерб, превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Такой шаг законодателя с закреплением понятия не в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а в УК РФ и КоАП РФ объясняется тем, что арбитражный управляющий представляет заключение о наличии признаков преднамеренного банкротства арбитражному суду, кредиторам, а также правоохранительным органам, которые в свою очередь возбуждают производство по административному или уголовному делу.

В этой связи важно отметить, что не только арбитражный управляющий осуществляет деятельность по выявлению признаков преднамеренного банкротства, но и налоговые органы, правоохранительные органы и даже судебные приставы. Возникает своего рода множественность на стороне контролирующих органов, выражающаяся в разноотраслевом правовом регулировании.

К примеру, ФССП России были приняты «Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства»³. В разделе 3 указанных Рекомендаций прямо предусматривается, что судебный пристав при выявлении и документировании преступлений, связанных с преднамеренным банкротством, должен установить следующие обстоятельства:

- имело ли место создание или увеличение неплатежеспособности (невозможность лица рассчитаться по своим денежным обязательствам, хотя стоимость имеющегося у него имущества превышает сумму его долгов);

- каков период создания и (или) увеличения неплатежеспособности (до момента признания банкротом);

- цель преднамеренного банкротства.

При всем этом, основным актом принято считать Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855⁴. Постановление регламентирует порядок проведения арбитражным управляющим проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства и определяет факты, на которые необходимо обращать внимание, при выявлении признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Указываются два обязательных этапа, в рамках которых арбитражным управляющим должно быть осуществлено полное и всестороннее рассмотрение деятельности должника на предмет преднамеренного или фиктивного банкротства.

С момента принятия Постановления в 2004 году, каких-либо изменений в него не вносилось. Однако в литературе⁵ указывают на неэффективность данного документа по различным основаниям.

К примеру, существенно ограничивается возможность арбитражного управляющего на проведение финансового анализа бухгалтерской отчетности должника. Так, после принятия ФЗ «О бухгалтерском учете»⁶ за должником отсутствует обязанность по формированию и предоставлению промежуточной бухгалтерской отчетности в компетентные органы, а право запроса на формирование таких сведений у должника ни Правилами, ни каким-либо иным актом за арбитражным управляющим не предусмотрено.

Вторым этапом выявления признаков преднамеренного банкротства, исходя из Временных правил, необходимо считать анализ сделок должника. Однако и на этом этапе возникает ряд вопросов, связанных с правовым регулированием. В первую очередь, согласно пункту 8 Правил, при анализе сделок должна оцениваться их реальная рыночная стоимость на момент заключения.

Учитывая, что анализ проводится не менее чем за два предшествующих года, установить реальную стоимость того или иного объекта проблематично. Привлечение же профессиональных оценщиков приводит к тому, что арбитражный управляющий за свой счет должен оплатить их деятельность, так как такие расходы не могут быть возложены на должника.

Далее, опираясь на положения пункта 9 Правил, оценка сделок производится на основании правоустанавливающих документов. Однако, даже имея доступ к таким документам, арбитражному управляющему очень проблематично установить реальность совершения сделки. Одно дело, когда в договоре купли-продажи указывается определенный объект и есть реальная возможность его оценить (к примеру, автомобиль) другое дело, когда осуществляется предоставление рекламных услуг за пределами РФ.

Вызывает ряд вопросов и то, как применять указанные Правила к банкротству физических лиц. Поскольку ни один закон не закрепляет за гражданами обязанность по формированию и хранению данных о своей финансовой деятельности, заключаемых ими сделках и иные необходимые для анализа арбитражным управляющим документов.

Правовое регулирование деятельности самого арбитражного управляющего по выявлению признаков преднамеренного банкротства также вызывает вопросы.

К примеру, основанием для перехода ко второму этапу по выявлению признаков преднамеренного банкротства является выявление существенного ухудшения значений коэффициентов при финансовом анализе. При этом, пояснений о том, что же понимать под существенным ухудшением, не даётся, а значит, арбитражный управляющий обладает некоторой свободой при решении такого вопроса, что сразу ставит под сомнение его непредвзятость к сторонам.

Аналогично, в пунктах 8 и 9 Временных правил, арбитражным управляющим самостоятельно дается оценка и таким понятиям, как «заведомо невыгодные условия», «ликвидные/неликвидные сделки».

Принимая во внимание указанную выше свободу в действиях арбитражного управляющего и его процедуру избрания, которую невозможно назвать абсолютно прозрачной, можно прийти к выводу о неэффективности Правил по выявлению признаков преднамеренного банкротства.

Любая из сторон, сомневающаяся в законности действий арбитражного управляющего вправе обратиться в арбитражный суд с требованием о проведении экспертизы в целях выявления признаков преднамеренного банкротства (ч. 2 ст. 34 Закона о несостоятельности).

Однако анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды очень редко удовлетворяют требования сторон о проведении повторной экспертизы, если арбитражным управляющим ранее уже был предоставлен отчет о признаках преднамеренного банкротства. Примерами могут послужить Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2017⁷, Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2017⁸.

Таким образом, проанализировав лишь малую часть нормативной базы, посвященной установлению признаков преднамеренного банкротства, можно прийти к выводу, что данное законодательство не позволяет в полной степени добиться эффективного выявления признаков преднамеренного и(или) фиктивного банкротства, а также беспристрастности со стороны арбитражного управляющего.

В Постановление Правительства РФ «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства», необходимо, на наш взгляд, внести ряд изменений, касающихся регламентации этапов проведения проверки, так и полномочий, которые имеет арбитражный управляющий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
3. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4) // Документ опубликован не был.
4. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 // Российская Бизнес-газета. № 1. 18.01.2005.
5. *Ганюшин О., Фоминская М.* Выявление признаков преднамеренного банкротства: формальное выполнение требований закона или надлежащая защита прав кредиторов? // Арбитражные споры. 2017. № 1. С. 89–98.
6. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. № 278. 09.12.2011.
7. Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2017 № 310-ЭС17-9012(2) по делу № А14-6514/2014 // Документ опубликован не был.
8. Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2017 № 306-ЭС16-19550 по делу № А55-25483/2015 // Документ опубликован не был.

Р. И. Габдуллин

студент ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

БАНКРОТСТВО ЗАСТРОЙЩИКА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рассматриваются следующие вопросы. Возможно ли за участником строительства признать право собственности на объект строительства на этапе банкротства застройщика, если дом не введен в эксплуатацию? Каковы правовые последствия требований участника строительства о передаче жилого помещения, в отличие от требований о признании права собственности на объект строительства?

Ключевые слова: банкротство; застройщик; участник строительства; реестр

R. I. Gabdullin

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

BANKRUPTCY OF THE DEVELOPER: THE LEGISLATIVE IDEAL AND REALITY

The following questions are considered in the article. Is it possible for the construction participant to recognize the ownership of the construction site at the stage of the developer's bankruptcy if the house is not put into operation? What are the legal consequences of the construction participant's claims on the transfer of residential premises, in contrast to the requirements for recognizing ownership of the construction object?

Keywords: bankruptcy; developer; construction participant; register

В настоящее время тема банкротства застройщика является актуальной как на практике, так и в теории. Поэтому рассмотрим следующие способы защиты своих прав участников строительства в ходе осуществления процедуры банкротства застройщика.

Во-первых, согласно пп. 2, 3 ст. 201.4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ¹ (далее ФЗ № 127-ФЗ), участник строительства вправе предъявить конкурсному управляющему требование о передаче жилых помещений и (или) денежное требование.

Во-вторых, пп. 3 п. 1 ст. 201.1, п. 3 ст. 201.4, ст. 201.7 ФЗ № 127-ФЗ установлено требование о передаче жилого помещения. Если строительство дома завершено, участник строительства вправе предъявить требование о передаче жилого помещения (квартиры, комнаты) и включении его требования в реестр требований о передаче жилых помещений, который является частью реестра требований кредиторов.

В-третьих, денежное требование участника строительства возникает в связи с отказом участника строительства от исполнения заключенного с ним договора, в том числе, в связи с открытием конкурсного производства, иным прекращением договора, а также в связи с его недействительностью. Участник строительства вправе заявить денежные требования, предусмотренные п. 1, 2 ст. 201.5, пп. 4 п. 1 ст. 201.1 ФЗ № 127-ФЗ.

Рассмотрим на примерах из судебной практики отдельные требования, которые заявляют участники строительства в зависимости от степени готовности дома и других обстоятельств. Требование о возврате денежных средств, уплаченных до расторжения договора, участнику строительства целесообразно заявлять, когда нет вероятности того, что дом будет достроен. Согласно подп. 3 п. 1 ст. 201.9 ФЗ № 127-ФЗ, устанавливающему очередность удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве застройщика, расчеты по денежным требованиям участников строительства производятся в третью очередь. Однако в том случае, если погашение требований участников строительства путем создания кооператива невозможно, то кредиторы, включенные в реестр требований о передаче жилых помещений, приобретают право изменить свои требования о передаче жилых помещений в денежное требование. Порядок изменения вида требований установлен ст. 201.13 ФЗ № 127-ФЗ².

В соответствии с п. 2 ст. 201.5 ФЗ № 127-ФЗ, при установлении размера денежного требования участника строительства учитывается размер убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением обязательства застройщика по передаче жилого помещения, в виде разницы между стоимостью жилого помещения, которое должно было быть передано участнику строительства, и суммой денежных средств, уплаченных до расторжения этого договора, и (или) стоимостью переданного застройщику имущества.

Отметим, что замена первоначального кредитора на нового в случае уступки права требования происходит на основании определения арбитражного суда в рамках дела о банкротстве.

Судебной практикой предусматривается возможность признания за участником строительства права собственности на объект долевого участия. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 201.8 ФЗ № 127-ФЗ, требования других лиц к застройщику о признании права собственности либо обременения в отношении объектов незавершенного строительства с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения в отношении застройщика, в ходе проведения наблюдения и всех последующих процедур могут быть заявлены только в рамках дела о банкротстве³.

Правовые последствия требований о признании права на объект долевого строительства за участником строительства и требований о передаче жилого помещения участнику строительства отличаются. В первом случае объект долевого строительства переходит в собственность участника строительства и выбывает из конкурсной массы, поэтому этот вариант наиболее благоприятен для участника строительства, но при условии, что дом введен в эксплуатацию. При этом следует отметить, что, только получив определение арбитражного суда о признании права собственности на объект долевого строительства, участник строительства может зарегистрировать за собой право собственности в органах, которые осуществляют государственную регистрацию прав, тогда как определение арбитражного суда о передаче жилого помещения таких последствий не порождает.

В этой связи Е. Ю. Алексеева отмечает, что «если дом не введен в эксплуатацию, право собственности следует признавать не на жилое помещение в виде квартиры, а на долю в праве общей долевой собственности на объект незавершенного строительства, равную после ввода дома в эксплуатацию жилому помещению»⁴.

Так, в практике строительства, отмечает Л. Б. Шейнин, «не редки случаи, когда недостроенный по какой-то причине объект остается «до лучших времен». Но в любом случае незавершенный объект, на котором прекратились работы, не должен считаться бесхозным. Его следует рассматривать как недвижимое имущество, способное представлять собой предмет права собственности»⁵.

Как правило, совместно с заявлением о передаче жилого помещения участники строительства заявляют требования о взыскании неустойки за нарушение обязательств по передаче жилого помещения по возмездному договору.

В практике нередко встречаются случаи, когда участники строительства сначала заявляют в суд требования о передаче жилого помещения, а затем о при-

знании права собственности на объект долевого участия. Следует отметить, что суды в этих случаях выносят весьма неоднозначные решения.

В частности, Девятый арбитражный апелляционный суд отказал заявителю в признании права собственности на объект долевого участия, сославшись на то, что заявитель уже использовал предоставленное ему право, и его требование включено в реестр требований кредиторов застройщика о передаче двухкомнатной квартиры. Суд первой инстанции посчитал, что у кредитора есть право выбора одного из способов защиты нарушенного права, предусмотренного ФЗ № 127-ФЗ. С этим выводом согласилась апелляционная инстанция⁶.

В другом деле арбитражный апелляционный суд, признавая за заявителем право собственности на долю в праве общей долевой собственности на объект незавершенного строительства, указал, что определение арбитражного суда о включении в реестр кредиторов требования о передаче данному заявителю жилого помещения носит преюдициальный характер. Следовательно, в деле о признании права собственности на этот же объект долевого участия признанные судом обстоятельства не подлежат повторному доказыванию и должны быть приняты судом как установленный факт⁷.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 201.8, п. 8 ст. 201.11 ФЗ № 127-ФЗ, если застройщик получил разрешение на ввод построенного дома в эксплуатацию и до даты принятия решения о признании застройщика банкротом, застройщик и участник строительства подписали передаточный акт, то участник строительства вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании права собственности на жилое помещение.

Позиция ВС РФ по данному вопросу следующая. Производство по делу о передаче квартиры в рамках спора о банкротстве застройщика многоквартирного дома не может быть прекращено в связи с его ликвидацией, так как по сути требование кредитора – это требование о признании статуса члена кооператива участников строительства, к которому перешли права и обязанности застройщика.

Застройщик, погасив требования участников строительства путем передачи объекта незавершенного строительства в порядке ст. 201.10 ФЗ № 127-ФЗ, утратил права застройщика и права на земельный участок. Эти права перешли к жилищно-строительному кооперативу.

Деятельность застройщика была прекращена в связи с его ликвидацией на основании определения арбитражного суда о завершении конкурсного производства. Это не является основанием для прекращения производства по требованию заявителя о включении в реестр требований о передаче жилых помещений. Данное требование по сути является требованием о признании за названным лицом статуса члена кооператива на тех же условиях, на каких этот статус был приобретен иными участниками строительства. Надлежащим ответчиком по

такому делу является жилищный кооператив, созданный в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье. Поскольку правоспособность кооператива не прекращена, ликвидация застройщика не может быть расценена как обстоятельство, препятствующее рассмотрению данного спора по существу и эффективной судебной защите прав заявителя на удовлетворение потребности в жилье⁸.

Таким образом, несмотря на законодательное урегулирование, тема банкротства застройщика изучена не в полной мере, и остаются вопросы, которые порождают споры на практике.

Литература

1. Постановление Десятого арбитражного суда апелляционного суда от 26 февраля 2016 г. по делу № А41-26777/11. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 2002.
3. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», утв. Президиумом ВС РФ 4 декабря 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. *Алексеева Е. Ю.* Об иске в производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 7. С. 39–45.
5. *Шейнин Л. Б.* Кому принадлежат «недострои»? // Нотариус. 2013. № 6. С. 30–34.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 июня 2016 г. № 09АП-22931/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 апреля 2016 г. № 09АП-4838/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Определение ВС РФ от 26.10.2015 № 308-ЭС15-6308 по делу № А53-36063/2012 (Судебная коллегия по экономическим спорам) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Я. В. Горбунова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ

Рассматриваются процессуальные сроки, предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)». Анализируются основные процессуальные сроки в деле о банкротстве, определяются возможные основания для задержки производства и пути решения против затягивания сроков.

Ключевые слова: процессуальный срок; должник; кредитор; собрание кредиторов

RESTORATION OF PROCEDURAL TERMS IN THE BANKRUPTCY BUSINESS

The judicial terms envisaged by the Arbitrage code of practice of Russian Federation and Federal law "On insolvency (bankruptcy)" are examined in the article. An author is analyse basic judicial terms on business about bankruptcy, possible grounds are certain for the delay of production and way of decision against tightening of terms.

Keywords: judicial term; debtor; creditor; creditors' meeting

В соответствии со ст. 51 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности)¹ срок рассмотрения дела о банкротстве не должен превышать *семь месяцев*, которые исчисляются с даты поступления в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом. Продолжительность данного срока обуславливается тем, что арбитражный суд, принимая решение по данной категории дел, имеет необходимость совершить гораздо большее количество процессуальных действий в сравнении с тем количеством, которое требуется при рассмотрении других дел. При этом мы замечаем: обзор судебной практики показывает, что предусмотренный вышеназванной нормой срок нередко составляет более одного года.

Закон о несостоятельности закрепляет срок принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом: в силу ст. 127 Закона о несостоятельности арбитражный суд должен вынести соответствующее определение в течение *пяти дней* с даты поступления этого заявления. Однако следует сказать, что вынесение определения о принятии заявления о признании должника банкротом отнюдь не означает, что производство по делу о банкротстве возбуждено.

Исходя из п. 6 ст. 42 Закона о несостоятельности, мы понимаем, что проверка обоснованности требований, изложенных в заявлении о признании должника банкротом, должна проводиться не менее чем через *пятнадцать дней* и не более чем через *тридцать дней* с даты вынесения определения о принятии заявления о признании должника банкротом.

П. 1 ст. 71 Закона о несостоятельности регламентируется порядок предъявления кредиторами требований к должнику с целью иметь возможность принять участие в первом собрании кредиторов. В частности, эта норма предусматривает, что такие требования кредиторы могут предъявить в течение *тридцати дней* с даты опубликования сообщения о введении наблюдения. Обратим внимание, что: 1) в указанный срок включаются нерабочие дни; 2) возможность его восстановления Законом о несостоятельности не содержит².

Несмотря на отсутствие в Законе о несостоятельности права восстановить вышеупомянутый срок, в практике ВАС РФ имели место случаи, при которых

пропуск этого срока ввиду его уважительности восстанавливался. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 14452/12³ изложена позиция, согласно которой суд не лишен права рассмотреть вопрос о восстановлении данного срока, пока не были произведены расчеты с кредиторами.

Укажем, что законодатель наделяет правом подать заявление о признании решения собрания кредиторов недействительным лицо, которое было уведомлено надлежащим образом о его проведении, при этом обжаловать данное решение такое лицо должно в течение *двадцати дней* с даты его принятия (п. 4 ст. 15 Закона о несостоятельности). Интересно заметить, что указанный двадцатидневный срок признается сокращенным сроком исковой давности, и поэтому в данном случае необходимо применять нормы гл. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴.

В ситуации, если первым собранием кредиторов не принято решение о применении какой-либо из процедур банкротства, арбитражный суд откладывает рассмотрение дела в пределах срока, который установлен ст. 51 Закона о несостоятельности, и обязывает кредиторов принять соответствующее решение к установленному арбитражным судом сроку⁵.

Основания для увеличения сроков:

1. Производство может быть *приостановлено* по ходатайству лица, которое участвует в деле о банкротстве, в случае: обжалования судебных актов, обжалования решений собрания кредиторов; в иных предусмотренных законодательством случаях.

Важно сказать, что арбитражный суд в ситуации приостановления производства не может принимать судебные акты, установленные ст. 52 Закона о несостоятельности.

2. *Заявления и ходатайства* арбитражного управляющего, жалобы кредиторов о нарушении их прав и законных интересов рассматриваются в судебном заседании арбитражного суда не позднее чем *через месяц* с даты получения указанных заявлений, ходатайств и жалоб, если иное не установлено настоящим Федеральным законом.

По результатам рассмотрения указанных заявлений, ходатайств и жалоб судья выносит определение, которое может быть обжаловано. Нарушение правил их подачи станет основанием для вынесения определения об их возвращении по правилам ст. 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)⁶. Право на обжалование такого определения должно быть реализовано в *десятидневный срок* (ч. 4 ст. 129, ч. 3 ст. 223 АПК РФ).

Мы констатируем, что изучаемая нами проблема была предметом рассмотрения в спорах, подведомственных КС РФ. Так, научный интерес, на наш взгляд, представляет Постановление КС РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П⁷, в котором КС РФ

указал на возможность обжалования этих определений в рамках пересмотра дел: 1) в судах апелляционной инстанции, 2) по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с обнаруженной судебной ошибкой; 3) при пересмотре определений, препятствующих движению дела, в порядке надзора.

Отметим, что п. 6 ст. 71 Закона о несостоятельности предусматривает возможность обжалования в вышестоящих судебных инстанциях определений, содержание которых устанавливает включение или отказ во включении требований в реестр кредиторов. В рамках обжалования этих определений арбитражный суд, вынесший их, должен направить кредиторам лишь те материалы, которые имеют непосредственную принадлежность к спору должника и кредитора (кредиторов) об установлении обоснованности, размера и очередности требований⁸.

В отношении иных определений арбитражного суда п. 3 ст. 61 Закона о несостоятельности предусматривает, что такие определения могут быть обжалованы в апелляционном порядке не позднее чем через *четырнадцать дней* со дня их принятия при одновременном соблюдении двух условий: 1) эти определения не предусмотрены АПК РФ; 2) не установлено, что они подлежат обжалованию.

В соответствии с п. 2 ст. 93 Закона о несостоятельности внешнее управление вводится на срок не более чем *восемнадцать месяцев*, который может быть продлен еще на *шесть месяцев*. Совокупный же срок финансового оздоровления и внешнего управления, как сказано в п. 2 ст. 92 Закона о несостоятельности, не может превышать *два года*.

Конкурсное производство вводится сроком на *год*. Данный срок может продлеваться по ходатайству лица, участвующего в деле, не более чем на *шесть месяцев*.

Является ли данный срок предельным? Толкование нормы ст. 124 Закона о несостоятельности говорит о предельном характере этого срока и невозможности его продления. Такая же позиция высказана в Комментариях к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» под редакцией В. В. Залесского⁸.

В юридической литературе существует мнение, что продление этого срока допустимо в исключительных случаях⁹. Среди таких исключительных случаев С. А. Карелина называет необходимость возвращения имущества должника из-за границы.

П. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 8 апреля 2003 г. № 4¹⁰ закрепляет следующее правило: если годичный срок конкурсного производства истек, суд вправе продлить его в исключительных случаях, дабы конкурсное производство было завершено по мотивированному ходатайству конкурсного управляющего.

Заметим, что ранее в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 14 июня 2001 г. № 64 «О некоторых вопросах применения в судебной практике Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹¹ было указано, что суд, определяя продолжительность конкурсного производства, должен исхо-

дить из обстоятельств дела и учитывать соответствующие требования Закона о несостоятельности.

Некоторые авторы предлагают и другой вариант решения проблемы — прекращение производства по делу исключительно на основании ст. 124 Закона о несостоятельности¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о различных точках зрения в законодательстве, юридической литературе и судебной практике.

Считаем целесообразным, закрепить на законодательном уровне продление производства в исключительных случаях в целях завершения конкурсного производства по мотивированному ходатайству конкурсного управляющего, что позволит избежать разнообразного толкования норм права и их применения в данном вопросе.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Пункт 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 г. № 93 «О некоторых вопросах, связанных с исчислением отдельных сроков по делам о банкротстве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 апреля 2013 года № 14452/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Пункт 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 года № 93. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пункт 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Пункт 1.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций", а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В. В. Залесского). М., 2003.
9. Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М., 2006.
10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 апреля 2003 года № 4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июня 2001 г. № 64 «О некоторых вопросах применения в судебной практике Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. А. Дорофеев
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

СООТНОШЕНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ И КОНКУРСНОЙ МАССЫ ДОЛЖНИКА

На основе обсуждаемых законопроектов, регулирующих отношения, возникающие по поводу криптовалюты, приведен анализ позиции Арбитражного суда города Москвы по делу Царькова И. И., в частности рассмотрен вопрос о законодательном статусе криптовалюты в текущий момент и соотношении с конкурсной массой должника.

Ключевые слова: криптовалюта; должник; законопроекты о цифровых финансовых активах

S. A. Dorofeev
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

RELATIONSHIP OF THE CRYPTOCURRENCY AND THE COMPETITIVE MASS OF THE DEBT

Based on the drafting bills regulating relations arising over the crypto currency, the analysis of the position of the Moscow Arbitration Court in the case of Tsarkov I.I. is given, in particular, the issue of the legislative status of the current currency and the ratio of the bankruptcy of the debtor.

Keywords: cryptocurrency; debtor; bills on digital financial assets

Появление таких феноменов, как блокчейн и криптовалюта, ставит перед государством определенную задачу урегулировать общественные отношения, которые уже возникли или возникнут в ближайшем будущем, по поводу данных явлений.

5 марта 2018 года определением Арбитражного суда города Москвы было отказано в удовлетворении требований финансового управляющего гражданина – должника Царькова Ильи Игоревича – Леонова А. И. о включении в конкурсную массу должника содержимого криптокошелька. Суд пояснил, что в законодательстве Российской Федерации не определены понятие и правовая природа криптовалюты: является ли криптовалюта деньгами как таковыми или же это денежный суррогат, следует ли считать криптовалюту имуществом, фидуциарными деньгами, электронными деньгами, валютой, финансовым инструментом или

ценными бумагами. Так же, по словам судьи Л. А. Кравчук, исходя из специфики такого объекта, как криптовалюта, отсутствует возможность применения по аналогии существующих норм права; нельзя точно установить, кому принадлежат биткойны.

Многие эксперты разошлись во мнениях, правильно ли в данном случае суд руководствовался нормами закона. Большинство считает, что суд правомерно вынес данное определение, однако некоторые эксперты утверждают, что суд поспешил с вынесением данного определения, поскольку не учел определенные факты, которые позволили бы понять, можно ли отнести криптовалюту к имуществу.

Согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – закон о банкротстве), все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу. Также в данном законе указано, что из имущества должника, которое составляет конкурсную массу, исключаются имущество, изъятое из оборота, имущественные права, связанные с личностью должника, в том числе права, основанные на имеющейся лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, а также иное предусмотренное Федеральным законом имущество. Исходя из положений закона о банкротстве, на данный момент криптовалюту невозможно отнести к имуществу, которое подлежит включению в конкурсную массу, так как ни в одном законе РФ не определен статус криптовалюты, невозможно установить, отвечает ли криптовалюта признакам имущества, которые установлены гражданским законодательством РФ.

Следуя Указу Президента РФ урегулировать отношения, складывающиеся по поводу криптовалюты, в Государственную Думу РФ на рассмотрение были внесены законопроекты от депутатов В. В. Володина и П. В. Крашенинникова³, а также от Министерства финансов и ЦБ РФ⁴. Первый законопроект представляет собой внесение изменений в часть 1 Гражданского кодекса РФ: предлагается внести новые понятия, такие как «цифровое право» и «цифровые деньги». Введение первой категории позволит:

- определить место цифровых прав в системе объектов гражданских прав (проектная редакция пункта 1 статьи 128 ГК),

- указать, что оборот цифровых прав осуществляется только посредством внесения записей в информационную систему (п. 2 новой статьи 1411 ГК),

- описать оборотоспособность цифровых прав (п. 3 новой статьи 1411 ГК), в том числе прямо допустить их куплю-продажу (уточнение пункта 4 статьи 454 ГК),

- предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам, совершаемым с цифровыми правами (пункт 5 новой статьи 1411 ГК). Введение вто-

рой категории, в свою очередь, закрепит правило, что криптовалюта не является законным средством платежа, но в определенных случаях цифровые деньги смогут использоваться юридическими и физическими лицами в качестве платежного средства.

Второй законопроект предлагает ввести отдельный федеральный закон, который будет регулировать отношения, связанные с криптовалютой. В данном федеральном законе вводится такое понятие, как цифровой финансовый актив – имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Такие определения, как «криптовалюта» и «токен» в законопроекте представлены, как разновидности цифровых активов. Среди определений, данных в законопроекте, можно отметить введение специального субъекта – валидатора- юридического или физического лица, являющегося участником реестра цифровых транзакций и осуществляющего деятельность по валидации цифровых записей в реестре цифровых транзакций в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. Необходимо также отметить, что в данном законопроекте деятельность «майнеров» приравнивается к предпринимательской, что тоже может повлиять на дальнейшее развитие данных отношений.

Исходя из анализа положений данных законопроектов, нужно сказать, что предложенное правовое регулирование, в первую очередь через специальные определения дает криптовалюте статус имущества, но делает сильный акцент на том, что криптовалюта не является законным средством платежа. Во-вторых, стремление урегулировать также смежные явления с криптовалютой позитивно повлияет на разрешения споров, которые возникнут в будущем. Окончательное урегулирование статуса криптовалюты позволит конкурсным управляющим включать криптовалюту в конкурсную массу должника.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда города Москвы от 05.03.2018 № А40-124668/17-71-160 Ф.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон о внесении изменений в части первую, вторую и четвертую ГК РФ: Проект депутата ГД РФ № 424632-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон о цифровых финансовых активах: Проект Министерства Финансов. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. О. Зырянов
студент ПГНИУ
научный руководитель: Т. В. Шершень

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЭСКРОУ-СЕРВИСОВ

В статье дается характеристика эскроу-сервисов. Проведен анализ возможных причин, по которым договор счета эскроу не получил широкого распространения в РФ. Предлагается расширить список лиц, могущих выступать в роли эскроу-агентов посредством появления в законодательстве договора условного депонирования.

Ключевые слова: условное депонирование; арбитраж; эскроу-агент

A. O. Zyryanov
student, Perm State University
supervisor: T. V. Shershen

ON THE CONCEPT OF THE ENSURING FUNCTION OF ESCROW SERVICES

In the article characteristic of escrow services is given. Possible reasons why the escrow account agreement has not been widely adopted in the Russian Federation has been analysed. It is proposed to expand the list of persons who can act as escrow agents by the appearance of escrow agreement in the law.

Keywords: escrow; arbitrage; escrow agent

В век развития высоких технологий и всеобщей информатизации гражданский оборот претерпевает значительные изменения: все большее количество сделок совершается при помощи информационно-телекоммуникационной сети (Интернет). Вместе с тем наблюдается рост количества неисполненных обязательств. Так, в 2015 г. находилось на исполнении 69,9 млн исполнительных производств, а еще три года назад аналогичный показатель был на уровне 50,9 млн¹. В ситуации, когда контрагенты находятся на значительном расстоянии друг от друга, возникает необходимость в поиске альтернативы традиционным способам обеспечения исполнения обязательств, закрепленным в ГК РФ. Вопрос доверия между участниками сделки оперативно разрешается с помощью эскроу-сервисов. Механизм работы эскроу-сервиса следующий: деньги за товар или услугу будут получены контрагентом лишь тогда, когда некое третье лицо, играющее роль посредника, не подтвердит, что условия сделки выполнены. Например, требуемая сумма может быть заблокирована на карте заказчика товара, работы, услуги на определенный соглашением срок. Данный механизм только условно можно соотнести с договором счета эскроу, положения о котором были включены во вторую часть ГК РФ Федеральным законом от 21.12.2013 № 379-ФЗ². От-

личия видны прежде всего в субъектном составе: при договоре счета эскроу посредником может быть только банк, в то время как на платформах эскроу-сервисов данные функции может выполнять любое юридическое лицо.

Компании, занятые в данной сфере, предоставляют широкий спектр услуг, в том числе проведение транзакций через банковские счета, разрешение споров с участием третейского суда и т. д. Однако, как было отмечено выше, владельцы эскроу-сервисов не могут быть признаны эскроу-агентами в соответствии с российским законодательством, то есть на практике распространены отношения, фактически не урегулированные законом. Причиной данного пробела в законодательстве является непоследовательность законодателя в претворении в жизнь очередной новеллы. Стоит отметить, что договор счета эскроу не является родным для континентальной правовой семьи, сам термин «эскроу» (буквально: счет третьего лица) пришел к нам из англосаксонского права. В 2012 году был разработан законопроект, который предусматривал серьезные изменения в области финансовых сделок³. В частности, в проекте предусматривалась глава «Договор условного депонирования. Договор эскроу». В качестве агента эскроу здесь могли выступать различные субъекты: и банки, и страховые организации, и нотариусы. Соответственно договор счета эскроу выделялся как отдельный вид договора условного депонирования, критерием видового деления как раз выступал субъектный состав. Однако данный законопроект не прошел второе чтение, в итоге в ГК РФ были закреплены только лишь нормы о договоре счета эскроу.

Это привело к тому, что в качестве эскроу-агента в РФ выступать могут только банки. Как следствие, объектом договора счета эскроу могут быть только деньги. В то же время законодательство зарубежных стран позволяет относить к объектам договора условного депонирования иное имущество и даже результаты интеллектуальной деятельности (например, программное обеспечение)³. Следует полагать, что именно по этой причине договоры эскроу не получили широкого распространения на территории РФ. Так, по данным, предоставленным некоммерческим партнерством «Национальный платежный совет», банки не вводят данные счета ввиду того, что многие вопросы, связанные с процедурой условного депонирования, не были урегулированы законодателем⁴. Подобный феномен также объясняется правовой природой заимствованной договорной конструкции. Судебная практика, в частности арбитражная, упоминает о договоре условного депонирования (эскроу) при рассмотрении споров с участием иностранных организаций, имеющих эскроу-отношения за рубежом. Однако отсутствие подобной договорной конструкции в Российской Федерации приводит к отсутствию ее правового осмысления. В праве Великобритании и США эскроу-агентами могут выступать как юридические (банк, страховая компания), так и физические (нотариус, адвокат) лица. Деятельность лиц, приобретающих имущество в эскроу, подлежит особому лицензированию, что является существенной гарантией каче-

ства предоставляемых ими услуг. Сделка, заключаемая между эскроу-агентами и депонентами, носит фидуциарный характер, то есть эскроу-агент обязуется проявить при выполнении обязательств перед депонентом должную заботливость. Отсюда обязанность эскроу-агента всесторонне исследовать предъявленные документы, запросить необходимое профессиональное мнение (например, если представляемыми для осуществления платежа документы носят технический характер, требующий профессиональных знаний), в противном случае он рискует своей деловой репутацией⁵. В случае же, когда эскроу-агентом выступает банк, не связанный доверительными отношениями с депонентом, представленные документы проверяются лишь на соответствие формальным критериям.

В то же время рынок услуг по условному депонированию активно развивается в сети Интернет. Сферы применения эскроу-сервисов крайне разнообразны: покупка и продажа в интернет-магазинах, на интернет-аукционах, оплата труда на фриланс-биржах, тематических площадках. Однако не стоит сводить круг лиц, использующих эскроу-сервисы в качестве обеспечения исполнения обязательств, только к гражданам-потребителям и исполнителям услуг. Встроенные эскроу-сервисы существуют на платформах, где осуществляется торговля виртуальными денежными средствами (криптовалюта, токены и др.), инвестирование указанных денежных средств, что представляет интерес для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Стоит отметить, что в праве штата Калифорния предусмотрена особая разновидность эскроу-агентов – Internet escrow agent, под которыми понимаются любые лица, принимающие имущество в эскроу через Интернет⁶. Интернет эскроу получил свое регулирование и в странах Евросоюза, где действует Директива о платежных услугах, принятой 1 ноября 2009 года⁷. В то же время в РФ существует ряд юридических лиц, фактически заключающих со своими клиентами договоры условного депонирования через Интернет: ООО «СэйфКроу», ООО «Эскроу консалтинг» и другие. Однако ввиду установления в РФ банковской монополии на услуги по условному депонированию другие коммерческие организации осуществляют схожую деятельность на основе ст. 421 ГК РФ, в частности, позволяющую заключать смешанные договоры⁸.

Урегулирование споров зависит и от профессионализма арбитражной команды сервиса. В свете этого положения появляется вопрос: можно ли считать деятельность, осуществляемую командой сервиса, арбитражем в смысле ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»? Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к статье 7 данного закона, определяющей, что арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки в договоре или в виде отдельного соглашения, путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, включая электронные документы, передаваемые по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от другой стороны. Если стороны совершат какое-

либо из указанных действий, последующую деятельность арбитражной команды сервиса можно отнести к арбитражу со всеми вытекающими отсюда последствиями (возможность выдачи судом исполнительного листа).

В заключении стоит подчеркнуть, что проблема отсутствия в российском законодательстве правового регулирования эскроу-сервисов должна быть разрешена. Банковская монополия создает препятствия для доступа на рынок соответствующих услуг другим юридическим и физическим лицам. Данное обстоятельство можно считать ошибкой законодательной техники с коррекцией норм о договоре счета эскроу в будущем. Нельзя ограничивать иных физических и юридических лиц, желающих и имеющих возможность стать эскроу-агентом по договору условного депонирования (эскроу), это не соответствует принципам свободной рыночной экономики, формирующейся в нашей стране. Эскроу-сервисы являются оперативным средством обеспечения исполнения обязательств, к которому стороны могут прибегать при нежелании обращаться в банк. В свете вышесказанного было бы целесообразным дополнить часть 2 ГК РФ положениями о договоре условного депонирования, где будут изложены необходимые требования к лицам, осуществляющим такую деятельность. Подобная мера помогла бы расширить сферу применения эскроу-сервисов вплоть до расчетов по сделкам купли-продажи недвижимости, осуществляемых на данный момент через банковские ячейки⁹.

Литература

1. *Сыропятова Н. В.* Обеспечительная функция аккредитива и счета эскроу // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 430–435.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. С. 6699.
3. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона № 47538-б (редакция, принятая ГД ФС РФ в первом чтении 27.04.2012) [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;№=94778> (дата обращения: 03.03.18).
4. *Буркова А. Ю.* Эскроу-счета: перспективы в российском законодательстве. [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/5693979/> (дата обращения: 12.03.2018).
5. *Степанян И. Г.* Заверения, гарантии, обязательства по возмещению потерь (indemnity), опцион и эскроу по праву России, США, Англии в трансграничных коммерческих договорах: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 170.
6. *Карпычев М. В.* О перспективах использования института условного депонирования в предпринимательских отношениях. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/Nº/o-perspektivah-ispolzovaniya-instituta-uslovnogo-deponirovaniya-v-predprinimatelskih-otnosheniyah> (дата обращения: 16.03.2018).
7. *Батин В. В.* Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/Nº/dogovor-uslovnogo-deponirovaniya-eskrou-i-dogovor-scheta-eskrou-sootnoshenie-obyazatelstv-i-perspektivy-sosuschestvovaniya> (дата обращения: 17.03.2018).
8. *Тамаровская С. К.* Как работает договор счета эскроу в России // Ваш информационный партнер. 2016. № 24. С. 350.
9. *Куликов С. Н.* Покупатели недвижимости не оценили новую схему расчета по безналу // Российская газета. 2016. № 6996. С. 228.

Р. Э. Касимова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ДОСУДЕБНОЙ САНАЦИИ

Рассматриваются правовые проблемы действующего механизма досудебной санации. Обосновывается необходимость более детального законодательного регулирования процедуры проведения досудебной санации. Автором предлагаются меры по внесению изменений в законодательство о банкротстве в части досудебной санации.

Ключевые слова: юридическое лицо; должник; досудебная санация; неплатежеспособность; банкротство

R. E. Kasimova
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE MECHANISM OF PRE-TRIAL REHABILITATION

The article deals with the legal problems of the existing mechanism of pre-trial rehabilitation. The necessity of more detailed legislative regulation of the procedure of pre-trial rehabilitation is substantiated. The author suggests measures to amend the bankruptcy law in terms of pre-trial rehabilitation.

Keywords: legal entity; debtor; pre-trial rehabilitation; insolvency; bankruptcy

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) не содержит перечень возможных мер по предотвращению несостоятельности. По смыслу законодателя к таким мерам относится санация.

Санация в статье 2 Закона о банкротстве определяется как меры, принимаемые собственником имущества должника – унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника, в том числе на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве. Однако в соответствии со статьей 31 санация рассматривается исключительно как финансовая помощь в рамках мер по предупреждению банкротства. Можно заметить, что первое определение санации гораздо шире второго. Такое неоднозначное толкование свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует четкое понимание сути, целей, средств и способов предупреждения несостоятельности (банкротства)².

Досудебная санация в отношении должника – юридического лица является механизмом, который позволяет ликвидировать задолженность организации и предотвратить ее банкротство. Вообще, роль досудебных процедур института банкротства имеет большое положительное значение. Это проявляется в возможности сторон – должника и кредиторов – договориться между собой без привлечения суда в качестве арбитра, что снижает нагрузку на суды, а также издержки, понесенные должником и другими участниками таких отношений.

Следует признать, что в целом Закон о банкротстве лишь очертил рамки правового регулирования санации. В связи с этим при исследовании механизма реализации, в частности, досудебной санации возникает множество вопросов.

Во-первых, очевидным недостатком Закона о банкротстве в данном ключе является неполная регламентация самого порядка проведения санации. Прежде всего, необходимо разобраться с правовой природой данной меры и понять является ли досудебная санация отдельной процедурой банкротства и необходимо ли ее детальным образом регулировать. В литературе по этому поводу представлены разные позиции. Так, В. В. Витрянский отмечает, что досудебная санация не относится к числу процедур, применяемых при банкротстве должника, а представляет собой финансовую помощь юридическому лицу³. Иного мнения придерживается Ю. Свит и полагает, что досудебная санация является одним из видов (наряду с внешним управлением) восстановительных процедур⁴. Законодатель же не выделяет досудебную санацию в качестве самостоятельной процедуры банкротства, поскольку она лежит вне рамок судебного производства по делу о несостоятельности. Тем не менее, досудебная санация может оказать значительный положительный эффект на финансовое положение юридического лица, поэтому, несомненно, закон должен более четко регулировать непосредственно сам порядок реализации досудебной санации, содержание соглашения участников санации (их обязанности, ответственность и т. д.). Например, целесообразно учесть в Законе о банкротстве, что сообщение о начале санации юридического лица должно публиковаться в официальных источниках либо подаваться в суд, который в случае ее безуспешности будет рассматривать дело о банкротстве должника. Необходимо также предусмотреть последствия введения досудебной санации (приостановление исполнительных производств, введение моратория на расчеты с кредиторами и др.), составление плана реализации необходимых мер, способ определения состава кредиторов и другие возможные элементы процедуры⁵.

Во-вторых, нельзя не заметить, что законодатель никаким образом не ограничивает срок проведения досудебной санации. В противном случае реализация процедуры может быть затянута на годы, а кредиторы посчитают, что их интересы никак фактически не учитываются должником. На наш взгляд, для данной процедуры необходимо предусмотреть конкретный временной промежуток, как

минимум, длиною в 6 месяцев, который возможно было бы продлить по решению кредиторов.

В-третьих, одной из проблем является определение размера финансовой помощи, предоставляемой должнику. Закон о банкротстве устанавливает, что размер финансовой помощи должен быть достаточным для погашения денежных обязательств, требований о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательных платежей и восстановления платежеспособности должника (п. 1 ст. 31 Закона о банкротстве). Из смысла данной нормы следует вывод: финансовой помощи должно быть достаточно не только для того, чтобы отпали все признаки несостоятельности, но и была восстановлена платежеспособность и нормальная финансово – хозяйственная деятельность должника.

В этой связи М. В. Телюкина приходит к выводу о том, что договор судебной санации «фиксирует намерение санатора в течение определенного времени перечислить должнику столько денег, сколько будет достаточно для полного исполнения всех обязательств и обязанностей»⁶. Представляется, что такой размер финансовой помощи при применении как судебной, так и досудебной санации поможет ликвидировать только лишь «симптомы» неплатежеспособности на определенное время, но не позволит ликвидировать саму неплатежеспособность.

Заметим, что целесообразно было бы на всем протяжении досудебной санации вести мониторинг, который даст понять, как быстро будет достигнута цель восстановления платежеспособности должника и будет ли вообще достигнута⁷.

Кроме указанных проблем, Закон о банкротстве не раскрывает многие другие важные аспекты досудебной санации: не регламентирует порядок привлечения инвесторов, не устанавливает никаких гарантий от возбуждения дела о банкротстве в период ее проведения, не решает вопрос о контроле со стороны кредиторов за выполнением мероприятий должником и другие.

На наш взгляд, проблемы реализации механизма досудебной санации, неразработанность норм в данной области являются следствием отсутствия реальной заинтересованности кредиторов в восстановлении платежеспособности должника на досудебной стадии, в результате чего почти всегда для кредиторов значительно проще обанкротить предприятие. Такие ситуации существуют в судебной практике. В одном деле⁸ участник организации-должника осуществлял попытки погашения своих обязательств перед кредитором, чтобы не допустить банкротство. Он перечислил денежные средства на расчетный счет кредитора, который оказался закрытым. Однако, как выяснилось в судебном заседании, кредитор не был заинтересован в получении денег и был заинтересован в банкротстве должника, для чего и закрыл счет. Тем не менее, суд поддержал позицию кредитора о его намерении ввести процедуру банкротства.

Таким образом, примеры применения досудебной санации для восстановления платежеспособности должника достаточно редки, что говорит о необходимости на законодательном уровне рассмотреть вопрос о более серьезной проработке мероприятий, направленных на предупреждение банкротства должника, в том числе, досудебной санации, которая, если будет предпринята должником вовремя и будут выбраны правильные действия, спасет предприятие от банкротства.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Карелина С. А. Механизм предупреждения несостоятельности (банкротства): миф или реальность действующего законодательства? // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 50.
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Постатейный комментарий / Под ред. В. В. Витрянского. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Свит Ю. Восстановительные процедуры – способ предотвращения банкротства // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 16.
5. Филиппов А. С. Банкротство ликвидируемого должника: как это работает // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 6. С. 40–65; № 7. С. 55–57.
6. Телюкина М. В. Банкротство юридических лиц: теоретические и практические аспекты несостоятельности // Хозяйство и право. 2012. № 9. Приложение. С. 6
7. Апоницкий С. В. Механизм реализации досудебной санации для восстановления платежеспособности должника – юридического лица: проблемы теории и практики // Современный юрист. 2017. № 2. С. 92.
8. Определение Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2015 по делу № А60-56117/2014 // Документ опубликован не был.

Л. А. Кашина

студент, ПГНИУ

научный руководитель: О. А. Кузнецова

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПОДАЧУ (НЕСВОЕВРЕМЕННУЮ ПОДАЧУ) ЗАЯВЛЕНИЯ ДОЛЖНИКА

Рассматриваются вопросы, связанные с нарушением обязанности по обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом. Анализируются проблемные аспекты установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам о привлечении к субсидиарной ответственности лиц за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); субсидиарная ответственность; неплатежеспособность

SUBSIDIARY LIABILITY FOR FAILURE (UNTIMELY SUBMISSION) OF THE PETITION FOR THE DEBTOR'S BANKRUPTCY

The article covers variety of issues connected with the breach of obligation to file bankruptcy. The author analysis main problems in establishing subject-matter of the subsidiary liability cases for late filing (non-filing) bankruptcy.

Keywords: insolvency (bankruptcy); subsidiary liability; inability to pay

Некоторые правоведы отмечают, что на самом раннем этапе развития института банкротства право должника на подачу заявления о банкротстве рассматривалось в качестве некой уступки должнику, позволяющей избежать ему отрицательных личных последствий. Так, в США, Англии и Франции должник во избежание заключения под стражу должен был доказать суду, что он самостоятельно и незамедлительно инициировал процедуру банкротства¹.

В настоящий момент в российском законодательстве – Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)² – наряду с правом должника обратиться с заявлением о банкротстве (ст. 9 Закона о банкротстве) закреплена и обязанность по совершению этого же действия.

Интересно отметить, что нормы об обязанности по подаче заявления должника о банкротстве мы не обнаружим ни в дореволюционном праве России, ни в Законе о банкротстве 1992 года⁴.

В данное время для обеспечения реализации ст. 9 Закона о банкротстве законодатель установил ответственность за ее неисполнение, получившую наименование «Субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника» (ст. 61.12. Закона о банкротстве).

В силу абз. 1 п. 1 ст. 61.12. Закона о банкротстве неисполнение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в срок, которые установлены ст. 9 Закона о банкротстве, влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых Законом о банкротстве возложена обязанность по созыву заседания для принятия решения о подаче заявления должника в арбитражный суд, и (или) принятию такого решения, и (или) подаче данного заявления в арбитражный суд.

Исследуя данный вопрос, мы должны напомнить, что до 2017 года правовое регулирование субсидиарной ответственности в делах о банкротстве было сосредоточено в ст. 10 Закона о банкротстве, которая в результате принятия Фе-

дерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»³ утратила силу.

В соответствии с п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве заявление должника должно быть направлено в арбитражный суд в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств. При этом для ликвидационной комиссии п. 3 ст. 9 Закона о банкротстве установлен специальный срок – в течение десяти дней с момента выявления ликвидационной комиссией признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества должника.

Важно сказать о том, что требования к форме заявления о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве на законодательном уровне отсутствуют, что нередко вызывает сложности у правоприменителей. Так, А. Бычков справедливо отмечает, что встречающееся на практике простое указание в таком заявлении на период возникновения неплатежеспособности будет расцениваться судом как недопустимое⁶. Таким образом, заявитель должен раскрыть два обстоятельства: 1) когда именно у должника возникла неплатежеспособность; 2) когда у руководителя должника возникла обязанность обратиться в суд.

Следует отметить, что случаи, при которых у должника возникает обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением, предусмотрены п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Перечислим некоторые из них: 1) удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами; 2) органом должника, уполномоченным в соответствии с его учредительными документами на принятие решения о ликвидации должника, принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника и т. д.

Нужно иметь в виду, что, стремясь нивелировать законодательные пробелы, препятствующие единообразию судебной практики, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) выработал правовую позицию относительно содержания предмета доказывания по спорам о привлечении руководителей к субсидиарной ответственности по ст. 61.12. Закона о банкротстве. В частности, ВС РФ указал, что для привлечения к данному виду ответственности подлежат доказыванию следующие обстоятельства: 1) наличие одного из условий, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве; 2) момент возникновения такого условия; 3) факт неподачи заявления о банкротстве должника в течение месяца со дня возникновения соответствующего условия; 3) объем обязательств должника, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве⁵.

Подчеркнем, что наиболее трудно доказываемым обстоятельством среди выше перечисленных многие ученые называют момент, когда руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Так, Ю. Д. Жукова пишет о том, что форма изложения предусмотренных ст. 9 Закона о банкротстве обстоятельств затрудняет одинаковое понимание даты их возникновения, или даты, когда они объективно должны стать очевидными для руководителя⁷.

Обратим внимание на то, что довольно часто определение момента возникновения такой обязанности суды связывают либо со сдачей годовой бухгалтерской отчетности, которая иллюстрирует неспособность расплатиться с кредиторами (отрицательный бухгалтерский баланс)¹⁰, либо с наступлением обязанности по уплате налогов и сборов или иных платежей¹¹.

Любопытно, что некоторые правоведы выступают с предложением исключить субсидиарную ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника, поскольку они сомневаются в возможности преодоления коллизий в судебной практике, касающихся момента возникновения обязанности обратиться в суд с заявлением. Так, одним из сторонников упразднения субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника является К. Б. Кораев. Этот автор аргументирует свою позицию следующим образом: законодатель в данном случае закрепил внешние признаки, влекущие обязанность руководителя должника обратиться с заявлением о банкротстве, что обуславливает неопределенность этой категории дел, поскольку внешний характер этих признаков не способен обеспечить установление достаточных оснований для возложения на руководителя должника обязанности объявить о несостоятельности должника⁸.

Мы считаем замечания вышеуказанного правоведа справедливыми. Однако нам представляется, что отказ от данной правовой конструкции нецелесообразен, так как одним из его последствий будет защита интересов исключительно должника. Легко доказать, что отсутствие ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника значительно ограничит права кредиторов, поскольку стимулировать соответствующих лиц предельно быстро инициировать процедуру несостоятельности (банкротства) станет невозможно.

На наш взгляд, решение данной проблемы заключается в установлении максимально возможного паритета прав должника и его кредиторов. Отметим, что недавно ВС РФ попытался сделать это посредством закрепления критерия добросовестного и разумного поведения руководителя должника. В частности, в Постановлении Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» было указано: «Если руководитель докажет, что он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный

срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, то такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение этого плана являлось разумным»⁹.

Итак, целесообразно сделать следующие выводы:

1. В заявлении о привлечении должника к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должны быть уточнены следующие обстоятельства: 1) когда именно у должника возникла неплатежеспособность; 2) когда у руководителя должника возникла обязанность обратиться в суд.

2. Недостатком законодательного регулирования является отсутствие норм, раскрывающих предмет доказывания по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве. Полагаем, законодатель должен устранить вышеуказанный пробел, заимствовав подход, предложенный ВС РФ.

3. Наиболее сложно доказываемым обстоятельством является момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

4. Предлагаемый некоторыми учеными отказ от конструкции субсидиарной ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве должника нецелесообразен, поскольку он приведет к нарушению паритета интересов должника и его кредиторов.

5. ВС РФ предложил при рассмотрении вопроса об определении момента, с которого у руководителя появляется обязанность обратиться с заявлением о банкротстве должника, использовать критерий добросовестного и разумного поведения руководителя должника.

Литература

1. Денека И. М. Развитие законодательства о банкротстве в Англии, США и Франции: ключевые аспекты // Юрист. 2013. № 24. С. 24.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4815.
4. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. 1992. 30 дек.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3. С. 27.
6. Бычков А. За долги ответишь // ЭЖ-Юрист. 2013. № 35. С. 15.
7. Жукова Ю. Д. Основания привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности за необращение в суд с заявлением о банкротстве: анализ тенденций арбитражной практики // Вестник арбитражной практики. 2015. № 4. С. 42.

8. *Кораев К. Б.* Некоторые проблемы процессуально-правового положения неплатежеспособного должника // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 47.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 2017. 29 дек.
10. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2015 г. по делу № А19-12840/2012. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/gFwhRE26CRWS/> (дата обращения: 12.03.2018).
11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12 января 2016 г. по делу № А78-4382/2014. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/7C4cNIWFJmVC/> (дата обращения: 20.03.2018).

Е. Д. Конева
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, КОНТРОЛИРУЮЩИХ КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Анализируются основания привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию. Подробно исследуются основания применения ответственности в отношении лиц, контролирующих кредитную организацию, недобросовестное и неразумное поведение которых повлекло несостоятельность (банкротство) кредитной организации. Также рассматриваются проблемы доказывания недобросовестности и неразумности действий бывшего руководителя, повлекших банкротство кредитной организации.

Ключевые слова: кредитная организация; контролирующие лица; бывший руководитель; недобросовестность; неразумность

E. D. Koneva
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

SUBSIDIARY RESPONSIBILITY OF THE PERSONS CONTROLLING CREDIT INSTITUTIONS IN THE CASE OF BANKRUPTCY

In article the bases of attraction to subsidiary responsibility of the persons controlling credit institution are analyzed. The bases of use of responsibility concerning the persons controlling credit institution whose unfair and unreasonable behavior has entailed insolvency (bankruptcy) of credit institution are in detail investigated. And also problems of proof of dishonesty and unreasonableness of the actions of the former head which have entailed bankruptcy of credit institution are considered.

Keywords: credit institution; the controlling persons; the former head; dishonesty; unreasonableness

На сегодняшний день все более актуальным вопросом процедуры банкротства становится проблема субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которые в случае недостаточности имущества должника отвечают по его долгам.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»¹ содержит специальные нормы, которые регламентируют процесс привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, устанавливают условия и особенности взыскания с них убытков.

Кроме того, с 30.07.2017 года вступили в силу поправки к названному закону, в том числе введена новая глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве».

Так, скорректировано само понятие контролирующего лица – это физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Следует заметить, что первый толчок по привлечению контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности получила практика именно по делам о банкротстве кредитных организаций².

Особое правовое регулирование правоотношений, возникающих при банкротстве кредитных организаций вызвано тем, что кредитным организациям присуща частично ограниченная специальная правоспособность, в рамках которой они на основании лицензии вправе совершать банковские операции, предусмотренные ФЗ «О банках и банковской деятельности»³.

Кроме того, несостоятельность любого должника негативно сказывается на деятельности кредитора, поэтому законодателем установлены более жесткие основания признания банкротом кредитной организации, по сравнению с основаниями, предусмотренными для других категорий должников. В частности, для кредитных организаций предусмотрен более короткий срок неплатежеспособности, по истечении которого кредиторы должника или сам должник вправе обратиться с заявлением о признании организации банкротом – четырнадцать дней⁴.

Можно отметить, что в действующем законодательстве о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию в делах о банкротстве существуют пробелы. В первую очередь, об это говорят проблемы, выявляемые арбитражными судами при рассмотрении дел, связанных с привлечением к ответственности бывших руководителей кредитных организаций и других контролирующих лиц.

По смыслу п. 1 ст. 189.23 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» лица, контролирующие кредитную организацию, в случае недоста-

точности имущества этой организации несут субсидиарную ответственность по ее обязательствам, если банкротство наступило вследствие действий и (или) бездействия таких контролирующих лиц.

В случае банкротства наиболее распространенным видом ответственности можно признать ответственность контролирующую кредитную организацию лиц, которые вправе давать обязательные для исполнения организацией указания или иным образом определять действия такой организации. Судебная практика показывает, что, как правило, субъектами субсидиарной ответственности в таком случае выступают именно бывшие руководители банков.

Обязанность доказывания наличия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующую кредитную организацию лиц возложена на заявителя, обратившегося в суд с таким требованием.

При этом, в привлечении к субсидиарной ответственности лица, контролирующего кредитную организацию будет отказано, если заявитель не докажет, что обстоятельства, на которые он ссылается как на основание привлечения к ответственности, причинили вред имущественным правам кредиторов.

Значимым в этой связи можно признать Постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 г. № 9127/12⁵, в котором изложена правовая позиция по рассматриваемому вопросу.

В Постановлении приводятся обязательные элементы, которые необходимо установить суду при разрешении вопроса о привлечении лиц, контролирующих кредитную организацию, к субсидиарной ответственности:

1) объективная сторона правонарушения, связанная с установлением факта действий и (или) бездействия контролирующих банк лиц, повлекших банкротство банка;

2) субъективная сторона правонарушения, которая включает в себя вину лиц, контролирующих кредитную организацию;

3) причинно-следственная связь между действием (или) бездействием контролирующих банк лиц и невозможностью удовлетворения требований кредиторов.

Если арбитражным судом установлено, что контролирующие кредитную организацию лица, обладающие соответствующими полномочиями, давали указания, прямо или косвенно направленные на доведение организации до банкротства, либо, наоборот, не совершили действий, направленных на предотвращение банкротства, банкротство банка признается наступившим.

Необходимо учитывать, что при разрешении вопроса привлечения к субсидиарной ответственности действия контролирующих банк лиц подлежат оценке судом с точки зрения добросовестности и разумности.

В частности, разумность действий руководителя банка может выражаться, например, в проведении анализа документов, необходимых для разрешения вопроса о выдаче кредита. Также разумным действием может быть признан отказ в

кредитовании заемщиков с плохим финансовым состоянием. О добросовестности действий, в свою очередь, может свидетельствовать организация и осуществление контроля за надлежащей проверкой платежеспособности заемщиков, формирование активов банка таким образом, чтобы это не приводило к снижению платежеспособности и т. д.⁶

Кроме того, суды при разрешении вопроса о привлечении контролирурующих лиц к субсидиарной ответственности часто руководствуются положениями Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»⁷. В п. 2 и 3 названного Постановления раскрываются понятия недобросовестных и неразумных действий лиц, входящих в состав юридического лица.

Например, недобросовестность руководителя признается доказанной, если установлено, что директор знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершил сделку на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т. п.). Так, о неразумных и недобросовестных действиях бывшего руководителя банка может говорить отсутствие в банке надлежащей деятельности по комплексному анализу платежеспособности заемщика.

Но, важно заметить, что по смыслу п. 1 Постановления № 62 сами по себе негативные последствия, наступившие в период времени, когда бывший руководитель входил в состав органов управления, не свидетельствуют о недобросовестности его действий, так как возникновение таких последствий может быть обусловлено рискованным характером предпринимательской деятельности.

Таким образом, в случае недоказанности вины в доведении кредитной организации до банкротства контролирующее кредитную организацию лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности. Кроме того, неправомерно привлекать лицо к субсидиарной ответственности в случае, когда действия такого контролирующего кредитную организацию лица, повлекшие причинение вреда правам кредиторов, не выходили за пределы обычного предпринимательского риска. Об этом свидетельствуют разъяснения, данные в Постановлении № 62, которыми, на наш взгляд, необходимо руководствоваться в случае привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. ст. 4190.
2. *Александров А. Ю. Красноштанов Д. С.* Гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц в банкротстве // Закон. 2015. № 7.
3. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 28.01.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. ст. 492.

4. *Тарасенко О. А.* Банкротство кредитных организаций: особенности и проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 86.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 № 9127/12 по делу № А40-82872/10-73-400"Б" // Вестник ВАС РФ. 2013. № 2.
6. *Воробьева И. О., Быков В. П., Черникова Е. В.* Привлечение к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 1. С. 98.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС. 2013. № 10.

С. А. Коняева
магистрант, ПГНИУ
научный руководитель: Д. Н. Латыпов

К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ ЗА НЕВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛНОГО ПОГАШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Анализируется предмет доказывания при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Исследуется понятие контролирующего лица. Затрагиваются некоторые проблемы, связанные с установлением причинно-следственной связи. Оцениваются изменения законодательства с точки зрения баланса интересов.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; несостоятельность (банкротство); контролирующее должника лицо; баланс интересов

S. A. Konyaeva
master's student, Perm State University
supervisor: D. N. Latypov

TO THE QUESTION OF LIABILITY OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR FOR IMPOSSIBILITY OF FULL REPAYMENT OF CREDITORS

This article explores the rules of evidence when debtors controlling person are involved in subsidiary liability. The concept of the controlling person is investigated. Some problems related to the establishment of a causal relationship are touched upon. Estimates of changes in legislation in terms of balance of interests.

Keywords: subsidiary liability; insolvency (bankruptcy); person controlling the debtor; balance of interests

С принятием Федерального закона от 29.07.2017 года № 266-ФЗ ст. 10 Закона о банкротстве¹ превратилась в целую главу. Впоследствии Верховный суд РФ разъяснил новые нормы в Постановлении № 53 «О некоторых вопросах, свя-

занных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 29.12.2017 г. Это обусловлено в первую очередь тем, что ст. 10 Закона о банкротстве являлась слишком перегруженной. С точки зрения законодательной техники было необходимо создать наиболее читаемый вариант положений об ответственности в случае банкротства. Внесённые изменения, таким образом, систематизировали ранее действующие правила, а также установили новые правила доказывания соответствующих обстоятельств, связанных с привлечением к ответственности. Некоторые юристы обращают внимание на то, что новеллы носят прокредиторский характер, а балансирующих элементов, защищающих интересы привлекаемых лиц, не достаёт². Полагаем, что в данном случае следует обратить внимание на п. 1 ППВС № 53, который определяя общие принципы привлечения контролирующих лиц к ответственности, указывает, что субсидиарная ответственность является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов³.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов предусмотрена ст. 61.11 Закона о банкротстве. Для привлечения таких лиц к ответственности необходимо доказать статус контролирующего лица, факт причинения вреда – невозможность полного погашения требований кредиторов, причинно-следственную связь и вину, то есть субсидиарная ответственность представляет собой конструкцию возмещения убытков, но с облегчёнными для истца правилами доказывания.

Субъектом ответственности являются контролирующие должника лица. Основные признаки, по которым определяется статус такого лица, не изменились – это возможность определять действия должника и давать ему обязательные указания. При решении вопроса о привлечении контролирующих должника лиц к ответственности большое значение имеет временной период, подлежащий оценке. В настоящее время он составляет три года (ранее существовал двухлетний срок), предшествующих возникновению признаков банкротства. Практика показывает, что некоторые суды формально подходят к определению статуса контролирующего лица. К примеру, в деле № А32-9992/2014 Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отказал в привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности на том основании, что его полномочия прекращены более чем за два года до принятия заявления о признании должника банкротом⁴. Представляется, что формальный подход, основанный лишь на исчислении установленных сроков недопустим, должны оцениваться фактические обстоятельства и действия привлекаемых к ответственности лиц.

Анализируя положения закона, а также Постановления Пленума ВС РФ № 53, возникает вопрос: ст. 61.10, определяющая контролирующих должника лиц, касается исключительно ст. 61.11 или применяется также к ответственности

за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о признании банкротом (ст. 61.12)? Полагаем, что это разные субъекты, и субъект ответственности по ст. 61.12 может и не быть контролирующим. Безусловно, они могут совпадать, но по ст. 61.12 субъект будет нести ответственности не за то, что он контролировал должника и довёл его до банкротства, а за то, что после этого он не подал соответствующее заявление.

Доказывание причинно-следственной связи между действиями субсидиарного ответчика и банкротством должника является наиболее сложным элементом. В этом законодатель помогает истцу, введя презумпции, при которых предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий (бездействия) контролирующего лица. На сегодняшний день существует 5 таких презумпций, рассмотрим наиболее интересные из них.

1. Причинение существенного вреда имущественным интересам кредиторов в результате совершения (одобрения) сделки. Это означает, что, если у сделки есть порок и эта сделка совершена по указанию контролирующего лица либо с его одобрения, то причинно-следственная связь доказана. Понятие существенного вреда в Законе о банкротстве не раскрывается, примеры таких сделок даны в разъяснении Верховного суда РФ. Необходимо учитывать масштаб деятельности должника, влияние сделок на такую деятельность. Так, в одном из Определений суд указал, что несмотря на признание недействительными ряда преференциальных сделок, совершённых в месячный срок до возбуждения дела о банкротстве, совершение их должником, являющимся крупной торговой сетью не является основанием для привлечения руководителя к субсидиарной ответственности⁵.

Очень удобными являются положения п. 3 ст. 61.11, в соответствии с которыми рассматриваемая презумпция будет иметь значение и в следующих случаях:

– если заявление о признании сделки недействительной не подавалось вообще. Таким образом, суд в одном процессе будет проверять и порочность сделки, и наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, что позволяет значительно сэкономить время на оспаривании сделок. На настоящий момент в основном суды учитывают данные положения, оценивая сделку на предмет соответствия законодательству⁶.

– если уже подано заявление об оспаривании сделки, но соответствующий судебный акт ещё не вынесен;

– судом отказано в признании сделки недействительной, но по нереабилитирующим основаниям.

С учётом таких положений возникает проблема параллельности судебных актов. В случае если выводы судов не совпадают, какому из них нужно отдавать предпочтение? Представляется, что данный вопрос должен разрешаться по ана-

логии с п. 29 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35⁷, то есть приоритет отдаётся судебному акту, принятому в рамках дела о банкротстве, поскольку в нём, как правило, участвует больше лиц, соответственно больше доводов.

2. Установленные законодательством документы бухгалтерского учёта и (или) отчётности не переданы, либо не содержат необходимой информации, либо информация в них искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур банкротства. Для того, чтобы презумпция работала необходимо также установить вину субъекта ответственности, исходя из того, приняло ли это лицо все меры для надлежащего исполнения обязательств по ведению и передаче документации, при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота⁸.

Что касается вины, то необходимо учитывать, что субсидиарная ответственность при банкротстве является гражданско-правовой, и при ее применении должны учитываться общие положения глав 25 и 59 ГК РФ. Соответственно субсидиарный ответчик должен сам доказать отсутствие вины и, если докажет, что вред причинён не по его вине, он освобождается от ответственности. Суды отмечают, что для привлечения контролирующего лица к гражданско-правовой ответственности за доведение должника до банкротства не требуется наличие у него прямого умысла именно на это, достаточно доказанности факта совершения им виновных неправомерных действий от имени должника, которые привели к несостоятельности должника⁹.

В целом, новеллы законодательства следует охарактеризовать положительно. Они являются необходимыми в условиях, когда требования кредиторов практически никогда не погашаются в полном объёме. Безусловно, не все вопросы, возникающие при рассмотрении заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, разрешены на уровне законодательства или разъяснений Верховного суда РФ, но это объясняется тем, что не всегда возможно установить формальные критерии. Решить соответствующие вопросы помогают дискреционные полномочия суда. Стоит отметить, что такая дискреция направлена не только на помощь истцу, но и на сбалансированность интересов при рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности.

Законом предусмотрены материально-правовые и процессуальные гарантии прав контролирующих лиц. Среди гарантий прав контролирующих должника лиц можно выделить материально-правовые и процессуальные гарантии. Первые заключаются в установлении условий и пределов ответственности. Кроме того, закрепляется право обратного требования (регресса) к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр (п.3

ст. 61.15), что представляется не совсем логичным. К процессуальным гарантиям относится предоставление субсидиарным ответчикам прав и обязанностей лиц, участвующих в деле о банкротстве. При этом законодатель внес важное уточнение относительно того, что подобные субъекты выступают в качестве ответчиков по подобному заявлению (п. 1 ст. 61.15 Закона о несостоятельности), из чего следует более четкое определение средств процессуальной защиты.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 04.05.2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
2. Шиткина И., Мифтахутдинов Р., Чернышов Г., Литовцева Ю., Суворов Е., Булатов П., Ястржембский И., Зайцев Р., Курмаев Р., Алмакаев Д. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности // Закон. 2017. № 8. С. 18–33.
3. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. № 297.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.09.2017 г. по делу № А32-9992/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Арбитражного суда Пермского края от 22.03.2018 по делу № А50-4062/2017. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из ГАС «Правосудие».
6. Определение Арбитражного суда Пермского края от 14.02.2018 по делу № А50-194/2014. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из ГАС «Правосудие».
7. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.;
8. Определение Арбитражного суда Пермского края от 12.01.2018 по делу А50-25484/2016. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из ГАС «Правосудие».
9. Определение Арбитражного суда Пермского края от 17.04.2018 по делу № А50-7919/2017. [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из ГАС «Правосудие».

Ю. С. Крапивина
студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРСНОЙ МАССЫ ИЗ ИМУЩЕСТВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

На основе действующего законодательства и научной литературы анализируется проблема, возникающая при формировании конкурсной массы супруга-банкрота, делаются выводы относительно существующего порядка реализации общего имущества.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); супруг-банкрот; совместно нажитое имущество

THE PROBLEM OF FORMING THE COMPETITIVE MASS FROM THE PROPERTY IN THE JOINT PROPERTY OF SPOUSES

Based on the current legislation and scientific literature, this article analyzes the problem that arises in the formation of the bankrupt's bankrupt estate, conclusions are drawn regarding the existing procedure for selling common property.

Keywords: insolvency (bankruptcy); spouse-bankrupt; jointly acquired property

Согласно семейному законодательству (а именно ст. 34 Семейного кодекса РФ¹) к общему имуществу супругов относится следующее: доходы каждого из супругов от трудовой и предпринимательской деятельности, от результатов интеллектуальной деятельности, а также полученные ими пенсии, пособия и другие денежные выплаты, но которые не имеют специального целевого назначения. Более того, к этой категории относятся и движимые, недвижимые вещи, ценные бумаги, вклады, паи, доли, внесенные в кредитные учреждения либо в другие коммерческие организации и иное нажитое в период брака супругами имущество, при этом не имеет значения на имя кого из супругов оно приобретено, кем из них были внесены денежные средства.

В связи с этим возникает интересный вопрос: если один из супругов становится банкротом, то будет ли затронуто их общее имущество и в каком порядке оно будет отчуждаться?

На данный счет следует отметить, что порядок пополнения конкурсной массы супруга-банкрота за счет доли совместного нажитого имущества регламентирован п.7 ст. 213.26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»², который закрепляет следующее: в конкурсную массу может включаться имущество гражданина, составляющее его долю в общем имуществе, на которое может быть обращено взыскание в соответствии с семейным и гражданским законодательством. Отметим, что кредитор имеет право предъявить требование о выделе доли гражданина в общем имуществе для того, чтобы на нее было обращено взыскание. Имущество гражданина, которое принадлежит ему на праве общей собственности вместе с супругом (бывшим супругом), будет реализовываться по общим правилам в деле о банкротстве гражданина.

В данных ситуациях супруг (бывший супруг) имеет право участвовать в деле о банкротстве гражданина при рассмотрении вопросов по реализации их общего имущества. Согласно действующему законодательству, выходит, что в конкурсную массу входит часть средств от реализации общего имущества супругов

(бывших супругов), которая соответствует доле гражданина в этом имуществе, а остальная часть средств, соответственно, выплачивается другому супругу.

Таким образом, проанализировав данные положения, можно подвести итог о том, что законом допускается принудительная реализация имущества того лица, которое должником не является. Иными словами, имущество будет реализовано, независимо от волеизъявления супруга (бывшего супруга). Более того, до того, как вопрос о разделе общего имущества не будет решен, ни один из них не сможет распоряжаться каким бы то ни было способом таким имуществом либо вырученными за счет его реализации средствами. Представляется, что данное обстоятельство обусловлено тем, что конкурсная масса уже сформирована и обособлена от имущества должника.

На наш взгляд, закрепленный порядок реализации совместно нажитого имущества (по сути, принудительное прекращение права собственности) является достаточно серьезным ограничением права собственности супруга должника. Ибо складывается такая ситуация, что супруг должника лишается возможности сохранить право собственности на совместное имущество, предусмотренной ст. 255 Гражданского кодекса РФ³ (далее – ГК РФ).

Выходит, что содержащиеся положения в Законе о банкротстве входят в некое противоречие со ст. 235 ГК РФ, которая, в свою очередь, содержит исчерпывающий перечень оснований для принудительного прекращения права собственности, то есть данная норма является гарантией недопустимости самовольного ограничения права.

Кроме того, положения ГК РФ допускают принудительное прекращение права собственности только по обязательствам самого собственника (не по обязательствам сособственника, в том числе супруга).

Соответственно, мы считаем, что рациональным будет изменение пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве. Полагаем, если будет закреплен механизм, который позволял бы супругу должника осуществлять выкуп доли в общем имуществе по рыночной стоимости, то его права были бы более защищенными. И если супруг должника от данного права отказывается, то тогда общее имущество продается с соответствующей компенсацией стоимости его доли в этом отчужденном имуществе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. № 17. 27.01.1996.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. № 209-210. 02.11.2002.

К. В. Леонтьев
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

В рыночной экономике институт несостоятельности (банкротства) становится значимым инструментом регулирования правоотношений между кредиторами и должниками. Центральной фигурой в делах о несостоятельности (банкротстве) является арбитражный управляющий, который наделен широким кругом полномочий, что обуславливает повышенное внимание к ответственности таких лиц. Цель данной статьи – изучить административно-правовую ответственность арбитражного управляющего, а также выдвинуть предложения по совершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: арбитражный управляющий; административно-правовая ответственность; несостоятельность (банкротство)

K. V. Leontiev
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACCOUNTS OF THE DEBTOR DURING BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Within the framework of a market economy, the institution of insolvency (bankruptcy) becomes a significant instrument for regulating legal relations between creditors and debtors. The Central figure in insolvency (bankruptcy) is the arbitration Manager, who is endowed with a wide range of powers, which causes increased attention to the responsibility of such persons. the Purpose of this article is to study the administrative and legal responsibility of the arbitration Manager, as well as to make proposals to improve legislation in this area.

Keywords: trustee in bankruptcy; administrative law; insolvency (bankruptcy)

Процедура несостоятельности (банкротства), а соответственно и фигура арбитражного управляющего, как одного из лиц, участвующих в указанной процедуре, были введены в правовую науку и практику Российской Федерации с момента перехода нашего государства от плановой экономики к рыночной.

Следует отметить, что фигура арбитражного управляющего стала одной из ключевых среди всех иных еще в Федеральном законе от 08.01.1998 года № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. Закон о банкротстве определял арбитражного управляющего как лицо, назначаемое арбитражным судом для проведения процедур банкротства и осуществления иных полномочий, установленных федеральным законом. Указанное определение арбитражного управ-

ляющего было изменено принятием в Российской Федерации Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее по тексту – Закон о банкротстве).

Как было отмечено ранее, фигура арбитражного управляющего является одной из ключевых в рамках рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), что в свою очередь отражается на многообразии видов ответственности, применяемых к данному лицу. В рамках Закона о банкротстве ответственность арбитражного управляющего регулируется ст. 20.4. В части первой данной статьи указывается, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего в соответствии с Законом о банкротстве или федеральными стандартами, является основанием для отстранения арбитражным судом арбитражного управляющего от исполнения данных обязанностей по требованию лиц, участвующих в деле о банкротстве, а также по требованию саморегулируемой организации арбитражных управляющих, членом которой он является.

Административно-правовая ответственность арбитражных управляющих, в отличие от иных видов ответственности, регулируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее по тексту – КоАП РФ). Соответствующие нормы содержатся в ст.14.13, 14.21. и 14.22. КоАП РФ.

В ст. 14.13. КоАП РФ указывается несколько составов правонарушений, по каждому из которых к арбитражному управляющему может быть применена административная ответственность. Однако стоит отметить, что меры административной ответственности, указанные в ст. 14.13. КоАП РФ, применяются только в том случае, если совершенное арбитражным управляющим деяние не является уголовно наказуемым. В ст. 28.1 КоАП РФ указан перечень поводов к возбуждению дела об административном правонарушении в отношении арбитражных управляющих.

До внесения изменений в 2013 году указанный перечень содержал в себе достаточно узкий круг поводов к возбуждению дела об административном правонарушении арбитражного управляющего. Внесение же соответствующих изменений в указанную статью позволило ряду лиц своевременно выявлять и устранять недоработки и ошибки арбитражного управляющего на различных стадиях процедуры банкротства.

В повседневной жизни, учитывая соответствующие изменения, судебные органы все равно достаточно часто сталкиваются с проблемой отсутствия явно выраженных и четко определенных критериев, по которым выявляется достаточность данных, указывающих на наличие состава административного правонарушения. Так, Е. Е. Горб в своей работе указывает на то, что понятие «достаточные данные» является по своей сути «размытым» и не дает принимать правильные и объективные решения в отношении поступающих заявлений и обращений фи-

зических и юридических, обращающихся в судебные органы, с целью привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности⁴.

Также в указанной работе поднимается ещё одна важная проблема использования понятия «достаточные данные» в рамках ст. 28.1. КоАП РФ. Так, автор указывает на то, что зачастую обращения физических и юридических лиц содержат лишь общие фразы, характеризующие деятельность арбитражных управляющих с недобросовестной стороны, при этом ссылок на нарушенные нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) не имеется. Также в большинстве случаев к подобным заявлениям не прикладываются документы, подтверждающие изложенные факты, что не позволяет выявить состав административного правонарушения при непосредственном обнаружении. Автор настоящей работы согласен с указанной выше проблемой. Для её решения, по нашему мнению, следует внести в КоАП РФ изменения, в части указания в соответствующей статье определение понятия «достаточные данные», которое будет с должным уровнем конкретизации указывать на перечень таких достаточных данных.

Переходя к изучению судебной практики по делам о привлечении арбитражных управляющих к административной ответственности, следует выделить группу часто совершаемых указанными лицами правонарушений. Так, зачастую арбитражные управляющие допускают нарушения, возникающие в связи с организацией и проведением собраний кредиторов должника; нарушения, возникающие в связи с порядком осуществления расчетов; нарушения, возникающие в связи с порядком предоставления отчетов о ходе своей деятельности арбитражным управляющим; нарушения, возникающие в связи с порядком представления информации арбитражным управляющим всем заинтересованным лицам о предпринимаемых им действиях.

Как видно, арбитражные управляющие довольно часто нарушают нормы законодательства, при этом такие нарушения очень часто носят грубый характер и причиняют значимый вред иным лицам, участвующим в делах о несостоятельности (банкротстве). Стоит отметить, что, несмотря на количество таких правонарушений, а также, несмотря на то, что они имеют огромную общественную опасность, суды в большинстве случаев привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности либо снижают размер ответственности (например, снижается размер штрафа), либо полностью освобождают арбитражных управляющих от ответственности.

Обычно в случаях снижения размера ответственности или в случае полного освобождения от ответственности, суды ссылаются на малозначительность таких правонарушений, поскольку они не влекут за собой общественно опасных последствий. Нам представляется целесообразным законодательно, основываясь на имеющейся судебной практике по таким делам, раскрыть содержание терми-

на «малозначительность» и определить критерии отнесения правонарушений арбитражных управляющих к малозначительным.

Автору данной работы также представляется необходимым рассмотреть вопрос такой меры административного наказания, как дисквалификации.

Применение такой меры административной ответственности как дисквалификация предусматривается ч. 3, ст. 14.13, ч. 3.1, ст. 14.13, ст. 14.21, ст. 14.22 КоАП РФ.

Дисквалификация как мера административной ответственности, как показывает судебная практика, в основном применяется только в тех случаях, когда арбитражные управляющие неоднократно нарушают положения Закона о банкротстве и КоАП РФ.

Однако стоит отметить, что несмотря на очень редкое применение судами такой меры административного наказания как дисквалификация, законодатель постепенно идет по пути ужесточения ответственности арбитражного управляющего. Так, в декабре 2015 года были внесены соответствующие поправки в КоАП РФ⁵. Данные изменения касаются ответственности арбитражного управляющего при проведении процедур банкротства. В частности, статья 14.13 была дополнена п. 3.1., в соответствии с которым повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3. ст. 14.13. КоАП РФ, влечет ответственность в виде дисквалификации.

По мнению автора настоящей работы, внесение таких поправок является оправданным, поскольку такая мера административного наказания как штраф, далеко не всегда может достичь целей административного наказания, в то время как дисквалификация для арбитражного управляющего является довольно серьезной мерой воздействия, в большинстве случаев лишая его основной статьи доходов.

Противоположную позицию занимают такие авторы как О. В. Кистринова и М. А. Кузнецов. В своей работе они указывают, что «ч. 3.1. ст. 14.13. КоАП РФ может послужить основанием для массовой дисквалификации профессиональных арбитражных управляющих даже за совершение правонарушений незначительной тяжести. В современных условиях кредиторам не составляет особого труда привлечь управляющего к ответственности. Это может стать инструментом замены «нежелательного» арбитражного управляющего на «своего» для недобросовестных участников процедуры банкротства, прежде всего для кредиторов»⁶.

Подводя итог, следует сказать, что арбитражные управляющие в процессе своей профессиональной деятельности несут разные виды ответственности, одним из которых, является административно-правовая, которая имеет большое значение при регулировании деятельности арбитражных управляющих. Помимо вопросов, затронутых в настоящей статье, административное законодательство содержит и ряд других проблем, решение которых, должно приниматься в кратчайшие сроки.

Литература

1. Федеральный закон от 08.01.1998 года № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 222.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190; 2015. № 29. Ст. 4341.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 года № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Горб Е. Е. Проблематика рассмотрения саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих жалоб на действия своих членов // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 22.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29 декабря 2015 года № 391-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1. Ст. 11.
6. Кистринова О. В., Кузнецов М. А. К вопросу об административно-правовой ответственности арбитражных управляющих // Юрист. 2016. № 22. С. 27–31.

П. Д. Лукманова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ЗАЛОГ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ В БАНКРОТСТВЕ

Анализируется судебная практика по применению положений о залоге права требования в процедуре банкротства. Данная тема актуальна в России, так как ввиду высокой ликвидности заложенных прав кредиторы заинтересованы в указанном предмете залога, следовательно, и в приоритетном удовлетворении своих требований в случае банкротства должника-залогодателя.

Ключевые слова: залог права требования; банкротство залогодателя; эластичность залога

P. D. Lukmanova

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

PLEDGE OF RIGHT TO CLAIM A DEBT IN BANKRUPTCY

In the present article, the court practice on the application of provisions on the security of the right of claim in the procedure of bankruptcy is analyzed. This topic is relevant in Russia, in view of the high liquidity of the pledged rights, the creditors are interested in the said subject of the pledge, and therefore in the priority satisfaction of their claims in the case of bankruptcy of the debtor – the pledger.

Keywords: security of the right of claim; bankruptcy of the pledger; collateral elasticity

В целях обеспечения исполнения обязательств участники гражданского оборота нередко применяют конструкцию залога права требования. Ввиду того, что указанные права обладают высокой ликвидностью (отсутствие издержек,

связанных с обращением взыскания на предмет залога), кредиторы по сделкам (в большинстве случаев – банки) заинтересованы в заключении с должником договора залога в отношении требований к его контрагентам по сделкам.

Переломным моментом в практике удовлетворения требований кредиторов, долг перед которыми обеспечен залогом права требования, стало определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС16-7885¹. Позиция высшей инстанции привела к тому, что рассматриваемый способ обеспечения во многих случаях теряет свою ценность.

Обстоятельства дела были таковы. Банк обратился в суд с заявлением об установлении его требований в реестре требований должника («Микротест») как обеспеченных залогом безналичных денег. При этом банк ссылаясь на то, что он выдавал должнику кредиты, обеспеченные залогом требований по договорам, которые «Микротест» заключал со своими контрагентами.

К моменту установления требований банка в реестре кредиторов несостоятельного должника некоторые заложенные банку права уже прекратились исполнением, и банк полагал, что, так как соответствующие денежные средства были получены в качестве исполнения по заложенным правам, его требования обеспечены залогом этих безналичных денежных средств.

Суды трех инстанций посчитали, что поскольку денежные средства, полученные по заложенным требованиям, стали предметом залога, то требования банка подлежат установлению в реестре требований кредитора как требования, обеспеченные залогом.

Однако Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение. При этом Верховный Суд РФ сделал следующие выводы:

– принцип эластичности залога не действует при исполнении денежного обязательства, права по которому заложены (п. 2 ст. 345 ГК РФ²);

– залог безналичных денег невозможен, но возможен залог прав по договору банковского счета;

– права по договору банковского счета могут быть предметом залога лишь при условии открытия залогового счета;

– в п. 2 ст. 358.6 ГК РФ указано, что при получении денежных сумм от своего должника в счет исполнения обязательства залогодатель по требованию залогодержателя обязан уплатить ему соответствующие суммы в счет исполнения обязательства, обеспеченного залогом. Эта обязанность является «незалоговой»;

– если бы банк открыл специальный залоговый счет, то он бы стал залоговым кредитором в отношении зачисленных на такой счет денег;

– при зачислении денег на специальный банкротный залоговый счет в результате продажи заложенного права требования или получения денежного исполнения они становятся предметом залога.

Стоит отметить, что ранее данный вопрос судами решался иначе³.

В юридической литературе неоднозначно оценивается занятая Верховным Судом РФ позиция в отношении статуса залога денежных средств, поступивших по заложенным требованиям на расчетный счет должника.

Так, комментируя указанное определение, Р. С. Бевзенко и И. А. Ястржембский делают следующий вывод о том, что «требование о зачислении "заложенных" денежных средств исключительно на залоговый счет под страхом прекращения залога не учитывает юридическую природу залога как вещного обеспечения. Даже если залогодержатели предусмотрят в своих договорах с заемщиками требования к заемщикам, чтобы те, в свою очередь, предусмотрели требования к своим должникам перечислять деньги не на обычный расчетный счет, а на залоговый, реально это мало улучшит положение залогодержателей»⁴.

Ввиду этого авторы предлагают распространить принцип эластичности залога на денежные средства, благодаря чему при физической трансформации предмета залога (перечисление денежных средств дебиторами по заложенным правам требования на расчетный счет кредитора – залогодателя), требования залогового кредитора в банкротстве будут удовлетворены, что соответствует принципу стабильности гражданского оборота. Данной позиции придерживаются и другие авторы⁵.

Парируя им, О. П. Плешанова считает, что Верховный Суд РФ занял правильную позицию, придерживаясь принципа специальности залога, благодаря которому предмет залога должен быть определен так, чтобы его можно было четко идентифицировать и не смешивать с иным имуществом (автор как раз считает, что этому способствует открытие залогового счета, на который должны поступать денежные средства по заложенным правам требования). Ввиду этого, делает вывод автор, суд, руководствуясь императивными нормами о залоге права требования (подп. 3 п. 2 ст. 345, п. 1 ст. 358.9 ГК РФ), верно разрешил дело. В противном случае, а именно при расширительном применении принципа эластичности залога судом будут нарушены интересы залогодателя⁶, а в последующем, при банкротстве последнего – интересы других кредиторов.

В то же время мнения указанных авторов совпадают по вопросу необходимости устранения недостатков правового регулирования залогового счета путем уточнения норм закона и принятия нормативных правовых актов Банка России.

Рассматриваемое определение Верховного Суда РФ оставило ряд вопросов, в том числе один из них связан с залоговым счетом, а именно с обязательностью открытия указанного счета.

Так, окружным судом⁷, а далее и Верховным Судом РФ⁸ был сделан вывод о том, что в отсутствие залогового счета денежные средства, поступающие по заложенным правам требования, подлежат аккумулярованию на открытом конкурсном управляющим специальным счете должника и распределяются в порядке ст. 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁹. Ввиду этого бездействия конкурсного управляющего в не направлении денежных средств, поступивших по заложенным правам требования, были признаны незаконными. Однако, несмотря на незаконность действий, суд указал, что обязать арбитражного управляющего перечислить данные денежные средства на специальный счет невозможно даже в случае наличия их на расчетном счете.

Как мы видим, изменение судебной практики негативно отразилось на статусе залоговых кредиторов, чьи долги обеспечены правами требования, т.к. во-первых, залог прекращается при трансформации прав требований в денежные средства в случае несвоевременного включения в реестр кредитора в качестве залогового; во-вторых, даже в случае подачи заявления залогового кредитора о включении в реестр во время (до перечисления денежных средств по заложенным правам требования), суд при необеспечении перевода указанных средств с расчетного счета на специальный арбитражным управляющим не сможет обязать последнего их перечислить/вернуть (в случае погашения других требований).

В связи с этим, видится целесообразным в целях сохранения преимущественного удовлетворения требований залогового кредитора, признать обязательство залогодателя перечислить залогодержателю средства, полученные от должника по заложенному требованию, в счет исполнения обеспеченного залогом обязательства (п. 2 ст. 358.6 ГК РФ), «залоговым» и в процедуре банкротства (ранее нами было отмечено, что Верховный Суд РФ не признал данную норму применимой в банкротстве).

Признание за этой обязанностью статуса «залоговой» в процедуре банкротства, а также применение принципа эластичности к денежным средствам, полученным по заложенным требованиям, способствовали бы повышению ценности и стабильности такого обеспечения, как переданные в залог ликвидные права требования, а соответствующее толкование п. 2 ст. 358.6 ГК РФ могло бы стать одним из аргументов в его пользу.

Литература

1. Определение Верховного суда РФ от 17.10.2016 по делу № А40-57347/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2018).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.
3. Определение ВАС РФ от 29.07.2013 по делу № А57-8702/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2018).
4. Бевзенко Р. С., Ястржембский И. А. Ускользнувшая ценность // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 12. С. 4–15.

5. Высоцкий С., Устинович М. Залог прав требования при банкротстве залогодателя: как получить долг в приоритетном порядке // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 1. С. 52–57.
6. Плешанова О. П. Эластичность vs специальность залога. Реплика по поводу комментария Р. С. Бевзенко и И. А. Ястржембского к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 № 305-ЭС16-7885 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 4–8.
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2016 № Ф03-5993/2016 по делу № А73-7519/2012 URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.04.2018).
8. Определение Верховного суда РФ от 10.05.2017 по делу № А73-7519/2012 [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2018).
9. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. ст. 4190.

В. П. Лунегова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: Е. В. Любимова

К ВОПРОСУ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КРЕДИТОРАМИ КОНТРОЛЯ НАД ИМУЩЕСТВОМ ДОЛЖНИКА ПРИ ЗАМЕЩЕНИИ АКТИВОВ

Рассматривается проблема при замещении активов должника в ходе банкротства, которая сводится к утрате кредиторами прямого контроля над имуществом должника. Существующие правовые механизмы не обеспечивают в полной мере защиту интересов кредиторов. Делается вывод о необходимости закреплять в уставе акционерного общества, создаваемого в порядке замещения активов, правила об одобрении сделок такого общества.

Ключевые слова: банкротство; замещение активов; собрание кредиторов

V. P. Lunegova

student, Perm State University

supervisor: E. V. Lyubimova

TO THE QUESTION OF THE CREDITORS OF MONITORING ON THE ASSISTANCE OF THE OBLIGATOR WITH SUBSTITUTION OF ASSETS

The article deals with the problem arising when the debtor's assets are replaced during bankruptcy, which is reduced to the loss by the creditors of direct control over the property of the debtor. The existing legal mechanisms do not fully protect the interests of creditors. The author comes to the conclusion that it is necessary to fix the rules on approval of transactions of such company in the charter of the joint-stock company created in the order of replacement of assets.

Keywords: bankruptcy; asset replacement; creditors' meeting

Как следует из ст. 115, ст. 141 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве), замещение активов должника применяется в ходе внешнего управления или конкурсного производства. Эта мера заключается в создании на базе имущества должника акционерного общества, т. е. в уставный капитал вновь создаваемого акционерного общества вносятся активы должника. В свою очередь, должник получает все акции созданного акционерного общества.

Основная проблема, возникающая при замещении активов, сводится к утрате прямого контроля кредиторов над имуществом должника.

Гарантией защиты имущественных прав кредиторов от незаконных действий, связанных с отчуждением имущества должника, являются две законодательные меры.

Во-первых, в п. 11 ст. 115 Закона о банкротстве устанавливается запрет на распоряжение внесенным в уставный капитал акционерного общества имуществом до момента полной реализации его акций. Это решение не является безусловным, поскольку не позволяет обществу осуществлять текущую деятельность². Более того, важно учитывать, что должник оказался в процедуре банкротства именно с этим составом имущества, что косвенно свидетельствует о его нерентабельности. Иногда гораздо выгоднее продать старое оборудование или уступить права требования.

Для эффективного функционирования созданного акционерного общества более правильным было бы разделение его имущества на две группы: первую группу составит имущество, распоряжение которым возможно только после продажи акций, вторую – имущество, которым общество может распоряжаться в процессе текущей деятельности².

Следует также указать, что, предусмотрев запрет на отчуждение имущества, внесенного в уставный капитал акционерного общества, законодатель не установил запретов относительно того имущества, которое будет создаваться (приобретаться) в результате деятельности созданного акционерного общества. Представляется, что защитить права кредиторов применительно к этой ситуации возможно с помощью второй законодательной гарантии – установление Законом о банкротстве структуры органов управления акционерного общества, созданного в порядке замещения активов.

В соответствии с п. 3.1 ст. 115 Закона о банкротстве единственным учредителем созданного общества является должник. Согласно п. 8 ст. 115 Закона о банкротстве единоличным исполнительным органом является внешний управляющий или иное лицо, назначенное внешним управляющим на основании решения собрания кредиторов. В силу п. 10 ст. 115 Закона о банкротстве решением собрания кредиторов (комитета кредиторов) возможно предусмотреть созда-

ние коллегиального органа управления; члены этого органа избираются собранием кредиторов (комитетом кредиторов).

В практике Семнадцатого апелляционного суда встречалась иная модель управления обществом, созданным в порядке замещения активов³. В созданном на базе имущества должника обществе состав коллегиального органа (совета директоров) определялся общим собранием акционерного общества, т.е. должником. Уставом общества было предусмотрено, что единоличный исполнительный орган назначается именно советом директоров. При такой модели управления обществом в данном деле были заключены убыточные договоры аренды. Для того чтобы активы созданного общества не были выведены, конкурсный управляющий прекратил полномочия членов совета директоров и назначил новых, а также отказался от исполнения убыточных сделок.

Чтобы исключить подобную недобросовестность менеджмента организации, нам видится необходимым закреплять в уставе акционерного общества, создаваемого в порядке замещения активов, детальные правила об одобрении сделок такого общества.

Тем более что подобная практика встречается. Так, Арбитражный суд Уральского округа отметил, что нет оснований для применения обеспечительных мер в отношении имущества созданного акционерного общества, так как, во-первых, в рассматриваемый период действовал установленный Законом о банкротстве запрет на право распоряжения спорным имуществом; во-вторых, уставом созданного общества предусматривалось, что все сделки, связанные с недвижимым имуществом, подлежат одобрению на общем собрании акционеров (единственным акционером): это не позволяет обществу произвести отчуждение недвижимого имущества без одобрения такой сделки кредиторами должника⁴.

На наш взгляд, необходимо использовать норму п. 10 ст. 115 Закона о банкротстве, позволяющую создавать коллегиальный орган управления, избрание членов которого осуществляется собранием кредиторов (комитетом кредиторов). В соответствии с п. 4 ст. 65.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) коллегиальный орган управления (наблюдательный или иной совет) контролирует деятельность исполнительных органов корпорации и выполняет иные функции, возложенные на него законом или уставом⁵. Согласно п. 2 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах» уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия совета директоров (наблюдательного совета) на совершение определенных сделок; иначе сделка является оспоримой как совершенная за пределами ограничений устава (п. 1 ст. 174 ГК РФ)⁶.

Такое регулирование позволит контролировать действия директора по совершению сделок с ценным для кредиторов имуществом.

В заключение стоит отметить, что законодательное регулирование замещения активов должника скупое и не учитывает сложностей ведения бизнеса, в том числе, остается открытым вопрос о том, как осуществлять эффективную предпринимательскую деятельность в условиях запрета на распоряжение своим имуществом.

Велики и риски кредиторов, связанные с возможностью потери контроля над имуществом должника в ходе создания самостоятельного субъекта права. В целях сохранения такого контроля необходимо в уставе акционерного общества, создаваемого в порядке замещения активов, предусматривать необходимость одобрения сделок этого общества коллегиальным органом управления, члены которого избираются непосредственно кредиторами должника.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 (ред. от 07.03.2018) № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43.
2. *Клячин А. А.* Отдельные проблемы применения замещения активов в рамках процедур несостоятельности // Банкротство в системе рыночных отношений: актуальные проблемы нормотворчества и правоприменения: сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. 2015. С. 106, 107.
3. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 08.10.2015 № 17АП-203/2006-ГК по делу № А60-12747/04-С3. // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (Дата обращения – 18.03.2018).
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.09.2015 № Ф09-3994/10 по делу № А07-15993/2009 // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». (Дата обращения – 18.03.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.94 (ред. от 29.12.2017) № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32.
6. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 (ред. от 07.03.2018) № 208-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1.

А. Н. Марданов

адъюнкт,

Санкт-Петербургский университет МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ПРИ НАЛИЧИИ ПОСРЕДНИКА

Статья посвящена феномену наличия посредника во взяточничестве, криминалистической характеристике и правоприменительной практике в указанной сфере.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; посредник во взяточничестве; судебная практика; правоприменительная практика

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BRIBERY INCLUDING MEDIATOR AS A BASE FOR THE INTERACTION BETWEEN INVESTIGATOR AND POLICE DEPARTMENTS

This article is devoted to phenomenon of mediator's existence in a bribery, criminological characteristics and law-enforcement practice in this particular sphere.

Keywords: corruption; bribery; mediator in bribery; court practice; law-enforcement practice

На современном этапе проблема коррупции все более негативно сказывается на нормальном функционировании общественных механизмов, препятствует модернизации экономики, вызывает недоверие к органам государственной власти, а также создает угрозу национальной безопасности. В последнее время происходит существенное реформирование действующего законодательства, направленное на противодействие взяточничеству и коррупции.

В частности, принят Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции». Кроме того, Президентом Российской Федерации подписан ряд указов, посвященных борьбе с коррупцией. Среди них нельзя не отметить Указ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и Указ от 2 апреля 2013 г. № 310 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Однако, к сожалению, до настоящего времени принимаемые меры существенных результатов не принесли. В том числе, введение в уголовный закон состава преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ: «Посредничество во взяточничестве», порождает у правоприменителя ряд проблем, связанных с квалификацией и расследованием этих общественно опасных посягательств.

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, в 2016 году за такие преступления коррупционной направленности, как взяточничество и коммерческий подкуп было осуждено 10420 человек, в том числе, за посредничество во взяточничестве – 256 человек (ч. 1 – 4 ст. 291.1 УК РФ). Однако анализ статистических данных показывает, что более четверти уголовных дел о посредничестве во взяточничестве (от числа выявленных преступлений), прекращается по

реабилитирующим основаниям, то есть событие преступления, и вина соответствующих лиц остаются недоказанными.

Такое положение требует проведения сбалансированной государственной политики, направленной на разработку эффективных мер по противодействию взяточничеству, в том числе, совершаемому при участии посредника, и реализации таковых в контексте обеспечения стабильности развития российского общества. В связи с этим, огромное значение приобретает работа по осуществлению грамотного и целенаправленного расследования взяточничества при наличии посредника, где основным ядром является эффективное взаимодействие следователя с оперативными подразделениями.

Высокая латентность посредничества во взяточничестве затрудняет расследование данного вида преступлений. Дело в том, что большая часть уголовных дел по факту совершения взяточничества при участии посредника возбуждается на основании материалов, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому правильно организованное и осуществленное взаимодействие оперативно-розыскных подразделений и следователя, особенно на этапе возбуждения уголовного дела по факту взяточничества при наличии посредника позволяет своевременно выявить и закрепить признаки преступной деятельности, дать правильную правовую оценку, определить направления и конкретные мероприятия по закреплению доказательств.

В связи с этим актуальными представляются всестороннее изучение криминалистической составляющей взяточничества при наличии посредника, включая практический опыт, накопленный оперативно-розыскными подразделениями по данной проблеме. При этом приоритетным направлением является модернизация криминалистических методик расследования взяточничества при участии посредника, а также разработка рекомендаций, позволяющих избежать провокаций, и обеспечить недопустимость подстрекательских действий со стороны оперативных сотрудников и содействующих им лиц.

Кроме того, проблемы, возникающие при взаимодействии следователя и оперативных подразделений, связаны с недостаточно четкой регламентацией данной деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, а также со слабой координацией действий участников взаимодействия, где каждая из сторон часто старается показать свою приоритетность в раскрытии и расследовании данного вида преступлений.

Основными выводами являются следующие тезисы:

1) Когда взятка дается с привлечением посредника, то данное обстоятельство обуславливает три важные в криминалистическом значении проблемы.

а) Как правило, взяткодатель и взяткополучатель между собой бывают лично незнакомы. В свою очередь это накладывает отпечаток как на самую возмож-

ность проведения отдельных следственных действий, так на тактику производства отдельных из них. Например, это исключает возможность предъявления для опознания взяткодателя взятокополучателю (и наоборот); предопределяет круг вопросов, связанных с обстоятельствами непосредственного момента дачи – получения взятки, которые следует выяснять при допросах этих лиц, и т. п.

б) Возникает необходимость выяснения вопроса, «дошел» ли предмет взятки вообще и в каком размере до предполагаемого взятокополучателя, был ли он в действительности ему передан. Более того, посредник, будучи избличенным в получении предмета взятки от взяткодателя для передачи взятокополучателю, зачастую выдвигает версию о том, что переданный ему предмет взятки он присвоил, а соответствующее должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в негосударственной организации, выполнило действия в интересах взяткодателя по другим причинам (в частности, в силу того, что просто по закону было обязано их выполнить, либо, выполнив «бескорыстную» просьбу посредника в связи наличием между ними родственных, дружеских или других неформальных отношений).

в) Посредник, передающий взятку по поручению взяткодателя, является лицом, которому передаваемый предмет взятки не принадлежит на праве собственности или в силу каких-либо других обстоятельств, и которое не преследует личной пользы в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей от тех действий (бездействия) должностного лица, которые обусловлены передаваемой им взяткой. При отсутствии хотя бы одного из указанных признаков лицо, передавшее взятку взятокополучателю или его посреднику, должно признаваться не посредником, а взяткодателем.

2) Преступники рассматриваемой категории – это лица, обладающие высоким образовательным уровнем, имеющие достаточно большой опыт профессиональной деятельности, значительные организаторские способности, умение эффективно организовывать свою преступную деятельность, принять меры по ее сокрытию, маскировке под правомерную деятельность.

3) При поступлении информации о совершенном преступлении по факту взяточничества при наличии посредника должны выдвигаться все возможные версии, чтобы обеспечить полное, всестороннее и объективное расследование дела. Фактическую базу версий, выдвигаемых на первоначальном этапе раскрытия и последующего расследования, составляют оперативные и проверочные данные. Специфика построения версии по таким делам состоит в том, что их выдвижение становится возможным еще до возбуждения уголовного дела на основании фактических данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, либо проверочных действий органов прокуратуры, либо содер-

жащихся в заявлениях и сообщениях граждан о совершенном или готовящемся преступлении.

Основными версиями по делам о взяточничестве на начальном этапе расследования обычно являются следующие:

- имела место взятка или взятка вымогается либо требуется должностным лицом;

- заявитель желает скомпрометировать должностное лицо, оговаривая его в совершении преступления, в частности, из мести за его правомерную деятельность (характерно для заявлений в отношении сотрудников правоохранительных органов);

- ценности переданы должностному лицу правомерно, имеется заблуждение заявителя о сущности акта передачи и взаимоотношений должностного лица с предполагаемым взяткодателем;

- заявитель заблуждается относительно должностного положения принявшего вознаграждение (например, вознаграждение передано за профессиональную деятельность или лицу, не являющемуся должностным);

- имеет место совершение иного преступления (мошенничества, злоупотребления служебным положением и др.);

- иное в зависимости от характера полученной информации.

Если наиболее вероятной является версия о взяточничестве, то следователь выдвигает все возможные версии по каждому подлежащему установлению обстоятельству. Версии проверяются одновременно, поэтому уже на первоначальном этапе необходимо разработать наиболее полный план расследования, основной целью должна стать проверка многих версий при проведении каждого следственного действия и иного мероприятия. Это предотвратит повторные допросы, осмотры, неполноту результатов следственных действий и значительно сократит время и силы следователя.

4) Типичными источниками информации о фактах взяточничества являются: заявления граждан (потерпевших, свидетелей) о совершенном или совершающемся преступлении; заявления, которое поступило от взяткодателя, посредника либо другого соучастника преступления о состоявшемся факте передачи взятки; оперативные источники;

5) Наибольшая эффективность использования результатов оперативно-розыскной деятельности достигается, если совместная работа сотрудников оперативных служб со следователем начинается на стадии доследственной проверки. Кроме того, результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки

и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут стать вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

6) Роль следователя на этапе подготовки к возбуждению дела по факту взяточничества не должна сводиться только к даче консультаций. Он должен не только дать заключение относительно готовности материалов к реализации, но и определить для оперативного сотрудника направление дальнейшей работы.

7) Взаимодействие следователя и оперативных подразделений происходит на различных этапах расследования, в частности: при проведении организационных мероприятий, связанных со сбором доказательств, обнаружением имущества, нажитого преступным путем, вещественных доказательств, выяснением взаимоотношений между участниками преступной группы, их связей; при принятии необходимых мер по процессуальному закреплению доказательств; при определении объема предстоящей работы и подготовки обоснованных предложений о создании следственно-оперативной группы с момента возбуждения уголовного дела.

8) Расследование взяточничества при участии посредника должно строиться при тесном взаимодействии следователя и оперативных сотрудников, где одну из ключевых ролей играет обмен информацией и своевременное ее процессуальное закрепление. В частности, должны применяться оперативно-розыскные мероприятия, направленные на документирование фактов получения взятки, которые имеют свою специфику и индивидуальные особенности тактического построения в каждом отдельном случае.

9) Под принципами взаимодействия следователя и оперативных подразделений следует понимать основные руководящие положения, которые определяют содержание, формы сотрудничества и направлены на решения общих задач по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

10) Основной формой является планирование совместных действий, где на детальном уровне должен быть разработан весь механизм взаимодействия, так как сочетаются разные виды деятельности, предусматривающие различные приемы, способы, средства и методы индивидуальной работы.

Как правило, преступления, имеющие коррупционную направленность являются многоэпизодными, сложными для расследования, в связи с чем создание следственно-оперативной группы является одной из действенных форм взаимодействия между следователем и оперативными работниками.

11) При задержании с поличным по делам о взяточничестве при наличии посредника необходимо соблюдение следующих условий:

– Задерживать лицо с поличным следует, когда взятополучатель получил от посредника предмет взятки и смог распорядился как своим собственным.

– Проведение оперативного эксперимента при соблюдении изложенных выше условий допустимо, однако возможность использования его результатов в судебном доказывании должна решаться индивидуально по каждому уголовному делу.

– Использование результатов оперативных экспериментов, проводимых в качестве плановых проверок, в судебном доказывании по уголовным делам недопустимо.

Целесообразно, чтобы оперативные сотрудники до начала производства оперативного эксперимента обсуждали его «сценарий» со следователем, который затем при наличии, естественно, на то оснований (по собственной ли инициативе, поручению руководителя следственного подразделения), будет решать вопрос о возбуждении по его результатам уголовного дела.

В самом же осуществлении задержания следователь не только не должен участвовать, но и не должен при нем присутствовать. В противном случае может возникнуть проблема необходимости его допроса в качестве свидетеля по обстоятельствам, связанным с задержанием, что, как известно, исключит возможность осуществления им дальнейшего расследования по данному уголовному делу.

12) Оперативно-розыскная деятельность является не просто специфическим, но зачастую и уникальным способом выявления и фиксации доказательств, которому нет аналогов в уголовном процессе. Именно это свойство оперативно-розыскной деятельности наиболее ценно для следствия, поскольку полученные таким способом результаты не всегда могут быть продублированы в рамках процессуальных действий. Процесс в этом случае может лишь легализовать уже готовые результаты, сделать их допустимыми в процессе доказывания. Получается, что оперативно-розыскная деятельность расширяет возможности процесса, открывает для него дополнительные механизмы сбора доказательств.

Эффективность раскрытия и расследования взяточничества через посредника во многом определяется четкой организацией и тактикой проведения оперативно-розыскных мероприятий и первоначальных проверочных действий, направленных на выявление и закрепление фактических данных – следов преступной деятельности, отражающих способы действий преступников и обстоятельства совершения ими коррупционных посягательств.

С одной стороны, оперативно-розыскная деятельность непосредственно используется следователем для выдвижения версий и при определении направлений расследования, при обосновании необходимости производства определенных следственных действий и планировании их очередности, с другой – ре-

зультаты оперативно-розыскной деятельности преобразуются по правилам уголовного процесса в доказательства.

Грамотное применение следователем результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании коррупционных преступлений, в том числе, связанных со взяточничеством, имеет важное значение для привлечения виновных к уголовной ответственности, предотвращает возможное прекращение уголовного дела на стадии предварительного следствия и оправдания преступника в ходе судебного разбирательства по делу.

Литература

1. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции»): [Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 (с изменениями и дополнениями от: 6 июня, 8 июля, 3 декабря 2013 г., 23 июня, 25 июля 2014 г., 8 марта 2015 г., 8 июня 2016 г., 21 февраля, 19 сентября 2017 г.)] – [Электронный ресурс] // ИПП Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70350274/>.
2. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: [Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 310 (с изменениями и дополнениями от: 8 июля, 3 декабря 2013 г., 23 июня 2014 г.)] – [Электронный ресурс] // ИПП Гарант. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70350272/>.
3. *Баев О. Я.* И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) / О. Я. Баев // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2002. № 1(3). С. 19–23.
4. *Лямин М. В.* Использование криминалистических методов в расследовании взяточничества в правоохранительных органах: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 147.
5. *Моисеенко М., Шарапов Р.* Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки / М. Моисеенко, Р. Шарапов // Уголовное право. М.: АНО Юридические программы, 2013. № 1. С. 71–77.
6. *Подольный Н. А.* Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений // Библиотека криминалиста. 2012. № 1 (2). С. 199.

Н. С. Наборщикова
магистрант, ПГНИУ
научный руководитель: Д. Н. Латыпов

ОТСУТСТВИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА КАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

Рассматривается влияние отсутствия трудоустройства на последствия признания гражданина банкротом. Исходя из формирующейся судебной практики и действующего законодательства, выделяются условия, при которых отсутствие трудоустройства может рассматриваться как злоупотребление правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом; трудоустройство; освобождение от обязательств; добросовестность; банкротство

THE LACK OF EMPLOYMENT AS THE ABUSE OF RIGHTS IN THE BANKRUPTCY OF THE CITIZEN

The article analyzes the impact of lack of employment on the consequences of declaring a citizen bankrupt. Based on the emerging judicial practice and current legislation, the conditions under which absence of employment can be considered as abuse of the law are highlighted.

Keywords: abuse of law; employment; discharge; good faith; bankruptcy

Возможность введения процедур банкротства в отношении гражданина, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, предусмотрена положениями главы X Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. При этом в отношении гражданина, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, вводятся особые процедуры, предусмотрены иные признаки банкротства гражданина, нежели при банкротстве юридических лиц. Особенности процедур банкротства гражданина обусловлены его статусом непрофессионального участника гражданского оборота и характера правоотношений, в которых он состоит как гражданин (трудовые, семейные).

Статьей 34 Конституции РФ предусмотрено, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей. В соответствии со статьей 37 Конституции РФ труд в Российской Федерации свободен, принудительный труд запрещен.

Указанные положения особенно важны при анализе судебной практики, согласно которой отсутствие трудоустройства расценивается судами как злоупотребление правом, поскольку в таком случае гражданин не передает в конкурсную массу заработную плату, а кредиторы должника лишаются возможности удовлетворения своих требований, в связи с чем суды не применяли к такому гражданину правила об освобождении его от исполнения обязательств².

При этом как злоупотребление правом судами рассматривалось не только отсутствие попыток гражданина по трудоустройству во время процедуры банкротства, но и отсутствие таких попыток в преддверии процедуры банкротства³.

Суды перечисляли отсутствие трудоустройства в числе обстоятельств, которые свидетельствуют о злоупотреблении правом должником, вплоть до того, как подобное дело было передано для рассмотрения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Так, из Определения Верховного Суда РФ от 15 июня 2017 года по Делу № А03-23386/2015⁴ следует, что судами нижестоящих инстанций должнику отказано в применении правил об освобождении его от исполнения обязательств в связи с его недобросовестным поведением, а именно: отсутствием трудоустройства, передачей в конкурсную массу заработной платы, нераскрытием обстоятельств, приведших к банкротству, а также источников существования. Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты и освобождая должника от исполнения обязательств, указал, что отказ в освобождении от обязательств должен быть обусловлен противоправным поведением должника, направленным на умышленное уклонение от своих обязательств перед кредиторами (сокрытие имущества, воспрепятствование деятельности финансового управляющего и т.д.), что судами по этому делу установлено не было.

Верховным Судом РФ были оценены все обстоятельства, указанные нижестоящими инстанциями в качестве оснований для усмотрения злоупотребления правом, кроме отсутствия трудоустройства. Поскольку Верховный Суд РФ сделал вывод о том, что отсутствуют основания для неприменения в отношении должника правила об освобождении от исполнения обязательств, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что в соответствии с выводами Верховного Суда РФ отсутствие трудоустройства не должно расцениваться судами как свидетельство наличия в действиях должника злоупотребления правом.

После появления вышеназванного Определения Верховного Суда РФ практика несколько изменилась, хотя и сейчас выносятся судебные акты, в которых отсутствие трудоустройства перечисляется в числе обстоятельств, которые свидетельствуют о злоупотреблении правом должником, без анализа причин отсутствия такого трудоустройства.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2018 № Ф09-8272/17 по делу № А76-20408/2016⁵ указано, что у должника отсутствовали объективные препятствия к официальному трудоустройству с 2014 года, что расценено судами как злоупотребление правом в соответствии со статьей 10 ГК РФ, не смотря на то, что обязательства должника возникли в 2012 и 2013 годах, в связи с чем должник не мог действовать недобросовестно, принимая на себя заведомо неисполнимые обязательства в данный период, так как на момент их принятия был официально трудоустроен.

Складывающаяся судебная практика делает невозможным установить, что конкретно суды расценивают как злоупотребление правом. В действительности каждое обстоятельство, на которое ссылается лицо, доказывая злоупотребление правом со стороны гражданина-должника, должно анализироваться с точки зрения наличия признаков, которые определены для злоупотребления правом в

процедуре банкротства гражданина, в том числе и отсутствие трудоустройства как таковое.

Так, признавая отсутствие трудоустройства гражданина-должника в качестве злоупотребления правом, должны быть проанализированы такие обстоятельства, как: наличие неофициальных доходов и характер их источника, наличие исполнительных производств по алиментным и иным обязательствам (от которых должник не освобождается в любом случае), фактическая возможность лица устроиться на работу; знали ли кредиторы физического лица об отсутствии трудоустройства на момент принятия обязательств должником, вводил ли гражданин-должник их в заблуждение и т. д. Одного указания в судебном акте на то, что отсутствие трудоустройства при наличии неисполненных денежных обязательств является злоупотреблением правом, на наш взгляд, недостаточно.

Такие категории, как «злоупотребление правом», «добросовестность», сложны для применения, поскольку предоставляют возможность широкого судебного усмотрения. Данный тезис поддерживается в научной литературе⁶.

Вероятно, по мере формирования судебной практики, признающей уклонение должника от трудоустройства в качестве злоупотребления правом и основания для неприменения в отношении гражданина правила об освобождении от обязательств, в Конституционный суд РФ будут поступать заявления, оспаривающие конституционность положений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в той части, в которой они фактически позволяют возводить труд в обязанность для гражданина-должника. Данные обстоятельства должны рассцениваться не только с точки зрения законодательства о банкротстве, но также и с точки зрения конституционных положений о том, что труд – не обязанность, а право каждого гражданина.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета, №209-210, 02.11.2002.
2. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.04.2017 № Ф04-679/2017 по делу № А27-5300/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.11.2016 № Ф04-5424/2016 по делу № А03-23386/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Верховного Суда РФ от 15.06.2017 по делу № 304-ЭС17-76, А03-23386/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2018 № Ф09-8272/17 по делу № А76-20408/2016 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 2(32). С. 175-184.

М. Ю. Назаров
студент ПГНИУ
научный руководитель: В. Г. Голубцов

МОТИВИРОВОЧНАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА: «ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РИТУАЛ» ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Рассматривается проект изменения процессуальных кодексов, связанных с отменой обязательной мотивировочной части судебного решения. Анализируются мнения учёных и профессионального сообщества по данному предложению. Поднимается вопрос о возможности сохранения преюдиции в связи с отсутствием в немотивированном решении указания на установление фактов, имеющих значение для лиц, участвующих в рассмотрении дела.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; решение суда

M. Yu. Nazarov
student, Perm State University
supervisor: V. G. Golubtsov

MOTIVATION PART OF THE COURT'S DECISION: "PROCEDURAL RITUAL" OR OBJECTIVE NEED

The article deals with the draft amendment of procedural codes related to the cancellation of the mandatory reasoning part of the court decision. The views of scientists and the professional community on this issue are analyzed. The issue of the possibility of preserving the meaning of prejudice is raised, due to the lack of an unmotivated decision indicating the establishment of facts relevant to persons participating in the proceedings.

Keywords: arbitration process; civil process; court decision

6 февраля 2018 года на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации внесён законопроект⁴ (далее – Законопроект), предполагающий внесение многочисленных изменений в ГПК РФ¹, АПК РФ² и КАС РФ³. Данный законопроект начинает так называемую «процессуальную революцию», результатом которой должно стать сближение гражданского, арбитражного и административного процессов.

Одним из основных предлагаемых изменений, вызвавшим дискуссию, является отмена обязанности суда составлять мотивировочную часть решения суда (п. 66 ст. 1 Законопроекта), в качестве исключения предусмотрено ее составление только при рассмотрении отдельных категорий дел (например, о возмещении вреда здоровью, о банкротстве, корпоративные споры и другие).

Сторонники указанных преобразований ссылаются на повышение качества защиты граждан, ввиду того, что судьи будут непосредственно заняты рассмотрением дел, а не написанием мотивировочных частей к уже принятым решениям. Естественно не определяющее, но достаточно существенное значение имеет и последующее за данным шагом снижение нагрузки судей.

Противники отмены обязательной мотивировочной части обосновывают свою позицию снижением уровня доверия населения к судебной системе, так как из резолютивной части решения невозможно проследить логические умозаключения и выводы, которые делал суд в процессе принятия данного решения. При отсутствии подробного описания рассуждений суда может сложиться закономерный вывод об отсутствии обоснованности решения как такового.

С. Л. Дегтярёв придерживается позиции необходимости мотивировочной части решения, как квинтэссенции всего процесса, так как именно в данной части судебного акта содержится алгоритм оценки как правомерного, так и неправомерного поведения сторон при осуществлении ими хозяйственной деятельности при реализации своих гражданских прав и интересов⁹.

Суды, формируя практику, способны оказывать влияние на субъектов текущих и будущих правоотношений, предостерегая от неверного применения норм права. Без наличия мотивированного решения затруднительно обнаружить ошибку в поведении стороны спора, выразившуюся в несении гражданско-правовой ответственности, так как отсутствует сама возможность восприятия рассуждений суда по данному спорному вопросу. Однако мотивация, согласно которой суд принял то или иное решение, на наш взгляд, имеет особое место при рассмотрении дел по отдельным категориям споров, имеющих социальное значение (трудовые, жилищные споры, из причинения вреда жизни и здоровью, банкротство и т. п.).

Изготовление мотивировочной части по ходатайству лиц, участвующих в деле, не является новеллой, данная норма уже имеет место в действующем процессуальном законодательстве (ч. 3, 4 ст. 199 ГПК РФ). Положительный опыт применения данной модели процессуального поведения в отношении мировых судей целесообразно развивать и совершенствовать в отношении федеральных судов.

Согласно статистике, приведённой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, по итогам работы судов общей юрисдикции за 2016 год⁵ в районные суды в порядке апелляционного производства поступило 7,4 % решений, вынесенных мировыми судьями (стр. 65 Обзора), из них доля отменённых и изменённых по существу решений от общего числа вынесенных мировыми судьями решений составляет 0,9 % (стр. 66 Обзора). Мотивировочная часть решения суда имеет важное значение в тех случаях, когда лица, участвующие в деле, не

удовлетворены вынесенным судебным актом и желают обжаловать акт с целью его отмены вышестоящей инстанцией.

Верховный Суд РФ приводит статистику, согласно которой распространена практика, при которой стороны не присутствуют в процессе, признают исковые требования истца, данные действия можно характеризовать как процессуально-пассивное поведение. Кроме того, более трети дел в судах общей юрисдикции приходится на категорию о взыскании задолженности по налогам и коммунальным платежам. В абсолютном большинстве споров ответчики признают исковые требования, и решение в дальнейшем не обжалуют. Для данной части заинтересованных в исходе дела лиц мотивировочная часть решения значения не имеет⁷.

В тоже время Верховный Суд РФ справедливо отмечает объективную необходимость указания мотивов суда в делах по социально-значимым (о возмещении вреда здоровью или споры о жилищных правоотношениях) или по сложным категориям дел (о банкротстве, по корпоративным спорам или об интеллектуальной собственности).

В пользу сохранения мотивировочной части решения суда выступает норма о преюдиции (ч. 2-4 ст. 61 ГПК РФ, ч. 2-4 ст. 69 АПК РФ, ч. 2, 3 ст. 64 КАС РФ). Все части судебного решения являются носителями преюдициальных положений, особенно с данной точки зрения важна мотивировочная часть, так как в ней содержатся установленные судом обстоятельства и факты, логические выводы и умозаключения, которые могут быть полезны лицам, участвующим в деле, в последующих спорах. При ссылке на вступившее в законную силу решение, лицо освобождается доказывания от обстоятельств, на которые ссылается, так как они уже были установлены судом по ранее рассмотренному делу. Как обоснованно считает Федеральная палата адвокатов, при отсутствии мотивировочной части решения суда, сократится возможность использования преюдиции⁶.

А. В. Незнамов отмечает, что все части судебного решения неразрывно связаны между собой. Изъятие мотивировочной части не только скажется на обоснованности, логичности и ясности судебного акта, но и повлияет на оказываемые им правовые эффекты. В данном случае автор, прежде всего, говорит о преюдициальности, наличие которой в немотивированном решении сомнительно⁸.

Следует обратить внимание, не только на значение преюдициальности судебных актов, но и на персональную цель обращения заявителя в суд – а именно о защите нарушенных прав. Преюдиция имеет значение при рассмотрении дел, концептуально важные вопросы, по которым уже рассматривались при производстве по другому делу (например, причинение вреда здоровью источником повышенной опасности, и последующие иски в порядке регресса к ви-

новнику происшествия, к страховой организации и т. д.). Совершенно другой подход к делам, при которых истец не будет пользоваться предоставленным процессуальным законодательством институтом преюдиции, так как основной интерес такого лица выражен только в вынесении в его пользу решения, например, о взыскании задолженности по договору.

Исходя из норм процессуальных кодексов, посвящённых решению суда, изготовление мотивировочной части предполагается (ч. 1 ст. 170 АПК РФ, ч. 1 ст. 198 ГПК РФ). При вынесении решения в порядке упрощённого производства суды общей юрисдикции, по общему правилу, не изготавливают мотивированный судебный акт. Исключения составляют подача соответствующего заявления от лиц, участвующих в деле, и обжалование решения в апелляционном порядке (ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ). Данная норма обусловлена, в том числе необходимостью выяснения при проверке акта судом апелляционной инстанции мотивов, которыми руководствовался суд первой инстанции, принимая решение по делу.

Иная правовая ситуация, в случаях, когда обжалуется решение, вынесенное в порядке упрощённого производства, в соответствии с арбитражным процессом, в котором суд апелляционной инстанции выносит постановление только на основании резолютивной части решения. Положения ст. 229 АПК РФ не обязывают суд первой инстанции изготавливать решение в полном объёме, в случае подачи апелляционной жалобы, решение в полном объёме изготавливается только по заявлению лица, участвующего в деле. В данном случае суд второй инстанции подменяет собой суд первой инстанции, так как вынужден устанавливать все обстоятельства дела заново, поскольку отсутствует мотивированное решение, изучая которое, можно оценить законность и обоснованность выводов суда.

Подводя итог, приходим к выводу о неоднозначности предложений по реформированию гражданского, арбитражного и административного процессов. Положительная сторона вопроса, заключающаяся в усилении защиты прав заинтересованных в исходе дела лиц посредством того, что суд, по сравнению со сложившейся на практике ситуацией, будет больше времени уделять непосредственному исследованию обстоятельств дела, следовательно, более качественно рассматривать дела, а не заниматься «отпиской» решений в полном объёме в тех случаях, когда отсутствует объективная необходимость.

Доводы противников реформы при ближайшем рассмотрении и тщательном анализе представляются не столь существенными, для того чтобы говорить об отсутствии обязательной мотивировочной части решения суда, как об однозначно негативном правовом явлении.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 46, ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 30, ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015, № 10, ст. 1391.
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Законопроект №383208-7: Система обеспечения законодательной деятельности URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения: 24.03.2018).
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2016 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/Obzor__sudebnoy_statistiki_po_SOYu_za__2016_god.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
6. Правовая позиция ФПА РФ // Федеральная палата адвокатов РФ URL: http://fparf.ru/documents/legal_positions/47180/?sphrase_id=139476 (дата обращения: 07.04.2018).
7. Федорова И. Верховный суд объяснил, почему откажется от мотивировочной части решений // «Право.ru» – информационный портал URL: <https://pravo.ru/news/200713/> (дата обращения 07.04.2018).
8. Незнамов А. В. Судьба института преюдиции в свете предлагаемой реформы гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 39–40.
9. Дегтярев С. Л. Мотивировочная часть судебного решения как квинтэссенция доказательственной деятельности участников гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 36–38.

Т. А. Нартымова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРИНЯТИЕ ГРАЖДАНИНОМ НА СЕБЯ ЗАВЕДОМО НЕИСПОЛНИМЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА В СПИСАНИИ ДОЛГОВ

Анализируются вопросы, касающиеся правовой природы механизма списания долгов, основания для отказа в освобождении от обязательств должника-гражданина, а также правомерность отказа суда в списании долгов по такому основанию как принятие гражданином на себя заведомо неисполнимых обязательств.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); списание долгов; освобождение от обязательств; недобросовестность; принятие на себя заведомо неисполнимых обязательств

CITIZEN ACCEPTANCE OF THE SCIENTER IMPRACTICABLE OBLIGATIONS AS THE BASIS FOR THE DEBT RELIEF REFUSAL

Based on the current legislation and scientific literature, this article analyzes the issues related to the legal nature of the debt relief mechanism, the refusal basis of debtor-citizen absolution. Also it covers the legality of the refusal court decision in debt relief on such basis as citizen acceptance of the scienter impracticable obligations.

Keywords: inconsistency (bankruptcy); debts relief; absolution from obligations; bad faith; acceptance of the scienter unpracticable obligations

Институт банкротства граждан предусматривает особый механизм освобождения лиц, попавших в тяжелое финансовое положение, от погашения требований кредиторов – списание долгов.

Как сказано в ст. 213.28 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹, после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

При рассмотрении проблемы, обозначенной в заглавии настоящей статьи, представляется важным обратить внимание на правовую природу списания долгов, которая существенным образом определяется правовой природой института банкротства граждан в целом, как родовой категорией для процедуры освобождения от долгов.

В научной литературе отмечается общая социально-реабилитационная направленность института банкротства физических лиц как в целом, так и отдельных его процедур⁹. Кроме прочего, это значит, что целью потребительского банкротства является предоставление должнику возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам.

Что же касается непосредственно списания долгов, в литературе, в частности, в научной статье С. А. Карелиной и И. В. Фролова³, также отмечается социально-реабилитационная направленность данной процедуры, целью которой является «помощь гражданам, попавшим в тяжелое финансовое положение», «освобождение добросовестных граждан-должников от непосильных долговых обязательств, которые они объективно не способны погасить»⁷. Отмечается также обусловленность списания долгов обеспечением конституционных прав на достойную жизнь, обеспечением публично-правовой защиты граждан, попавших в финансовую зависимость, от злоупотреблений со стороны их кредиторов.

Таким образом, банкротство в целом и списание долгов в частности имеют особую правовую природу, направленную скорее на обеспечение интересов должника, чем кредиторов, что позволяет говорить об их продолжниковой направленности⁶.

Однако следует помнить, что освобождение должника от обязательств происходит не всегда. В ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено несколько оснований для отказа в освобождении должника от неисполненных им обязательств, к которым относятся, в частности, недобросовестность и личный характер обязательств.

В судебной практике стали нередки случаи, когда суды отказывают в списании долгов, ссылаясь на недобросовестное поведение должника, выразившееся в принятии на себя заведомо неисполнимых обязательств. При этом, принимая решение об отказе в освобождении должника-гражданина от обязательств, суды не принимают во внимание тот факт, что кредиторами данных должников являются профессиональные участники рынка кредитования – банки, которые, исходя из принципа должной осмотрительности, обязаны проверять платежеспособность гражданина при заключении кредитных договоров⁴. Кроме того, данные случаи основаны на обычном потребительском кредите и никак не связаны ни с предпринимательской деятельностью, ни с занятием должности руководителя в какой-либо организации. А следовательно, каждый из таких заемщиков, после прохождения процедуры банкротства, может остаться с теми же долгами, только уже без какого-либо имущества и с записью о банкротстве во всевозможных реестрах, что навсегда закроет для него двери финансовых учреждений и не даст возможности стать руководителем в какой-либо организации, кроме того, создаст еще множество иных неблагоприятных для него последствий⁵.

Напомним, что с момента принятия первого судебного решения, содержащего отказ в освобождении должника-гражданина от обязательств по результатам процедуры банкротства прошло уже около двух лет. Так, Определением Арбитражного суда Новосибирской области от 24 марта 2016 г. по делу № А45-24580/2015 гражданин В. А. Овсянников был признан банкротом, но не освобожден от обязательств, поскольку «принял на себя заведомо неисполнимые обязательства, что явно свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам»⁸. В научной литературе отмечается, что именно с этого момента начала формироваться негативная для должников судебная практика, связанная с неприменением механизма освобождения от обязательств, которая вновь поставила перед законодателем вопрос об основной цели института банкротства граждан⁹.

В научной литературе, как мы уже писали, почти все ученые придерживаются мнения, что институт несостоятельности в современном понимании имеет

цель освободить должника от несения бремени обязательств, которые он не в состоянии исполнить. Но на практике получается, что гражданин при обычном, потребительском кредитовании может быть обвинен в недобросовестности и до конца своих дней пытаться заплатить за то, за что платить не в состоянии. Все это вынуждает говорить о фактическом господстве в судебной практике прокредиторского подхода при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц, что противоречит правовой природе банкротства граждан, в связи с чем представляется нам недопустимым.

Исходя из всего вышесказанного, мы полагаем, что к каждому конкретному случаю банкротства физического лица следует подходить очень осторожно и индивидуально, особенно при определении добросовестности должника в целях принятия решения о списании его долгов. Вынося решение по делу, суд должен в равной степени опасаться как списать долги недобросовестному должнику, так и отказать в освобождении от обязательств добросовестному. А учитывая специфику правовой природы банкротства граждан и, собственно, механизма списания долгов, нам даже представляется возможным исходить из презумпции добросовестности физических лиц при отсутствии обстоятельств, явным образом свидетельствующих об обратном.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 43, ст. 4190.
2. Карелина С. А. Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве))? (Тезисы выступления) // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 3–6.
3. Карелина С. А., Фролов И. В. Институт банкротства граждан по законодательству РФ (лекция в рамках учебного курса магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2017. № 4. С. 2–20.
4. Вязовик А. О банкротстве физических лиц и работодателей // ЭЖ-Юрист. 2016. № 17–18. С. 8.
5. Артыкова З. Списать... или не списать // ЭЖ-Юрист. 2016. № 17–18. С. 6.
6. Кирилловых А. А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 6. С. 7–22.
7. Свириденко О. М. Принцип объективной реальной платежеспособности должника // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 99–103.
8. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 24 марта 2016 г. по делу № А45-24580/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Агишева А. Р., Аксенов И. А., Гревцова О. А. и др.; под ред. Гуреева В. А. Банкротство физических лиц. Часть I. Основные изменения в законодательстве о несостоятельности (постатейный) / М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 19. 176 с.; Алимова Я. О., Викторова Н. Н., Галкин С. С. и др.; отв. ред. Ершова И. В., Енькова Е. Е.. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / Москва: Проспект, 2016. 336 с.; Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

Т. С. Пагина
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ УСЛОВИЙ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Анализируется правовая природа мирового соглашения в процессе банкротства. Рассматриваются ограничения, установленные законодательством, которые учитываются при составлении мирового соглашения. Выявляются основные запреты включения тех или иных условий в текст соглашения. Проводится анализ судебной практики, в ходе которого удалось подтвердить императивность установленных ограничений.

Ключевые слова: мировое соглашение; банкротство; свобода договора

T. S. Pagina
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

LIMITS OF FREEDOM OF CONDITIONS OF THE SETTLEMENT AGREEMENT ON BANKRUPTCY

This article analyzes the legal nature of the settlement agreement in the process of bankruptcy. The restrictions, standards, which are taken into account when drawing up a settlement agreement are considered. The main prohibitions for the inclusion of certain conditions in the text of the agreement have been identified. The conducted analysis of judicial practice, during which it was possible to confirm the imperative nature of the restrictions.

Keywords: conciliation agreement; bankruptcy; freedom of contract

Стороны в процессе банкротства могут закончить дело мировым соглашением. В научной литературе вопрос о правовой природе данного института остается дискуссионным. В рамках материально-правового подхода мировое соглашение раскрывается как гражданско-правовая сделка, а в рамках процессуального подхода данное соглашение рассматривается как согласованный сторонами акт, направленный на прекращение производства по делу. Мы придерживаемся позиции Ивановой Е. А. согласно которой под мировым соглашением понимается соглашение между сторонами судебного спора о разрешении этого спора на взаимоприемлемых условиях, не противоречащих закону и не нарушающих права и интересы других лиц¹. Поскольку мировое соглашение является договором, подлежащим утверждению судом, к нему помимо норм процессу-

ального права подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора². Таким образом, в силу принципа свободы договора мировое соглашение может содержать любые условия, не противоречащие закону.

Как отмечалось выше, для заключения мирового соглашения недостаточно только договоренности между сторонами: будучи обязательным участником процессуальных правоотношений, суд обладает полномочиями по утверждению процессуального соглашения, и стороны претерпят процессуальные последствия только после вступления в законную силу определения об утверждении мирового соглашения.

Законодатель определяет некоторые условия действительности мирового соглашения³. Так, решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов, большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов и считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника. Т. е. при соблюдении всех условий голосования, кредиторы и уполномоченные органы, оставшиеся в меньшинстве, должны подчиниться воле большинства.

Как пояснил Конституционный Суд РФ, в этом и есть основное отличие мирового соглашения, заключаемого в деле о банкротстве от мирового соглашения, заключаемого в порядке искового производства, поскольку отношения участников процедуры банкротства подчинены законам рыночной экономики.

Такой подход к принятию решения о заключении мирового соглашения не противоречит принципу справедливости, согласно которому принятие решения большинством голосов всех кредиторов, с учетом принадлежащих им сумм имущественных требований является демократическим и не нарушает равноправие кредиторов. Данное положение также подтверждает тот факт, что условия мирового соглашения для проголосовавших против его заключения не должны быть хуже, чем для проголосовавших «за».

Согласно закону, суд должен отказать в утверждении мирового соглашения в случае неисполнения обязанности по погашению задолженности по требованиям кредиторов первой и второй очереди³. То есть в мировом соглашении обязательно наличие условий погашения задолженности определенных очередей. Также необходимо предусмотреть порядок, сроки уплаты по денежным обязательствам. Данными положениями законодатель ограничивает свободу мирового соглашения, закрепляя императивные нормы.

Исходя из судебной практики, такой запрет распространяется на все случаи заключения мирового соглашения в процессе банкротства⁴. Помимо обязательного удовлетворения требований кредиторов первой и второй очереди законодатель отмечает, что мировое соглашение может распространяться только на кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Если в мировом соглашении указано, что его действие распространяется на все обязательства должника перед кредиторами, возникшие до даты введения в отношении должника процедуры банкротства, то данное условие может также распространяться на кредитора, который не обращался с требованием о включении его в реестр требований кредиторов. При обжаловании данного мирового соглашения, ссылаясь на то, что мировое соглашение нарушает права кредитора, требования которого не включены в реестр, и законные интересы, поскольку он не принимал участия в его заключении, суд обязан отменить определение об утверждении мирового соглашения. Таким образом, свобода договора ограничивается законом, уменьшая перечень обязательств, которые возможно включить в условия соглашения⁵.

Пределы свободы условий мирового соглашения ограничивают действия его сторон в целях защиты законных прав и интересов третьих лиц, а также для подтверждения исполнимости соглашения. Процедура проверки и утверждения документа судом дает сторонам определенные гарантии справедливого разрешения спора и выполнения обязательств должником.

Литература

1. *Иванова Е. А.* Свобода процессуальных соглашений // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 4. С. 11–14.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 29.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2017.
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. № 3. 2006 (Обзор).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2004 № 25-О [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

М. М. Пестов
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОСПАРИВАНИЕ НЕРАВНОЦЕННЫХ СДЕЛОК В КОНКУРСНОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Проводится анализ положений закона о банкротстве, касающихся оспаривания сделок с неравноценным встречным предоставлением. Отмечается, что судебная практика допускает отступления от объективного критерия неравноценности для исследования субъективных намерений сторон. Предлагаются способы развития института неэквивалентности в конкурсном оспаривании.

Ключевые слова: банкротство; оспаривание сделок; неравноценность; эквивалент; сделка

M. M. Pestov
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

THE IMPUGNING AN UNDERVALUE TRANSACTION IN BANKRUPTCY PROCESS: PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT

The article analyzes provisions of the bankruptcy act, concerning to impugning transaction with undervalue counter obligation. It is noted, that judicial practice permits the possibility of deviation from an objective criterion of undervalue for research of subjective intensions of parties. The article suggests ways to development the institution of undervalue in bankruptcy impugning.

Keywords: a bankruptcy; the impugning transaction; an undervalue; an equivalent; a transaction

В ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) установлена возможность признания недействительными подозрительных сделок, среди которых отечественный законодатель различает сделки с неравноценным встречным предоставлением и сделки, совершенные во вред кредиторам. Для первых он устанавливает объективный критерий (несоответствие рыночной стоимости осуществленного исполнения), а для вторых – субъективный (наличие цели причинить вред кредиторам).

Между тем судебная практика не совсем последовательно осуществляет разграничение объективных и субъективных критериев подозрительности сделки. Так, в абз. 5 п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос-

сийской Федерации (далее – ВАС РФ) от 23.12.2010 г. №63 (далее – Постановление №63)² допускается возможность оспаривания сделок по п.1 ст. 61.2 Закона о банкротстве и в случаях, когда сделка предусматривает эквивалентность предоставления, но при её заключении должнику было известно, что у контрагента нет и не будет имущества, достаточного для осуществления им встречного исполнения.

Развитие данного отступления можно встретить и в практике Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, в одном из дел суд указал, что по смыслу названного разъяснения могут оспариваться в качестве неравноценных в том числе сделки, стороны которых заведомо рассматривали условие о размере стоимости предоставления контрагента должника как фиктивное, заранее осознавая, что оно не будет исполнено в полном объеме³.

Думается, что отмеченный ВС РФ двусторонний волевой признак совершить неэквивалентный обмен при наличии экономически обоснованной цены следует приветствовать. Нужно отметить, что до указанного разъяснения встречались случаи, когда судами усматривались основания для признания сделки недействительной со ссылкой на разъяснение ВАС РФ ввиду того, что несостоятельный должник просто не получил встречного предоставления⁴. Вместе с тем вполне возможно, что на практике проанализировать финансовое состояние контрагента бывает весьма трудно. К тому же непредоставление встречного эквивалента может быть вызвано не отсутствием имущества у контрагента, а иными объективными обстоятельствами, препятствующими осуществлению встречного исполнения (приостановление государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество; неполучение разрешения на ввод объекта в эксплуатацию и т. п.).

Однако представляется, что для соблюдения паритетных начал в отстаивании интересов участников конкурсного процесса следует допустить возможность сохранения в силе неравноценного исполнения и при обратной ситуации, когда неэквивалентный обмен обрамляется добросовестным и разумным представлением сторон о его равноценности. Н.С. Романенко выделяет в понятии эквивалентности объективные и субъективные элементы, проводя, таким образом, различие между абсолютной и относительной эквивалентностью. Абсолютной будет считаться эквивалентность, при которой встречные предоставления сторон взаимны и равноценны в арифметическом выражении. Относительная эквивалентность, по мнению автора, выражается в отклонении от абсолютной эквивалентности, при условии, что стороны признают предоставления равноценными⁵.

Думается, что приведенная теоретическая характеристика эквивалентности в полной мере укладывается в практическое русло процедуры оспаривания подозрительных сделок. И справедливости ради нужно отметить, что в некоторых

судебных решениях можно найти отражение занятой нами позиции. Так, в одном из дел ликвидатор кредитной организации обратился в суд с требованием о признании недействительным договора цессии ввиду его неравноценности, указав на разницу между номинальным размером уступаемого права и стоимостью уступленных прав, определенной договором. Вместе с тем суд отказал в удовлетворении заявленного требования, приняв во внимание доводы цессионария о том, что при определении стоимости уступаемого права стороны исходили из проблемного характера дебиторской задолженности и длительного периода просрочки, а потому осознанно полагали, что номинальная стоимость уступаемого права и цена договора являются эквивалентными⁶.

В другом деле суд пришел к аналогичным выводам, указав при этом, что представление сторон об эквивалентности передаваемого права и цены договора подтверждается судебным спором, ведущимся в отношении спорной дебиторской задолженности, а также расходами цессионария, связанными с процессуальным правопреемством. При этом продажа права требования по стоимости самого права требования экономически нецелесообразна⁷.

Однако для единообразия судебной практики представляется верным указать на уровне разъяснений высшего судебного органа, что эквивалентными предоставления будут и в том случае, когда их рыночные цены несоразмерны друг другу, однако стороны обоснованно и добросовестно исходили из их равноценности.

Ещё одной проблемой, которая возникает при оспаривании неравноценных сделок, является слишком узкое толкование критериев неравноценности. Как следует из п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, сделка может быть признана неравноценной, если в существенно худшую сторону для должника отличаются от аналогичных сделок не только её цена, но и иные условия. Однако ни в Законе о банкротстве, ни в разъяснениях высших судебных инстанций не приводятся примеры иных условий сделок. Думается, что именно поэтому при оспаривании сделки по исследуемому основанию большинство заявителей ссылаются на несоответствие цены договора рыночной стоимости предоставления.

Вместе с тем, определение эквивалентности в соответствии с критерием рыночной стоимости может быть крайне затруднительным, когда предмет договора нестандартизирован и отсутствует рынок абсолютных аналогов, позволяющий достоверно определить рыночный уровень цен⁸. Так, например, объекты патентных прав не могут в принципе иметь аналогов, поскольку обязательным условием их патентноспособности является новизна. Думается, что в этих ситуациях особенно важно анализировать и иные условия договора, позволяющие установить наличие или отсутствие эквивалентности.

Кроме того, необходимо учитывать и случаи, когда цена договора соответствует рыночной стоимости предоставляемого объекта, однако совокупный набор взаимных прав и обязанностей позволяет сделать вывод, что стороны находятся в неравном положении. Прежде всего, это касается случаев, когда должник наряду с основным предоставлением также обязывается воздерживаться от осуществления определенных действий. Так, например, агентским договором может быть предусмотрена обязанность агента или принципала не заключать аналогичные договоры в пределах определенной территории. Поэтому в случае, если подобное негативное обязательство будет необоснованным образом ограничивать должника в отсутствие взаимного ограничения, сделку следует признать неравноценной.

Однако следует допустить и обратную ситуацию, когда цена предоставляемого объекта отличается от рыночной стоимости, но иные условия договора выравнивают подобный разрыв за счет установления дополнительных прав на стороне должника. Так, например, должник может приобрести имущество по существенно завышенной, чем рыночная, стоимости. Однако отчуждатель такого имущества в то же время обязался возместить имущественные потери, связанные с рисками от его приобретения: отказ в вычете НДС, возмещение судебных расходов при оспаривании этой сделки третьими лицами, введение экспортных ограничений и т. п. Представляется, что в таких случаях набор прав и обязанностей может оказаться сбалансированным, а сделка равноценной.

Наконец, остаются сомнения относительно правовой природы сделок, которые могут оспариваться как неравноценные. По смыслу Постановления №63, такими сделками могут являться лишь сделки, в принципе или обычно предусматривающие встречное исполнение. Иными словами, это сделки, включающие в себя два и более встречного обязательства. Однако из примеров, которые приводит высший судебный орган в данном постановлении (договор дарения, поручительства, залога) не совсем ясно, имеются ли в виду абсолютно все взаимообусловленные обязательства или лишь те, которые предполагают исполнение в натуре, т.е. передачу имущества.

Представляется, что для целей конкурсного оспаривания допустимо признавать неравноценными сделки, которые хотя и не предусматривают реальную передачу имущества между контрагентами, однако их взаимные предоставления обладают тесной экономической взаимосвязью.

В этом смысле следует допустить оспаривание по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве договора, предметом которого выступает исключительно негативное обязательство, которое хотя и сдерживает обеих сторон от осуществления определенных действий, однако несостоятельный должник ограничен в гораздо большей степени, нежели его контрагент. Так, например, сособственники

могут определить порядок использования общего имущества, по которому каждый из них обязан воздерживаться от использования общей вещи, когда ею пользуется кто-то другой. И в том случае, когда несостоятельный должник по условиям соглашения должен воздерживаться в течение гораздо большего времени, нежели иной собственник, то сделку следует признать неравноценной в зависимости от того, какую выгоду извлек участник от более длительного использования имущества.

Кроме того, некоторые организационные договоры могут предусматривать осуществление предоставления не другим участникам такого соглашения, а третьим лицам. К примеру, договор об учреждении общества может определять размер вкладов вносимых в уставный капитал создаваемого общества, а также размер доли каждого из участников, который может быть непропорционален вносимому вкладу. Представляется, что и в подобной сделке могут быть неэквивалентные условия, которые допустимо рассматривать при конкурсном оспаривании.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Российская газета. 2002. № 209-210.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 07.08.2017 №310-ЭС17-4012 по делу № А64-8376/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.06.2016 № Ф04-25268/2015 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.02.2017 №Ф07-12566/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Романенко Н. С.* Характеристика эквивалентности в российском гражданском праве // Право и политика. 2007. № 11. С. 5–9.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.07.2017 № Ф07-6474/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2017 № Ф05-6428/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Савельев А. И.* Комментарий к ст. 423 ГК РФ // Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: «Статут», 2017. 1120 с.

Е. В. Пешина
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

О ПРОБЛЕМЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ И НАСЛЕДНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ

Рассматриваются проблемы баланса интересов кредиторов и наследников при банкротстве наследственной массы, анализируются нормативные акты Российской Федерации и позиции вышестоящих судов, выделяются характерные особенности данного института, выявляются и обосновывается необходимость развития законодательства, связанного с процедурой банкротства наследственной массы. На основе проведенного исследования автором предлагается принятие норм, направленных на соблюдение баланса интересов наследников и кредиторов.

Ключевые слова: банкротство; наследственная масса; баланс интересов

E. V. Peshina
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

ON THE PROBLEM OF THE BALANCE OF INTERESTS OF CREDITORS AND HEIRS AT THE BANKRUPTCY OF THE HEREDITARY MASS

This article discusses the balance of interests of creditors and heirs in the bankruptcy of the hereditary mass, analyzed the regulatory acts of the Russian Federation and the positions of higher courts, highlighted the characteristics of this institution, identified and justified the need for development of legislation related to the procedure for bankruptcy of the hereditary mass. Based on the conducted research, the author proposes the adoption of norms aimed at balancing the interests of heirs and creditors.

Keywords: bankruptcy; hereditary mass; balance of interests

Особенность института банкротства наследственной массы заключается в том, что в нем отсутствует должник. То есть во всех процедурах банкротства вместо должника выступают иные лица.

Так, пункт 4 статьи 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) возлагает права и обязанности должника на нотариуса и наследников.

Очевидно, что наследники стремятся к тому, чтобы сохранить какую-то часть наследственной массы. В этой связи возникает проблема баланса интересов кредиторов и наследников.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на сроки. Закон позволяет наследникам участвовать в деле лишь по истечении шести месяцев, установленных для принятия наследства. Разумеется, данный срок установлен для того, чтобы найти всех наследников. Но на практике возможны следующие ситуации: благополучные юридические лица в ожидании, когда наследники учредителя примут наследство, приобретут все признаки неплатежеспособности.

Судебная практика свидетельствует о том, что смерть должника не является основанием для приостановления производства по делу о банкротстве². Следует отметить, что в период, когда производство по делу о банкротстве наследственной массы уже возбуждено, а наследники еще не получили свидетельства о праве на наследство и не стали лицами, участвующими в деле, интересы наследников находятся в достаточно уязвимом положении.

Так, пункт 6 статьи 223.1 Закона о банкротстве устанавливает следующее положение – до истечения срока принятия наследства привлечение финансовым управляющим лиц для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве гражданина за счет гражданина не допускается (за исключением расходов, перечисленных в статье 20.7 Закона о банкротстве). Полагаем, что таким образом законодатель пытается защитить наследников от излишних трат из наследственной массы.

Вместе с тем у наследников существуют и другие интересы. Например, наследники могут быть заинтересованы контролировать оценку и продажу имущества должника. Согласно пункту 2 статьи 213.26 Закона о банкротстве, оценка имущества, включенного в конкурсную массу, проводится финансовым управляющим самостоятельно, а должник (равно как и конкурсные кредиторы) имеет право оспаривать оценку. Поэтому шестимесячный срок для принятия наследства для наследников и в этой ситуации создает риск того, что имущество будет оценено и продано до получения ими права участвовать в деле.

Пункт 2 статьи 1163 Гражданского кодекса Российской Федерации³ предусматривает следующий способ защиты интересов наследника – свидетельство о праве на наследство, которое может быть выдано до истечения шестимесячного срока со дня открытия наследства, если имеются достоверные данные о том, что кроме лиц, обратившихся за выдачей свидетельства, иных наследников, имеющих право на наследство или его соответствующую часть, не имеется.

Возникает вопрос, вправе ли кредитор наследодателя инициировать банкротство наследника? Указанный вопрос представляет собой определенную сложность. Думаем, что это возможно, так как унаследованный актив и пассив растворяются в имуществе наследника. В этом случае кредитору нужно будет доказывать неплатежеспособность наследника по правилам пункта 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве.

Инициатором банкротства наследства может быть и сам наследник, принявший наследство, обремененное долгами, по которым будет трудно рассчитаться в срок за счет состава наследственной массы. В силу ограничения предела ответственности долги наследодателя чаще всего не влекут неплатежеспособности наследника. Однако наследник может оказаться расточительным либо может произойти обесценивание актива. При наступлении собственной неплатежеспособности наследник вправе подать заявление о банкротстве гражданина, хотя, для сохранения личного имущества выгоднее заявить о банкротстве наследства. Предельных сроков для возбуждения банкротства наследства российским законодательством не предусмотрено.

Неясным остается вопрос как поступить, если параллельно происходит банкротство наследника и наследственной массы. Кредиторы наследодателя, скорее всего, подлежат исключению из реестра кредиторов наследника.

Хотелось бы обратить внимание на то, что действующая редакция статьи 223.1 Закона о банкротстве исключает процедуру реструктуризации долгов. Суд сразу вводит реализацию имущества или переходит к реализации имущества, когда должник умер в процессе банкротства. На первый взгляд все логично, должника нет в живых, следовательно, состав имущества, стоимость которого определяет предел ответственности, сформирован окончательно. Но все-таки необходимо учитывать интересы наследников, которые желают сохранить унаследованное имущество. Заключение мирового соглашения между кредиторами и наследниками, принявшими наследство, возможно исходя из смысла закона после окончательного определения круга наследников. Мировое соглашение делает ответственность наследников полной, поэтому они впоследствии не смогут ссылаться на достижение предела ответственности.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что институт банкротства наследственной массы находится только в начале своего развития, в ходе которого необходимо принятие норм, направленных на соблюдение баланса интересов наследников и кредиторов.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2018) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета. № 235. 19.10.2015.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. ст. 4552.

А. В. Пушкина
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

БАНКРОТСТВО «ГРУППЫ ПРЕДПРИЯТИЙ» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Речь идет о совершенствовании законодательства о несостоятельности (банкротстве) через институт банкротства «группы предприятий», о практике зарубежных стран по применению института банкротства группы предприятий, о последствиях, к которым может привести включение такой процедуры в законодательство о банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность; предпринимательская деятельность; группа предприятий; кредитор; должник; арбитражный управляющий

A. V. Pushkina
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

THE BANKRUPTCY OF "GROUP OF COMPANIES" AS ONE OF THE WAYS OF IMPROVING THE LEGISLATION ON BANKRUPTCY

In this article we will talk about the improvement of insolvency (bankruptcy) legislation through the institution of bankruptcy of a "group of enterprises". On the practice of foreign countries on the application of the institution of bankruptcy of a group of enterprises. "On the consequences, which may lead to the inclusion of such a procedure in bankruptcy law.

Keywords: insolvency; entrepreneurial activity; group of enterprises; creditor; debtor; arbitration manager

В настоящее время большинство юридических лиц объединяются в группы предприятий (далее – «ГП»), так называемые «холдинги». Такая тенденция широко развита в зарубежных странах, в России же это относительно новое понятие, но уже получившее популярность. Основная цель такого объединения заключается в аккумулировании ресурсов и получении максимальной прибыли.

Актуальность настоящей проблемы заключается в том, что крупные компании, ГП, холдинги, не способны вести свою деятельность без потерь и убытков в силу ряда экономических, управленческих или иного характера причин. Статистика банкротных дел показывает, что в процедурах банкротства оказываются не только субъекты малого или среднего бизнеса, но и крупнейшие компании с многомиллиардными оборотами.

На сегодняшний день в российском законодательстве о банкротстве отсутствует возможность банкротства ГП в рамках единой процедуры банкротства. Банкротство всех участников ГП происходит через отдельные процедуры для каждого юридического лица, что вызывает множество негативных последствий как для должника, так и для кредиторов.

Рассматривая данный вопрос, следует обратить внимание на положения зарубежного законодательства о несостоятельности (банкротстве). Так, в законодательстве Соединенных Штатов Америки¹ предусмотрено право кредиторов на подачу заявления о банкротстве нескольких связанных между собой должников.

Также данный вопрос урегулирован законодательством Испании². Так, в испанском законодательстве установлено не только право кредитора на обращение в суд о признании всей предпринимательской группы банкротом, но и право арбитражного управляющего на подачу заявления о введении процедуры банкротства в отношении других лиц, связанных с должником.

Противоположенная же позиция отражена в законодательстве Германии³. Германское законодательство, наиболее схоже с российским законодательством, регулирующим банкротство. Положения законов Германии не содержат в себе нормы, регулирующие возможность обращения с заявлением о банкротстве в отношении ГП.

Таким образом, законодательство зарубежных стран, а в особенности стран Евросоюза, как союза, где действует «единое право», распространяющее своё действие на все страны-участниц, к которым относятся Испания и Германия, не имеют единого мнения по поводу возможности введения процедуры банкротства в отношении ГП.

В Российской Федерации на протяжении нескольких лет предпринимались попытки внести изменения в действующее законодательство о банкротстве в рассматриваемой части.

Первая попытка была осуществлена в 2009 году. Новый проект поправок Минэкономразвития предусматривал участие в деле о банкротстве, касающемся отдельного юридического лица, всей группы компаний, в которую входит компания-должник. Предлагалось учитывать имущество всех компаний, входящих в группу. Необходимость принятия таких поправок была обусловлена тем, что при введении процедуры банкротства в отношении одного юридического лица, входящего в группу компаний, часть активов списывается или выводится на другие юридические лица из этой группы. Однако данный проект не был принят и соответствующие изменения внесены не были.

В 2011 году было предпринято три попытки по внедрению процедуры банкротства ГП. Все три законопроекта прошли несколько чтений. В законопроекте от 15 декабря 2011 года, было предложено закрепить определение

«группы предприятий» как группы, состоящей из двух или более взаимозависимых лиц, подчиняющихся одному контролирующему лицу и осуществляющим деятельность под его управлением в течение года до возбуждения банкротной процедуры.

Необходимо разобраться с плюсами и минусами введения такой процедуры в законодательство о банкротстве.

Сначала рассмотрим положительные стороны:

1. Введение процедуры банкротства в отношении ГП как единого юридического лица позволит назначить в качестве арбитражного управляющего одно лицо, что позволит увеличить контроль за всеми предприятиями холдинга и минимизировать расходы на выплату вознаграждения и оплату лиц, привлекаемых арбитражным управляющим.

2. Увеличение эффективности всей деятельности, осуществляемой арбитражным управляющим, поскольку консолидация деятельности отдельных предприятий предусматривает передачу всей документации, имеющихся у разных лиц, руководящих тем или иным подразделением холдинга. Передача всей документации позволит сделать более полный и развернутый анализ финансового состояния должника.

3. Увеличение эффективности деятельности управляющего, направленной на обнаружение признаков преднамеренного банкротства. Такая положительная черта вытекает непосредственно из предыдущей.

4. Реалии российского, а также иностранного бизнеса сводятся к тому, что в связи с многогранностью деятельности общества-учредителя бизнеса, возникает потребность в организации «дочерних» организаций, основной задачей которых является обеспечение деятельности компании-учредителя, проявляющаяся в ведении экономических, юридических, технологических аспектов и иных элементов планирования и совершения сделки.

5. При банкротстве ГП снижается возможность вывода активов на взаимосвязанные компании, осуществляющих обслуживание деятельности. В том случае, если общество-учредитель (должник) перевело право собственности на активы на юридическое лицо, входящее в группу предприятий, арбитражному управляющему потребуется меньше времени и сил, чтобы отследить их движение, в частности, не потребуются прибегать к оспариванию сделок. Все имущество автоматически будет включаться в конкурсную массу.

6. Увеличение процента удовлетворения предъявленных требований кредиторов.

Что же касается минусов, то они также имеют место. Рассмотрим и их.

1. В законопроекте, как уже было сказано, предлагалось закрепить понятие «ГП». Однако законопроект не содержал в себе критериев определения «взаи-

мосвязанных» лиц и того, кто же должен все-таки определять такую взаимосвязанность. Пробел может привести к тому, что такие изменения не смогут применяться на практике.

2. Выявление всех членов группы по критерию взаимосвязанности. Как привлечь каждого, и кто должен заниматься такими поисками? Если такая обязанность будет возложена на арбитражного управляющего, то объективно мы снижаем эффективность его работы и уходим от его главной цели. Также если такая обязанность будет возложена на арбитражного управляющего, то в случае, если им будут обнаружены не все члены группы, то возникает возможность привлечения его к ответственности в виде возмещения убытков со стороны кредиторов, что тоже видится неверным.

3. В связи с введением таких изменений возможен ряд злоупотреблений, так, например, возможно отнесение юридического лица в группу компаний с целью увеличения конкурсной массы, при том, что лицо фактически не имеет отношения к такой группе предприятий.

Таким образом, внесение изменений в законодательство о несостоятельности (банкротстве), может повлечь за собой ряд позитивных последствий, направленных на повышение эффективности института банкротства. С другой же стороны, это может повлечь и негативные последствия. Поэтому при включении процедуры банкротства в отношении ГП, необходимо установить особенности, указать четкие критерии поиска членов группы предприятий, указать надлежащего субъекта по объединению всех членов группы, не забывая при этом про цель, ради которой вводится такая процедура. Введение рассматриваемой категории не должно приводить к злоупотреблениям, увеличению расходов со стороны участвующих в деле о банкротстве лиц.

Литература

1. 11 USC Title 11 – Bankruptcy // сайт «United States Bankruptcy Court Western District of Washington» // URL: <http://www.wawb.uscourts.gov/wawb/links.nsf/0/> (дата обращения: 17.04.2018).
2. Ley «Concursal» № 22 от 09.07.2002 г. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/12/10/1133683833/Испания%20банкротство%202003.pdf> (дата обращения: 17.04.2018).
3. Insolvenzordnung vom 05.10.1994 г. // Сайт «referatdb.ru». URL: <http://referatdb.ru/pravo/81429/index.html?page=11> (дата обращения: 17.04.2018).
4. Проект Федерального Закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп», подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации от 22.12.2011 // сайт «Министерство экономического развития Российской Федерации». URL: http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depregulatinginfluence/doc20111222_007 (дата обращения: 17.04.2018).

А. В. Пушкина
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А.В. Сятчихин

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ТОРГОВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

В гражданском обороте заключение договора на торгах является одним из самых распространенных способов. Однако в науке не до конца сформировано общее представление о правовой природе торгов. В частности, недостаточно исследованы проблемы этого института как способа заключения договора и как сделки в гражданском праве. Требуется правовой анализ процедуры заключения договора на торгах. В статье освещаются основные взгляды на правовую природу торгов как способа заключения договора.

Ключевые слова: торги; способ заключения договора; понятие торгов; договор; правовая природа; конкуренция; гражданское законодательство

A. V. Pushkina
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF THE AUCTION UNDER THE CIVIL LEGISLATION OF RUSSIA

In civil circulation, the conclusion of the contract at auction is one of the most common ways. However, in science, a General idea of the legal nature of trading is not fully formed. In particular, the problems of this institution as a way to conclude a contract and as a transaction in civil law are insufficiently investigated. A legal analysis of the procedure for concluding a contract at auction is required. The article highlights the main views on the legal nature of trading as a way to conclude a contract.

Keywords: bidding; method of contract conclusion; concept of bidding; contract; legal nature; competition; civil legislation

Торги являются одним из способов заключения договора, предусмотренных гражданским законодательством. На торгах заключаются как частноправовые договоры, так и договоры, направленные на удовлетворение государственных нужд. Порядок их заключения и исполнения в общей части регулируется Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) а также иными специальными федеральными законами. Тем самым наличие государственного регулирования (публичного элемента) показывает, что данная сфера является одной из наиболее значимых в рыночных отношениях¹. Институт торгов существовал в течение дли-

тельного периода времени и сейчас применяется в различных сферах деятельности субъектов гражданского оборота.

История торгов берет свое начало со времен Римской империи². Для римского частного права было характерно делить торги на принудительные и торги, проводимые в добровольном порядке. Следует отметить, что торги могли проводиться как государством, так и частными лицами, как правило, в таких правоотношениях участвовали только патриции.

В средние века в праве европейских государств торги представляли собой способ реализации предмета реального кредита (в форме залога, в том числе недвижимости)³.

Зарождение института торгов в российском праве началось в 1649 году, с принятием Соборного уложения, которое содержало в себе положение о продаже третьим лицам недвижимого имущества должника, не принятого кредиторами в качестве уплаты долга должником. Более подробной регламентации данный источник не содержал⁴.

С 30-х годов двадцатого века и вплоть до 90-х годов торги, как способ заключения гражданско-правовых сделок не использовались. Связано это с тем, что с 1932 года частная торговля и заключение договоров посредством торгов признавались уголовно наказуемыми. В этот период институт торгов утратил свое значение с точки зрения материального права. Другими словами, торги использовались лишь в качестве способа исполнения судебных решений. Применение института торгов только с точки зрения процессуального права в СССР стало следствием наличия пробелов и коллизий в современном законодательстве Российской Федерации.

Возрождение института торгов происходит спустя шестьдесят лет, в 1991 году. Этот этап характеризуется возвратом правового регулирования торгов как самостоятельного и незапрещенного способа заключения договоров (сделок). Стоит обратить внимание, что на этом этапе возможностью заключать договоры на торгах, наряду с государственными компаниями, стали обладать и предприниматели.

Новейший современный этап в развитии правового регулирования торгов связан с принятием первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 1994 году⁵. Блок норм о торгах приобрел характер материально-правовых, которые характеризовали торги как способ заключения гражданско-правового договора.

Любой договор, если иное не вытекает из его существа, может быть заключен путем проведения торгов. Именно такая позиция закреплена в части 1 статьи 447 ГК РФ. Важно обратить внимание на то, что законодатель делает оговорку, «если иное не вытекает из его существа», так, например, невозможно пред-

ставить заключение подобным способом издательского договора с автором определенного произведения или договора пожизненного содержания с иждивением. Это обуславливается тем, что по своей правовой природе торги имеют ограничения, так как они не совместимы при заключении договоров носящих доверительный или личный характер. Также не видится возможным применение такой процедуры при заключении договора дарения. Так как основной целью заключения договора на торгах является извлечение максимальной выгоды и наличия конкуренции, поэтому применение такой процедуры к безвозмездным сделкам не является верным.

Однако в ГК РФ законодатель не закрепил дефиниции торгов. В связи с этим в юридической литературе и судебной практике возникает множество споров. Такие споры связаны с тем, что авторы по-разному определяют правовую природу торгов.

Рассматривая позиции авторов, интересной видится точка зрения группы цивилистов, которые определяют торги как правовой феномен или правовой механизм с определенным содержанием. В частности, Ю. С. Турсунова определяет торги как особый вид юридических фактов являющихся основаниями возникновения гражданских правоотношений.

Следующая группа авторов высказывает мнение, что по своей правовой природе торги представляют гражданско-правовую сделку (А. Н. Лаукарт, Ю. А. Метелева)⁶. Такая позиция, на наш взгляд, является не совсем верной, поскольку сама процедура торгов не является сделкой. Процедура торгов — это лишь способ достижения желаемого результата – заключения договора на наиболее выгодных условиях. Если мы будем рассматривать процедуру торгов, как самостоятельную сделку, то целью такой сделки будет являться лишь фактическое участие в торгах.

Торги, как специальный (специфический) способ заключения гражданско-правового договора. Такое понимание правовой природы торгов является наиболее распространенным в юридической литературе. Так, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский и О. А. Беляева, характеризуя торги как способ заключения договора, указывают на то, что цель торгов состоит в выявлении лица, предлагающего наилучшие условия, на которых будет заключен договор⁷. Такой же позиции придерживается и законодатель, который прямо не закрепил дефиницию торгов, однако указал, что торги являются особым или самостоятельным способом заключения договора.

Рассматривая торги именно как способ заключения договора можно выделить основные аспекты. С экономической точки зрения торги можно рассматривать как способ создания конкуренции между участниками торгов, который приведет к извлечению наибольшей выгоды, причем как со стороны организатора, так и потен-

циальных контрагентов. С юридической точки зрения торги – это способ формирования юридического факта (заключение договора, контракта, сделки).

В настоящее время торги применяются в разных отраслях экономики. Заключение договора путем проведения торгов используется в процедурах банкротства, исполнительных производствах, при определении права осуществления определенного вида деятельности, при предоставлении земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, и, конечно, при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд.

Изучив разные взгляды авторов на правовую природу торгов можно выделить отличительные черты такого института, без которых торги не будут являться таковыми и потеряют свою специфику:

1. торги являются специальным способом заключения договора;
2. наличие конкуренции между потенциальными контрагентами;
3. возможность выбора сторонами наиболее выгодных условий договора;
4. заключение договора по итогам торгов.

Необходимо выделять узкое и широкое значения термина «торги». В широком смысле под торгами следует понимать весь процесс заключения договора, представляющий собой взаимодействие его элементов; в узком смысле следует определять торги как процедуру выявления победителя среди подавших заявки на участие в торгах и желающих заключить договор.

На основании изложенного, видится необходимым внести изменения в действующее законодательство Российской Федерации. А именно внести изменения в пункт 1 статьи 447 ГК РФ изложив его в следующей редакции: «Торги – это особый способ заключения гражданско-правовых сделок, основанный на конкуренции сторон, с лицом, признанным победителем. Договор может быть заключен путем проведения торгов, если иное не вытекает из его существа».

Литература

1. *Голубцов В. Г.* Государственное регулирование экономики: правовые формы реализации // Законодательство и экономика, 2005. № 3. С. 11–17.
2. Институции Гая. С объяснительным словарем. Вып. 1–4 / Пер. и сост.: Расснер Д. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 320 с.
3. *Базанов И.А.* Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. – М.: Статут, 2004. 589 с.
4. *Диденко А. А., Артемов А. В.* Понятие и формы торгов в гражданском праве // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2015. №110. С. 1145.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.
6. *Крысанова Н. В.* 2011. 01. 019. Лаукарт А. Н. Гражданско-правовое регулирование проведения публичных торгов и признания их недействительными / под науч. ред. Танага А. Н. / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право.

Реферативный журнал № 1. 2011; Метелева Ю. А. Товарный оборот. Право. Практика. Тенденции регулирования. М.: Юриспруденция, 2007. 167 с.

7. *Беляева О. А.* Правовые проблемы аукционов и конкурсов / Ин-т законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве РФ. М.: Юриспруденция, 2011. 293 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2011. № 3. С. 105

А. М. Рязанова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРИНЦИП ЭЛАСТИЧНОСТИ ЗАЛОГА В ПРАКТИКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О БАНКРОТСТВЕ

Исследуется правовая природа свойства эластичности залоговых отношений в правоприменительной практике судов Российской Федерации. Дается анализ реализации норм ст. 334 Гражданского кодекса РФ в ходе конкурсного производства и других процедур банкротства. Рассматривается вопрос о соотношении норм ГК РФ и Закона о банкротстве при решении вопроса о распределении дохода от заложенного имущества.

Ключевые слова: договор залога; банкротство; эластичность залога

A. M. Ryazanova

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

THE PRINCIPLE OF ELASTICITY OF PLEDGE IN CASES OF BANKRUPTCY

The article presents an analysis of the legal nature of the elasticity of collateral relations in the practice of the courts of the Russian Federation. The author analyzes the implementation of Article 344 of the Civil Code of the Russian Federation in bankruptcy proceedings. There is a reviewing the question of interrelation of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Law on Bankruptcy when deciding on the distribution of income from the pledged property.

Keywords: pledge agreement; bankruptcy; elasticity of pledge

Залог как способ обеспечения исполнения обязательств, ориентированный на побуждение к исполнению требований кредиторов, имеет широкое распространение. Проблема реализации залогодержателем права на удовлетворение требования из стоимости имущества, приобретенного за счет предмета залога, преимущественно перед другими кредиторами должника в процедуре банкротства решается в правоприменительной практике по-разному. В связи с противоречивостью судебной практики по вопросу применения ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ в процедуре банкротства долж-

ника представляется необходимым рассмотрение вопроса о соотношении норм ГК РФ и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве)².

Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ³ были внесены существенные изменения в параграф 3 главы 23 ГК РФ. В частности, ч. 2 ст. 334 ГК РФ была дополнена новым правилом, согласно которому кредитор может требовать удовлетворения ценности заложенной вещи из любого фактического или юридического заменителя такой вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. Смысл данного свойства в том, что залог — это право на ценность заложенного имущества, и при любом изменении внешней формы предмета залога, он сохраняется, пока будет существовать фактический или юридический заменитель этой ценности⁴.

Одной из важнейших позиций в данном вопросе является положение, сформулированное Верховным судом РФ, согласно которому изменение собственником параметров принадлежащего ему недвижимого имущества, находящегося в залоге, не прекращает данное обременение⁵.

К примеру, в рамках дела о несостоятельности общества с ограниченной ответственностью конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий, возникших с конкурсным кредитором – банком, требования которого были обеспечены залогом имущества должника, относительно порядка распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду находящегося в залоге имущества. Суд при разрешении спора исходил, прежде всего, из ч. 2 ст. 334 ГК РФ, в которой установлено, что залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования также за счет причитающихся залогодателю или залогодержателю доходов от использования заложенного имущества третьими лицами⁶.

При этом стоит отметить, что Закон о банкротстве не регламентирует порядок распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду залогового имущества, поэтому суды зачастую идут по пути применения в силу ч. 1 ст. 6 ГК РФ по аналогии закона ч. 2 ст. 334 ГК РФ⁷.

Есть и иная позиция, согласно которой нормы ч. 3 ст. и ч. 2 ст. 334 ГК РФ не применяется в деле о банкротстве, так как не учитывают особенностей формирования конкурсной массы и расчетов с кредиторами, а специальными нормами Закона о банкротстве предусмотрен порядок удовлетворения требований залогового кредитора после реализации предмета залога из доходов, полученных от такой реализации, иного источника и порядка удовлетворения требований кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, законом о банкротстве не предусмотрено⁸. Эта позиция встречается и в решениях иных судов⁹.

Также неприменение вышеуказанной нормы ГК РФ и ст. 138 Закона о банкротстве суды аргументируют и тем, что удовлетворение требований залогодержателя о перечислении арендных платежей от передачи предмета залога в аренду в счет погашения задолженности перед залоговым кредитором, приведет к преимущественному удовлетворению его требований перед другими кредиторами¹⁰.

Кроме того, и в доктрине приводятся доводы о неприменении ст. 334 ГК РФ к спорам о банкротстве. К примеру, К. Мельникова считает, что положения специального Закона о банкротстве преобладают над общими положениями гражданского законодательства в вопросе очередности удовлетворения требований кредиторов, в силу того, что не предусматривают иного способа удовлетворения требований залогового кредитора, кроме продажи с торгов предмета залога. Следовательно, делает вывод К. Мельникова, способы удовлетворения требований кредитора за счет заложенного имущества, указанные в ч. 2 ст. 334 ГК РФ, не применяются при банкротстве, поскольку денежные средства, поступающие в конкурсную массу от арендатора, страховщика или иного лица, получены не в результате продажи предмета залога, а кредитор, по ее мнению, с началом процедуры банкротства утрачивает преимущественное право на удовлетворение своего требования за счет заменителя¹¹.

Также авторами, поддерживающими неприменение ст. 334 ГК РФ, указывается на ч. 1 ст. 131 Закона о банкротстве, в которой говорится о том, что все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу. А требование кредиторов удовлетворяется как раз за счет конкурсной массы. Если, к примеру, арендные платежи поступают в пользу залогодателя (арендодателя), в отношении которого введена процедура несостоятельности, то одна из основных целей процедуры банкротства – соразмерное удовлетворение требований кредиторов за счет конкурсной массы должника, вступает в противоречие с ч. 2 ст. 334 ГК РФ¹².

Позиции судов при решении вопроса о применении норм ГК РФ, в частности ст. 334, расходятся, что связано с соотношением норм ГК РФ и Закона о банкротстве. ГК РФ регламентирует основания возникновения права залога на новый объект, Закон о банкротстве предусматривает порядок удовлетворения требований кредиторов за счет стоимости заложенного имущества. И в этом сферы регулирования этих двух законов не совпадают.

Учитывая нормы ст. 334 ГК РФ, требование залогового кредитора к арендатору появляется в конкурсной массе уже с залоговым обременением. И сам Закон о банкротстве устанавливает порядок удовлетворения требования залогового кредитора (ст. 138 Закона о банкротстве). Соответственно, в таком случае очередность удовлетворения требований не нарушается. Но практика исходит из того, что ст. 138 говорит об удовлетворении требований путем реализации за-

ложенного имущества, ст. 334 ГК РФ – о средствах, вырученных от истребования арендных платежей. Но ведь направленность осуществления реализации имущества и требования арендных платежей идентична: они приводят к схожему результату, который заключается в удовлетворении требований кредитора. Но по ст. 334 ГК РФ процедура выглядит несколько упрощенной и более быстрой, что направлено на защиту интересов кредитора.

Интересной и обоснованной выглядит позиция Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, которая сводится к тому, что регулирование правоотношений, вытекающих из залога имущества, подчиняется как общим нормам ГК РФ, так и специальным нормам Закона о банкротстве, при этом, данные нормы в части определения источника для удовлетворения требований залогового кредитора не противоречат друг другу. Возможность преимущественного удовлетворения требований залогового кредитора перед другими кредиторами залогодателя при проведении процедур банкротства за счет денежных средств, полученных от сдачи имущества в аренду, сама по себе не противоречит правилам очередности и пропорциональности удовлетворения требований конкурсных кредиторов¹³.

Следует отметить, что практика Арбитражного суда Уральского округа выработала позицию, исходя из которой кредитор получает удовлетворение требований в соответствии со ст. 334 ГК РФ, только если договор заключен после вступления в силу изменений, внесенных вышеназванным Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы несовершенного законодательного регулирования вопроса применения свойства эластичности залога зачастую ведут к противоречивой судебной практике, которой приходится искать пути нахождения баланса между правами залоговых кредиторов и всех иных кредиторов должника в деле о банкротстве. Представляется, что норма ст. 334 ГК РФ призвана обеспечить, в первую очередь, возможность удовлетворения требований кредитора, которые были обеспечены предметом залога, одним из свойств которого является предоставление свойства преимущества залогодержателю. Закрепление этой нормы способствует более быстрому и удобному удовлетворению требований залогодержателя.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от от 21.12.2013 № 367-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 51. Ст. 6687.

4. Бевзенко Р. В. Новое в залоговой практике. Какие доводы больше не помогут залогодателям избежать взыскания // Юрист компании. 2012. № 1. С.32-40.
5. Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2016 №18-КГ16-125 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума ВАС РФ № 902/11 от 12.07.2011 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 28.07.2016 № Ф01-1400/2016 по делу № А28-15767/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение АС Свердловской области от 23.11.2017 по делу № А60-55431/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление ФАС Московского округа от 15.11.2017 по делу № А40-51687/2012, Ф05-2903/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа № Ф02-1352/2017 от 25.04.2017 по делу № А58-3431/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Мельникова К. Эластичность залога // ЭЖ-Юрист. 2014. № 44. С. 9.
12. Кравец А. В. О применении пункта 2 статьи 334 ГК РФ в процедуре несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 62 – 69.
13. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2018 № 17АП-10422/2016-АК по делу № А60-3534/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Обзор судебной практики по делам, рассмотренным Арбитражным судом Уральского округа в IV квартале 2016 года // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2017. № 1.

Е. Г. Сазонова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЧЕТОВ ДОЛЖНИКА В ХОДЕ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Особое правовое положение должника в конкурсном производстве напрямую влияет на регулирование отношений между банком и выступающим его контрагентом – должником по открытию, ведению и закрытию банковских счетов. Исчерпывающий перечень видов счетов банков, которые могут существовать в период конкурсного производства, является одной из отличительных черт указанных отношений. Цель данной статьи – рассмотреть все виды банковских счетов, которые могут быть открыты должнику и вестись банком в ходе конкурсного производства, а также раскрыть особенности их правового регулирования.

Ключевые слова: договор банковского счета; конкурсное производство; основной счет должника; специальные банковские счета должника

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF ACCOUNTS OF THE DEBTOR DURING BANKRUPTCY PROCEEDINGS

The special legal position of the debtor in the course of bankruptcy proceedings directly affects the regulation of the relationship between the bank and the client acting as its debtor in opening, maintaining and closing bank accounts. An exhaustive list of types of bank accounts that can exist during the period of bankruptcy proceedings is one of the distinguishing features of these relationships. The purpose of this article is to consider all types of bank accounts that can be opened to the debtor and be maintained by the bank during bankruptcy proceedings, as well as to reveal the specifics of their legal regulation.

Keywords: bank account agreement; bankruptcy proceedings; principal account of debtor; special bank accounts of debtor

Отношения между банком и признанным банкротом клиентом по открытию новых и ведению старых банковских счетов в ходе конкурсного производства регламентированы Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ)¹, ФЗ «О настоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве)², Инструкцией Банка России «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов»³, Постановлением Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства»⁴ и рядом других нормативных актов.

В п. 1 ст. 133 ФЗ о банкротстве закреплено общее правило, согласно которому в период конкурсного производства арбитражный управляющий может использовать только один открытый в кредитной организации банковский счет должника, в случае же его отсутствия или невозможности осуществлять операций по имеющимся счетам конкурсный управляющий должен открыть счет, получивший легальное название «**основной счет должника**». Конкурсный управляющий может открыть или использовать счет должника в иностранной валюте, если у третьих лиц имеется перед должником выраженная в иностранной валюте задолженность. Что касается других известных на момент открытия конкурсного производства, а также обнаруженных в ходе конкурсного производства счетов должника в банке или иных кредитных организациях, то они подлежат закрытию конкурсным управляющим, остатки же денежных средств, находящиеся на этих счетах, перечисляются на основной счет должника. На указанный банковский счет зачисляются также денежные средства должника, поступающие в ходе конкурсного производства. И именно с данного счета осуществляются выплаты кредиторам в порядке, предусмотренном ст. 134 ФЗ о банкротстве.

В качестве исключения из данного общего правила в ФЗ о банкротстве предусмотрена возможность существования и других видов банковских счетов

должника, перечень которых исчерпывающим образом закреплен в тексте закона. Такие счета именуются **специальными банковскими счетами должника**. С целью уяснить систему и особенности разных специальных банковских счетов должника в юридической литературе⁵ была предложена их классификация, основанная на анализе законодательства и предусматривающая деление всех специальных счетов должника условно на две группы: 1) **специальные счета, открытые должником до возбуждения дела о банкротстве**. Эти счета не подчиняются общему правилу о закрытии конкурсным управляющим и перечислении средств на основной счет; 2) **специальные счета, которые открываются в ходе конкурсного производства конкурсным управляющим, а не должником**.

В *первую группу специальных банковских счетов* в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 133 ФЗ о банкротстве входят специальные счета должника, которые открываются для расчетов по связанной с доверительным управлением деятельности, клиринговые счета, специальные брокерские счета профессионального участника рынка ценных бумаг, залоговые счета, специальные депозитарные счета, счета иностранного центрального платежного клирингового контрагента и открытые согласно ФЗ «О национальной платежной системе»⁶ счета гарантийного фонда платежной системы. С 1 июня 2018 года данный перечень счетов будет расширен. В частности, не будут подлежать закрытию конкурсным управляющим также и номинальные счета, публичные депозитные счета и счета эскроу.⁷ Причиной такого законодательного подхода является нахождение на данных счетах денежных средств не самого должника, а его контрагентов, т. е. к имуществу должника не относящихся. В связи с тем, что наложение взыскания на не принадлежащее должнику имущество не допускается, специальные счета, служащие для обособления денежных средств третьих лиц, конкурсный управляющий не имеет права закрыть с перечислением денежных средств третьих лиц на основной счет должника.

К *специальным банковским счетам должника второй группы* относятся следующие виды счетов. Так, согласно п. 4 ст. 133 ФЗ о банкротстве, если должник производил эмиссию облигаций с ипотечным покрытием в соответствии с ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах»⁸, то на конкурсного управляющего возлагается обязанность по открытию отдельного счета в кредитной организации для зачисления на него денежных средств, представляющих собой ипотечное покрытие и поступающих в ходе конкурсного производства во исполнение обязательств, права требования по которым составляют ипотечное покрытие. Также конкурсный управляющий обязан открыть специальный ипотечный счет для зачисления на него денежных средств, которые поступают в ходе реализации ипотечного покрытия. При этом если должник осуществлял не одну, а несколько эмиссий облигаций с различным ипотечным покрытием, то конкурсный управляющий должен открыть для каждого ипотечного покрытия специальный ипотечный счет.

Со специального ипотечного счета производятся оплата текущих связанных с реализацией ипотечного покрытия обязательств и выплаты кредиторам, являющимся владельцами облигаций с соответствующим ипотечным покрытием.

Кроме того, п. 3 ст. 138 ФЗ о банкротстве предусматривает, что конкурсный управляющий обязан открыть в банке или иной кредитной организации еще один отдельный счет должника, который предназначен только для удовлетворения требований кредиторов за счет денежных средств, вырученных от реализации предмета залога. Данным договором специального банковского счета должника устанавливается, что находящиеся на этом счете денежные средства могут списываться только при погашении требований кредиторов, относящихся к первой и второй очереди, и при погашении судебных расходов, расходов по выплате арбитражным управляющим вознаграждения и оплате услуг лиц, которые были привлечены арбитражным управляющим для обеспечения исполнения обязанностей, возложенных на него.

В ст. 201.8-2 ФЗ о банкротстве закреплено положение об открытии нового, введенного ФЗ от 29.12.2015 N391-ФЗ⁹ специального банковского счета для финансирования строительства объекта незавершенного строительства. Так, при заключении в ходе конкурсного производства конкурсным управляющим договоров, направленных на передачу помещений (как жилых, так и нежилых) в объекте незавершенного строительства, и (или) в случае утверждения Фондом решения о финансировании мероприятий, предусматривающих завершение строительства объектов незавершенного строительства, в целях финансирования строительства объекта незавершенного строительства конкурсный управляющий от имени застройщика открывает специальный банковский счет застройщика, на который подлежат зачислению денежные средства по таким сделкам. По указанному договору денежные средства на специальном банковском счете застройщика могут быть списаны только по требованию конкурсного управляющего и только в целях произведения расчетов по текущим обязательствам застройщика, соответствующим целям, установленным ст. 18 и 18.1 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹⁰. По результатам рассмотрения ходатайства конкурсного управляющего арбитражным судом может быть установлено иное целевое назначение списания денежных средств со специального банковского счета для финансирования строительства объекта незавершенного строительства.

Стоит также отметить, что ст. 113, 125 ФЗ о банкротстве предусмотрено, что при удовлетворении арбитражным судом заявления учредителя (участника) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия, третьего лица или третьих лиц о намерении удовлетворить требования кредиторов к должнику в полном объеме открывается специальный банковский счет должни-

ка, который используется исключительно для удовлетворения включенных в реестр требований кредиторов.

Открытие и ведение банком всех выше перечисленных банковских счетов должника осуществляется по правилам гл. 45 ГК РФ с ограничениями, установленными ФЗ о банкротстве. На практике же возникает множество вопросов, связанных со спецификой данных отношений. Решению части из них посвящено упомянутое нами ранее Постановление Пленума ВАС РФ.

При ведении банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства, на кредитную организацию возлагается не мало обязанностей. Банк или иная кредитная организация должны по формальным признакам проверять правомерность осуществления тех или иных операций по указанным счетам (за исключением операций, проводимых по инициативе конкурсного управляющего), на основании сведений, содержащихся в распоряжении или прилагаемых к ним документах, контролировать очередность платежей. При этом презюмируется, что с момента опубликования сведений о введении процедуры банкротства в отношении должника, кредитная организация считается осведомленной об этом. В случае же нарушения кредитной организацией ФЗ о банкротстве должник вправе потребовать от нее возмещения убытков, которые причинены неправомерным списанием средств со счета должника, в размере списанной суммы в связи с нарушением банком своих обязательств по договору банковского счета¹¹.

Таким образом, особенности правового регулирования счетов должника в ходе конкурсного производства связаны, прежде всего, с ограниченным перечнем видов банковских счетов должника, которые могут существовать в период конкурсного производства, и с возложением на банк дополнительных обязанностей, направленных на более полное соблюдение норм ФЗ о банкротстве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 05.12.2017) // Российская газета. 06.02.1996. № 23-27.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета. 02.11.2002. № 209-210.
3. Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов: Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 14.11.2016) // Вестник Банка России. 26.06.2014. № 60.
4. О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства: Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 36 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 8.
5. *Абрамова Е. Н.* Специальный банковский счет должника // Ученые записки юридического факультета: изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского экономического университета. 2014. № 35. С. 35–39.
6. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Российская газета. 30.06.2011. № 139.
7. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ // Российская газета. 31.07.2017. № 167.

8. Об ипотечных ценных бумагах: Федеральный закон от 11.11.2003 № 152-ФЗ (ред. от 25.11.2017) // Российская газета. 18.11.2003. № 234.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 31.12.2015. № 297.
10. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Российская газета. 31.12.2004. № 292.
11. Сыропятова Н. В. Счета должника в ходе конкурсного производства // Банкротство в системе рыночных отношений: актуальные проблемы нормотворчества и правоприменения. 2015. С. 171–176.

А. В. Сидорова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: Е. В. Любимова

БАНКРОТСТВО ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Анализируется институт совместного банкротства супругов как один из способов на-иболее полного удовлетворения требований кредиторов. Рассматриваются возможности реализации данной процедуры в российской правоприменительной практике. Выявлено, что отсутствие законодательных норм, регулирующих проведение рассматриваемой процедуры, является пробелом в праве, к устранению которого необходимо стремиться.

Ключевые слова: банкротство гражданина; совместное банкротство супругов; совместная собственность супругов

A. V. Sidorova
student, Perm State University
supervisor: E. V. Lyubimova

BANKRUPTCY OF GENERAL PROPERTY FOR SPOUSES

The article is devoted to a systematic analysis of the institution of the joint bankruptcy of spouses as one of the ways of the most complete satisfaction of creditors' claims. The possibilities of implementing this procedure in Russian law enforcement practice are being viewed. The author concluded that the lack of legislative norms governing the conduct of the reporting procedure is a grey area in the law which needs clarification.

Keywords: personal bankruptcy; joint bankruptcy of spouses; matrimonial property

В соответствии с абз. 2 п. 8 ст. 213.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) финансовый управляющий обязан принимать меры по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества. Нередко на практике возникают трудности по определению правового режима имущества гражданина, например, если оно входит в совместную собственность. В связи с чем в дальнейшем конкурсная масса будет сформирована лишь частично и требования кредиторов будут удовлетво-

рены не в полном объеме. Как показывает статистика², требования кредиторов удовлетворяются лишь на 1/18 от суммы требований, внесенных в реестр. При банкротстве гражданина данную проблему можно решить путем выявления совместно нажитого имущества, а также признаков банкротства супруга должника при общих долговых обязательствах.

В настоящей статье предлагаем проанализировать институт совместного банкротства супругов, который урегулирован в законодательстве и реализуется на практике в некоторых зарубежных странах.

Рассмотрим для примера конкретную ситуацию. Предположим, что супруги совместно ведут предпринимательскую деятельность, соответственно, при введении процедуры банкротства у них будут общие кредиторы, даже если сделки оформлялись без множественности субъектов на стороне должника. При совместной предпринимательской деятельности супругов распространенным может быть цепочка сделок, где основное обязательство принадлежит одному супругу, а второй супруг выступает поручителем или залогодателем по основному обязательству. Полагаем, что в целях процессуальной экономии при возникновении подобной ситуации было бы разумно объединить данные производства.

В судебной практике встречаются диаметрально противоположные подходы относительно возможности совместного банкротства супругов.

Так, Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2017 года по делу № А50-19304/2016³ определение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства должника об объединении дел в одно производство – оставлено без изменения. Гражданка И. подала заявление о рассмотрении дела о признании ее банкротом совместно с делом ее супруга, в отношении которого на тот момент была введена процедура реализации имущества. Доводы апелляционной жалобы основывались на том, что имущество супругов является совместно нажитым, кредиторы в обоих производствах совпадали, а также заявительница полагала, что объединение данных дел предотвратит появление споров по вопросу, в каком именно деле о банкротстве следует реализовать совместное имущество супругов. Суд, отказывая в удовлетворении требований, ссылается на то, что гражданка И. документарно не подтвердила связанность дел по основаниям возникновения долговых обязательств супругов, по кругу кредиторов, по имуществу, составляющему конкурсную массу должников. Следует отметить, что реестр требований кредиторов супруга, в отличие от реестра заявительницы, был закрыт. Суд указал, что вопрос о том, каким образом будет формироваться единый реестр требований кредиторов, остается неясным.

Однако существует и противоположная позиция судов. Так, Решением Арбитражного суда Московской области от 18 января 2016 г. по делу № А41-85634/15⁴ супруги Р. были признаны несостоятельными и введена процедура реализации имущества.

Таким образом, возможность совместного банкротства супругов зависит от ряда причин, а именно: момент, когда было подано ходатайство об объединении дел супругов в единое производство, предоставление документального подтверждения возможности введения совместного банкротства супругов, а также формирование единого реестра требований кредиторов.

Закрепление данного института на законодательном уровне способствовало бы сокращению сроков процедуры банкротства гражданина и процессуальных издержек на ее проведение. Зачастую финансовому управляющему не всегда легко установить принадлежность имущества к совместно нажитому, поскольку часть государственных органов предоставляют информацию лишь о должнике. Для получения информации на супруга должника необходимо подавать заявление об истребовании доказательств в рамках ст. 66 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁵. При совместном банкротстве супругов данные на имущество обоих должников, а также на сделки станут доступными для получения финансовым управляющим. Из этого следует, что действия обоих супругов будут оцениваться в совокупности.

Как правило, если между супругами не заключен брачный договор, то конкурсная масса будет принадлежать обоим должникам. При таких обстоятельствах неразумно выделять доли каждого из них, дабы не ставить кредиторов в невыгодное положение, которое может быть обусловлено более низкой ценой ½ доли в праве собственности в сравнении с 50 % стоимости при продаже имущества целиком (а не по долям). Прогнозируя невыгодность сделки по продаже ½ доли в праве собственности, в первую очередь необходимо выяснить, имеются ли признаки банкротства у супруга должника. Если таковые признаки имеют место, то видится возможным не выделять доли в праве общей собственности, а реализовывать его в целом.

Институт совместного банкротства супругов предусмотрен в некоторых зарубежных странах, например, в Колумбии и США.

Как верно отмечено в работе В. Г. Голубцова⁶, в нынешних социально-экономических условиях в российском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) было бы нелишним по аналогии с американским законодательством предусмотреть институт совместного банкротства супругов, поскольку принятие новых норм о несостоятельности (банкротстве), безусловно, должно помочь гражданам освободиться от просроченных долгов перед кредиторами.

Действительно, введение данного института в нашем законодательстве способствовало бы достижению процессуальной экономии, а также увеличению конкурсной массы путем образования совместных лотов имущества супругов и их дальнейшей реализации. Важно разработать конкретную систему действий, а именно: возможно ли изначально подавать совместные заявления супругов-должников или же это допустимо путем дальнейшего объединения дел в единое

производство; в рамках какой процедуры возможно будет реализовать данное право; как правильно сформировать единый реестр требований кредиторов, а также ряд иных технических вопросов. Так или иначе, важно правильно разобраться в деталях института совместного банкротства супругов, поэтапно вывешивая баланс интересов должников и кредиторов.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. 28 октября. № 43. Ст. 4190.
2. Статистика: кредиторы получают лишь 1/18 требований при банкротстве. URL: <https://pravo.ru/news/view/147243/> (дата обращения: 09.04.2018).
3. Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2017 года по делу № А50-19304/20162 [Электронный ресурс]. <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 18 января 2016 года по делу № А41-85634/15[Электронный ресурс]. <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2002. 27 июля. № 137.
6. *Голубцов В. Г.* Зарубежные и национальные стандарты регулирования института несостоятельности (банкротства) гражданина // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 13–15.

И. В. Столбов
студент, ПГНИУ
научный руководитель: Е. В. Любимова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОТАРИУСА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается использование деятельности нотариуса по фиксации доказательств с целью обеспечения возможности их беспрепятственного представления сторонами в судебном разбирательстве. Приводятся примеры использования данного законодательно регламентированного механизма в процессе доказательственной деятельности. Особое внимание уделяется анализу возникающим в этой связи коллизиям в процессе осуществления судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Ключевые слова: нотариальные действия; обеспечение доказательств; доказывание в гражданском и арбитражном процессе; оценка доказательств

ACTIVITY OF NOTARY FOR PROVIDING EVIDENCE AS AN EFFECTIVE INSTRUMENT FOR IMPLEMENTATION OF PROCEDURAL RIGHTS OF SUBJECTS OF PROOF IN THE CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

The article deals with the use of the notary's activity to fix evidence in order to ensure the possibility of their unimpeded representation by the parties in the judicial proceedings. Examples of the use of this legislatively regulated mechanism in the process of evidentiary activity are given. Particular attention is paid to the analysis of collisions arising in this connection in the process of judicial proceedings by courts of general jurisdiction and arbitration courts.

Keywords: notary actions; providing evidence; proving in civil and arbitration process; evaluation of evidence

Безусловно, значимым с точки зрения исследования в науке цивилистического процесса остается институт обеспечения доказательств, поскольку его наличие позволяет сторонам и иным участвующим в деле лицам, наделенным правом представлять доказательства, грамотно подойти к вопросу реализации своих процессуальных прав в части возможности наиболее полным образом предоставить в распоряжение суда все те необходимые средства доказывания, которые будут положены в основу принятия обоснованного судебного акта. Более того, наличие данного института отвечает требованиям необходимости соблюдения гарантированного гражданским и арбитражным процессуальным законодательством принципа состязательности, позволяя субъектам доказывания действовать в условиях процессуального равенства.

Под обеспечением доказательств понимается особая факультативная процессуально-обеспечительная мера, направленная на безотлагательную фиксацию в установленном законом порядке сведений о фактах в целях: сохранения доказательств (в случаях, если есть основания опасаться, что в дальнейшем их представление суду или другим органам станет невозможным или затруднительным), закрепления доказательств для их последующего раскрытия в суде, предотвращения дальнейшего развития правового спора (обращения в суд)¹.

На сегодняшний день реализация данного института возможна посредством обращения заинтересованными лицами к суду с просьбой обеспечить доказательства либо к нотариусу с заявлением о совершении нотариального действия по обеспечению доказательств.

Однако активное обращение к судебным органам с указанными просьбами, зачастую, снижает количество обращений с аналогичными просьбами к институту нотариата, делая его непопулярным, что является, на наш взгляд, достаточно

неоправданным, но и не лишенным своего рода оснований, имеющих место в отдельных случаях и сводящихся, как правило, к вопросам стоимости соответствующего нотариального действия либо к риску наступления последствий, связанных с нарушением порядка его совершения.

До 1 января 2015 года справедливым являлось утверждение, что обеспечение доказательств производится в судебном порядке либо до возбуждения дела судом (по правилам, предусмотренным арбитражным процессуальным законодательством), либо после принятия его судом к своему производству (по правилам, предусмотренным гражданским процессуальным законодательством), а также в досудебном порядке специально уполномоченными на то лицами – нотариусами², позволявшее говорить об исключительной прерогативе нотариуса по обеспечению доказательств в период до разбирательства дела в суде.

Однако вступление в силу с 1 января 2015 ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ отменило действие ч. 2 статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы)⁴, закреплявшей, что «нотариус не обеспечивает доказательств по делу, которое в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу находится в производстве суда или административного органа».

Таким образом, субъекты доказывания оказались поставленными в положение возможности выбора на стадии судебного разбирательства того способа обеспечения доказательств, который, на их взгляд, является наиболее оптимальным. Тем не менее, до сих пор нередки имеющие место в судебной практике случаи, когда то или иное представленное стороной в период судебного разбирательства доказательство, полученное в этот же период посредством нотариального действия, не принимается судом и отвергается как недопустимое и полученное с нарушением требований Основ.

Так, например, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 06.03.2018⁵ указал на то, что вывод арбитражного суда первой инстанции о признании недопустимым доказательством договора в виде обмена документами по электронной почте, представленного истцом в качестве пояснения к иску и являющегося частью протокола осмотра доказательств, составленного нотариусом в период производства дела в суде, является неправомерным и, следовательно, отклонение судом первой инстанции такого протокола осмотра противоречит требованиям ч. 2 статьи 102 Основ, позволяющей заинтересованным лицам прибегнуть к помощи нотариуса в обеспечении доказательств на стадии судебного разбирательства.

Говоря об обеспечении доказательств нотариусом, необходимо отметить, что его порядок и исчерпывающий перечень всех способов, которыми данное

нотариальное действие может совершаться, закреплен в Основах, и выходить за очерченные им пределы не может.

В порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетелей, производит осмотр письменных и вещественных доказательств, назначает экспертизу (статья 103 Основ), однако, полагаем, справедливым является выдвигающееся учеными-процессуалистами положение о том, что в широком смысле к обеспечению доказательств относится также совершение нотариусом морских протестов. Так, согласно ст. 99 Основ нотариус принимает в целях обеспечения доказательств для защиты прав и законных интересов судовладельца заявление капитана судна о происшествии, имевшем место в период плавания или стоянки судна, которое может явиться основанием для предъявления к судовладельцу имущественных требований⁶. Кроме того, представляется, что своего рода обеспечительную функцию могут выполнять и другие нотариальные действия, например, удостоверение фактов нахождения гражданина в живых, фактов нахождения гражданина в определенном месте, что может способствовать более оперативному рассмотрению отдельных категорий гражданских дел в порядке особого производства. Однако законом они отнесены к другим совершаемым нотариусом нотариальным действиям.

По окончании производства нотариального действия по обеспечению доказательств нотариусом составляется соответствующий нотариальный акт, который в зависимости от способа совершения нотариусом действий по обеспечению доказательств может именоваться, как протокол о допросе свидетеля в порядке обеспечения доказательств, либо протокол о производстве осмотра письменных и вещественных доказательств, либо постановление нотариуса о назначении экспертизы⁷.

Таким образом, помощь обращения к институту нотариата в целях содействия в осуществлении доказательственной деятельности является, явно, недооцененной, поскольку положительные стороны в использовании данного способа обеспечения доказательств являются очевидными хотя бы потому, что действующим гражданским и арбитражным процессуальным законодательством закреплена позиция «повышенной доказательственной силы обстоятельств, подтвержденных нотариусом при совершении нотариального действия». Так, согласно ч. 5 статьи 61 ГПК РФ⁸ «обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 186 настоящего Кодекса, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия». Аналогичных требований придерживается АПК РФ⁹, закрепляя в ч. 5 статьи 69, что «обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального

действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса, или если нотариальный акт не был отменен в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении». Это означает, что любые сведения, которые были установлены нотариусом при совершении нотариального действия, являются обязательными для суда, и соответствующие субъекты доказывания освобождаются от обязанностей по дополнительному доказыванию таких сведений.

Тем не менее, закрепленные гражданским процессуальным законодательством возможности по осуществлению судебного контроля за деятельностью нотариусов позволяют в порядке особого производства оспорить совершенное нотариальное действие с точки зрения нарушения порядка в его совершении, что свидетельствует, в том числе, о возможности оспаривания нотариальных действий по обеспечению доказательств¹⁰, осуществление которой, в свою очередь, может повлечь признание полученного таким способом доказательства недопустимым, и, как следствие, в дальнейшем повлиять на принятие судом того или иного решения.

Поэтому, в полной мере говорить о способствовании института нотариата субъектам доказывания в реализации их прав в процессе осуществления доказывания можно лишь в том случае, если соответствующие нотариальные действия по обеспечению доказательств всецело соответствуют требованиям законодательства, закрепляющим процедуру их совершения.

Литература

1. *Сергеева К. А.* Обеспечение доказательств в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 10.
2. *Бегичев А. В.* Виды обеспечения доказательств в гражданском и арбитражном процессах // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 6. С. 49-54.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 457-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // *Российская газета.* 2014. № 299.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.12.2017) // *Российская газета.* 1993. № 49.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2018 № 17АП-982/2018-ГК по делу № А60-43114/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2018).
6. Настольная книга нотариуса: В 4 т. Т. 2: Правила совершения отдельных видов нотариальных действий / под ред. И. Г. Медведева; Центр нотар. исслед. при Федер. нотар. палате. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2015. – 638 с.
7. Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации: Приказ Минюста РФ от 15.03.2000 № 91 // *Бюллетень Минюста РФ.* 2000. № 4.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Российская газета. 2002. № 220.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Российская газета. 2002. № 137.
10. Фролович Э. М. Судебный контроль за деятельностью нотариусов // Актуальные проблемы обязательственного права и арбитражного процесса. Сборник научных статей (ежегодник). Пермь, 2017. С. 173–177.

Е. А. Сунцова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

Анализируются новеллы законодателя в сфере субсидиарной ответственности в институте банкротства. Проводится исследование правовых подходов в судебной практике. Определяется предмет доказывания для данной категории дел.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; контролирующее должника лицо; доказывание субсидиарной ответственности

E. A. Suntsova
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

BASES FOR ATTRACTING SUBSIDIARY RESPONSIBILITY OF CONTROLLING OFFICIALS

The author analyzes the laws of the legislator in the sphere of subsidiary liability in the institution of bankruptcy. The research of legal approaches in judicial practice is conducted. The subject of proof is determined for this category of cases.

Keywords: subsidiary responsibility; controlling the debtor; proving subsidiary liability

В июле 2017 года были внесены изменения в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹: появилась глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве». В статьях 61.11–61.13 определены юридические составы для привлечения к субсидиарной ответственности.

Спустя полгода было издано Постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

Новое толкование закона, данное ВС РФ является важным прежде всего для руководителей организаций, так как повышается вероятность того, что они могут быть привлечены к ответственности по долгам своей организации в силу презумпций, указанных в названном Постановлении.

Законодательные и судебные новеллы, на первый взгляд, кажутся сложными для восприятия. Постараемся проанализировать основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Контролирующее должника лицо может привлекаться к субсидиарной ответственности по трем основаниям.

Во-первых, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или бездействий) контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность.

Обратим внимание, что Законом презюмируется, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или бездействий) контролирующего должника лица если:

- вред кредиторам причинён сделками этого лица (сделки могут быть не оспорены).

- отсутствуют документы (или информация искажена) бухгалтерского учёта или документы, хранение которых являлось обязательным, к моменту введения наблюдения.

Перечень документов, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством об обществах с ограниченной ответственностью предусмотрен п. 2 ст. 50 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».²

- уголовная, административная, налоговая ответственность руководителя, если требования кредиторов возникли вследствие правонарушения.

- не внесены подлежащие обязательному внесению сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице в ЕГРЮЛ или в ЕФРСФДЮЛ.

Во-вторых, субсидиарная ответственность наступает за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника.

Обязанность установлена ст. 9 Закона о банкротстве.

Заявление о собственном банкротстве должно быть подано в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств.

Обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель, находящийся в схожих обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Признаки объективного банкротства можно установить при финансовом анализе должника, где будет указан период, когда предприятие начало вести убыточную деятельность.

Если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абз. 5, 7 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве, и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, то такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководства, находящегося в схожих обстоятельствах.

В данном случае презюмируется причинная связь между невозможностью удовлетворения требований кредиторов и нарушением обязанности по подаче заявления.

Недавно в судебной практике был определен момент возникновения обязанности по подаче заявления. Показательный пример этому дело № А50-5458/2015, в рамках которого конкурсный управляющий решил привлечь экс-руководителя фирмы к субсидиарной ответственности за недоимку компании по страховым взносам в размере 232 823 руб. Такую сумму фирма не заплатила за 2009–2010 годы и при этом продолжала работать до 2015 года, когда процедуру несостоятельности инициировала ФНС России. Поскольку обязательные взносы не платились больше 3 месяцев, директор компании уже в 2010 году должен был подать о банкротстве, посчитал управляющий. А бывший глава предприятия этого не сделал, и его можно обязать, по мнению управляющего, отвечать за многомиллионные долги фирмы. Две инстанции отказались это делать. В Верховный суд РФ пожаловалась ФНС, указав на то, что долгое время Общество рассчитывалось с поставщиками, но в бюджет и фонды не оплатило, наращивая задолженность.

Судьи ВС РФ под председательством Ивана Разумова в итоге передала дело на новое рассмотрение в Арбитражный суд Пермского края и подробно разъяснила, когда директор должника должен сообщить о банкротстве фирмы. Во-первых, чтобы определить признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества, нужно знать совокупный объем долгов, а не их структуру. Во-вторых, формальные признаки несостоятельности еще не означают, что директор должен был обратиться в суд с заявлением о банкротстве, подчеркнул ВС РФ. Кроме того, руководитель может избежать субсидиарной ответственности, пусть даже формально он подпадает под действие закона. Ему нужно доказать, что он рассчитывал преодолеть временные финансовые трудности в разумный срок, прилагал максимум усилий и действовал по экономически обоснованному

плану. Но неуплату налогов нельзя признать правильной стратегией, если компания при этом продолжает рассчитываться с контрагентами.

В-третьих, субсидиарная ответственность предусмотрена за нарушение Закона о банкротстве.

Нарушение может проявляться в неисполнении обязанности по передаче документов, установленной п. 3. 2 ст. 64 и абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве.

Законом также предусмотрена возможность смягчения ответственности или полного освобождения от неё.

Так, лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности должно доказать следующие обстоятельства:

- при исполнении функций органов управления оно фактически не оказывало определяющего влияния на деятельность юридического лица (осуществляло функции органа управления номинально).

- вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует.

- лицо действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов.

Таким образом, новеллы в Законе дают простор для судебного усмотрения, что также подтверждается абз. 4 п. 20 рассмотренного ранее Постановления, где говорится, что независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд применительно к положениям статей 133 и 168 АПК РФ³ самостоятельно квалифицирует предъявленное требование. При недоказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, в том числе установленную ст. 53. 1 ГК РФ⁴, суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков.

Большое значение имеют доказательства сторон и их поведение в судебном процессе.

Неоспоримо, что основания субсидиарной ответственности расширены, что, по нашему мнению, не совсем соотносится с теорией ограниченной ответственности юридического лица и с критерием рискованного характера предпринимательской деятельности.

Но, если налицо признаки неправомерного поведения контролирующих должника лиц, составы которых внесены в действующую редакцию Закона, то привлечение таких лиц к субсидиарной ответственности обосновано.

Литература

1. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, № 172, 04.08.2017.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета, № 30, 17.02.1998.
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета, № 209-210, 02.11.2002.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета, № 297, 29.12.2017.

К. А. Сырвачева

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК УСЛОВИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

На основе действующего законодательства и научной литературы анализируются вопросы, возникающие при заключении мирового соглашения. Также исследуются особенности заключения мирового соглашения в деле о банкротстве, а именно внесения в условия мирового соглашения прекращения обязательств должника путем прощения долга кредитором.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); мировое соглашение; прощение долга; исполнимость; восстановительная процедура

K. A. Syrvacheva

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

FORGIVENESS OF THE DEBT AS THE CONDITIONS OF THE SETTLEMENT AGREEMENT ON BANKRUPTCY

Based on the current legislation and scientific literature, this article analyzes the issues that arise when concluding a settlement agreement. And also the functions of concluding the agreement on bankruptcy, namely, entering into the terms of the agreement.

Keywords: insolvency (bankruptcy); the settlement agreement; forgiveness of the debt; the enforceability; restorative procedure

Как способ разрешения спора между должником и кредитором мировое соглашение довольно часто применяется для урегулирования спорных отношений¹. Применение данного способа также предусмотрено и в делах о несостоятельности (банкротстве).

Поскольку в данной статье мы рассматриваем мировое соглашение в деле о несостоятельности, следует отметить, что здесь мировое соглашение выступает как способ разрешения спора.

Основной задачей мирового соглашения, как и законодательства о банкротстве в целом, является либо удовлетворение требований кредиторов, либо восстановление платежеспособности должника, что позволит сохранить его как самостоятельного хозяйствующего субъекта.

На наш взгляд, эти цели могут быть реализованы в рамках заключения мирового соглашения.

В главе VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – «Закон о банкротстве») предусмотрены особенности заключения мирового соглашения.

В первую очередь необходимо отметить, что мировое соглашение может быть принято на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве.

Во-вторых, мировое соглашение принимается решением собрания кредиторов от имени конкурсных кредиторов и уполномоченных органов на основании волеизъявления большинства кредиторов, а не по воле отдельных кредиторов. При этом следует отметить, что мировое соглашение считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника.

То есть, – решение о заключении мирового соглашения принимается не самими кредитором и должником, которые является основными субъектами возникших спорных отношений, а уполномоченными органами, выступающими от их имени³.

Еще одна особенность заключения мирового соглашения предусмотрена статьей 156 Закона о банкротстве. В данной статье предусмотрена возможность прекращения обязательств должника путем предоставления отступного, обмена требований на доли в уставном капитале должника, акции, конвертируемые в акции облигации или иные ценные бумаги, новации обязательства, прощения долга или иными способами, предусмотренными федеральным законом способами, при условии, что такой способ прекращения обязательств не нарушает права иных кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов.

Подробнее остановимся на прекращении обязательств должника путем прощения долга.

Данный способ, как способ прекращения обязательств закреплен в статье 415 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)⁴, который предусматривает освобождение кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, при условии, что это не нарушает прав других лиц в отношении имущества должника.

В связи с тем, что в статье 156 Закона о банкротстве закреплена возможность предусмотреть в условиях заключения мирового соглашения прекращение обязательств путем прощения долга, возникает вопрос о квалификации «прощения долга» в качестве правомерности прекращения обязательств должника в отношениях с коммерческими организациями.

Во-первых, статьей 572 ГК РФ регулируется договор дарения, из определения которого следует, что даритель освобождает одаряемого от имущественной обязанности перед собой. Однако пункт 4 статьи 574 ГК РФ говорит о том, что дарение между коммерческими юридическими лицами не допускается. Следовательно, из вышесказанного можно сделать вывод, что заключить мировое соглашение, включая в него условия о прощении долга, возможно только в отношениях с некоммерческими организациями.

Но также следует отметить, что в литературе существует и другой подход, согласно которому прощение долга как условие мирового соглашения в делах о банкротстве можно использовать. Данная позиция обосновывается тем, что при анализе договора дарения и прощения долга, приходим к выводу, что это разные институты. Так, прощение долга – это институт общей части обязательственного права, способ прекращения обязательств. Дарение – институт особенной части обязательственного права, отдельный вид обязательств. Поэтому применение норм особенной части к отношениям, которые регулируются общей частью, возможно только если это прямо указано в законе. Применительно к прощению долга, такое указание отсутствует⁵.

На основании этого, следует сказать, что те ограничения, которые установлены статьей 575 ГК РФ, предусмотрены исключительно для договора дарения. Поскольку прощение долга не является дарением, постольку прощение долга может быть условием мирового соглашения в рамках дела о банкротстве между любыми субъектами, в том числе и между коммерческими организациями.

Помимо этого, необходимо заметить, что законом, а именно статьей 65 ГК РФ, предусмотрено, что нормы Закона о банкротстве, а также нормы, регулирующие прекращение обязательств, являются специальными по отношению к нормам ГК РФ. В связи с чем, к этим нормам не должны применяться ограничения, предусмотренные статьей 575 ГК РФ.

Литература:

1. Лукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1971. С. 29.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 43, ст. 4190.
3. Эпштейн С. М. К вопросу об условиях заключения мирового Соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) // Бизнес в законе, 2011. С. 57.
4. Гражданский Кодекс (часть 1): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
5. Фролов И. В. Проблемы прокредиторской и продолжниковой концепции современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2011. № 4. С. 20–25.

А. И. Трапезникова

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ

Исследуется введенный в российское законодательство институт банкротства наследственной массы. Анализируются особенности, отличающие данный институт от общего порядка процедуры банкротства. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития законодательства, регулирующего институт банкротства наследственной массы.

Ключевые слова: наследственная масса; банкротство умершего гражданина; персонификация наследственной массы; особенности банкротства

A. I. Trapeznikova

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

FEATURES OF BANKRUPTCY OF INHERITANCE

In article the institute of bankruptcy of inheritance entered into the Russian legislation is investigated. The features distinguishing this institute from the general order of an insolvency proceeding are analyzed. The conclusion about need of further development of the legislation regulating institute of bankruptcy of inheritance is drawn.

Keywords: inheritance; bankruptcy of the deceased; personification of the inheritance; features of bankruptcy

Согласно вступившим в силу с 1 октября 2015 г. нормам Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (да-

лее – Закон о банкротстве), был законодательно закреплен известный ещё законодательству Российской империи¹ – институт банкротства наследственной массы, благодаря которому оставшаяся после смерти гражданина наследственная масса может быть объявлена банкротом.

Примечательно, что Закон о банкротстве посвящает регулированию данного института лишь одну статью (ст. 223.1), ввиду чего в юридической литературе при оценке процедуры банкротства наследственной массы не раз указывалось на излишнюю лаконичность положений закона, которая не дает возможности прояснить ряд важных правовых вопросов², отмечались недостатки нового регулирования³.

При этом зачастую учёные связывают недостатки правового регулирования нового института с теми особенностями, которые отличают его от общего порядка процедуры банкротства.

Банкротство наследственной массы представлено в законодательстве с помощью двух форм: либо продолжение судом после смерти должника (физического лица) уже начатого в период его жизни процесса банкротства; либо возбуждение дела о банкротстве уже после смерти гражданина или объявления его умершим.

В обоих случаях процедура заключается в сепарации имущества, за счет которого кредиторы наследодателя могут удовлетворить свои требования. Можно назвать это условной персонификацией наследственной массы. При этом «лежащее наследство» понимается не просто как обособленное имущество, стоящее особняком от имущественных сфер других лиц, а как «обособленная правоспособность», в рамках которой образуются и продолжают существовать некоторое время бессубъектные права и обязанности, продолжают сохраняться гражданские правоотношения⁴.

Одной из ключевых особенностей института банкротства наследственной массы является отсутствие должника как центральной фигуры дела о банкротстве. В отличие от общего порядка ведения дел его место в условиях банкротства наследственной массы остается незанятым.

В связи с этим нынешнее законодательство, стремясь восполнить отсутствие столь значимого субъекта, возлагает его права и обязанности на наследников или нотариуса. Вместе с тем Пленумом Верховного суда РФ⁵ было отмечено, что по смыслу Закона о банкротстве наследники не становятся должниками, а их имущество, не составляющее наследственное имущество, не может включаться в конкурсную массу, ввиду чего невозможно их отождествление с должником.

К особенностям исследуемого института можно отнести также особую роль нотариуса в процессе банкротства наследственной массы. Наделение его новыми полномочиями связано, прежде всего, с введением возможности возбуждения дела о банкротстве после смерти должника.

Так, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2018 № Ф05-16005/2016 по делу № А40-184237/2015⁶ устанавливается, что производство по делу о банкротстве гражданина в связи с его смертью не приостанавливается, но при этом нотариус наделяется соответствующими полномочиями по месту открытия наследства до истечения срока на принятие наследства.

Однако в юридической литературе неоднозначно оценивается новая роль нотариуса в процессе банкротства. К примеру, по мнению К. А. Михалева, нотариус, являясь нейтральной фигурой, ввиду своего статуса не должен выступать в интересах наследственной массы либо кредиторов⁷. Е. Петров по этому поводу отмечал, что нотариус выступает некомпетентным субъектом в решении вопросов, касающихся платежеспособности наследства, и не вправе оспаривать вопросы обоснованности требований кредиторов. Целесообразным является назначение доверительного управляющего наследством в случае подачи кредитором заявления о банкротстве, который и будет представлять наследственную массу в деле о банкротстве⁷. С этими рассуждениям соглашаются и другие авторы⁸, что, на наш взгляд, является вполне обоснованным.

Пробелом в правовом регулировании банкротства наследственной массы и одновременно особенностью, отличающей данный институт от зарубежных государств, является отсутствие в Законе о банкротстве срока для введения данной процедуры. В частности, согласно законодательству Германии такой срок составляет два года², а в римском праве насчитывал порядка пяти лет⁹.

Наличие данного срока в законодательстве зарубежных государств построено на предположении о том, что разграничение собственного имущества наследника и наследственной массы спустя длительное время не представляется возможным. Установление предельного срока для возбуждения процесса банкротства наследственной массы является необходимым и в российском законодательстве с целью достижения стабильности правовых отношений собственности. Ведь, несмотря на то, что в каждом конкретном случае имеется возможность определить допустимость введения процедуры банкротства, либо истечение сроков предъявления всех имеющихся требований к наследодателю, следует учитывать, что существуют требования, на которые исковая давность не распространяется.

Не менее важной особенностью института банкротства наследственной массы выступает недопустимость применения процедуры реструктуризации долга¹⁰. Действующая редакция ст.223.1 Закона о банкротстве исключает такую возможность, предусматривая введение процедуры реализации имущества, либо заключение мирового соглашения между кредиторами и наследниками, принявшими наследство. Исключение возможности применения данной процедуры вполне обоснованно, так как состав имущества, стоимость которого определяет предел ответственности, окончательно сформирован, и, как правило, шанс на реструктуризацию долга в такой ситуации маловероятен.

В юридической науке в качестве одной из особенностей банкротства наследственной массы отдельными учёными отмечаются специфические признаки банкротства наследственной массы. К примеру, Т. П. Шишмарева, анализируя процедуру несостоятельности индивидуального предпринимателя в случае его смерти, высказала сожаление по поводу того, что законодатель не указал признаки несостоятельности наследственной массы, а также отметила, что основанием введения процедуры банкротства служат и неплатежеспособность, и недостаточность имущества¹¹. С целесообразностью такого регулирования соглашались и другие исследователи³.

Вместе с тем следует учитывать законодательные положения, предусматривающие применение при рассмотрении дела о банкротстве наследственной массы в части, не урегулированной ст. 223.1 Закона о банкротстве, общих правил банкротства граждан, в соответствии с которыми достаточно доказать лишь неплатежеспособность должника. Тем самым, для введения процедуры банкротства наследственной массы отсутствуют какие-либо специфические основания.

Таким образом, находящийся на начальных этапах своего развития институт банкротства наследственной массы имеет ряд важных особенностей, среди которых отсутствие должника как центральной фигуры дела о банкротстве, недопустимость применения процедуры реструктуризации долга, отсутствие срока для введения банкротства наследственной массы и другие особенности. При этом предельно лаконичная норма ст. 223.1 Закона о банкротстве, несомненно, нуждается в дальнейшем развитии и в теоретических исследованиях, и в правоприменительной практике. Однако само по себе появление института банкротства наследственной массы в отечественном законодательстве можно оценить только положительно.

Литература

1. *Гришаев С. П., Овчинникова А.* Эволюция правового регулирования института банкротства. [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2018).
2. *Попондопуло В. Ф.* Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 432 с.
3. *Рудик И. Е.* Особенности банкротства наследственной массы // *Наследственное право.* 2016. № 4. С. 30–33.
4. *Казанцева Е. А.* О соответствии положений о банкротстве умершего гражданина гражданскому законодательству // *Нотариус.* 2016. № 3. С. 8–10.
5. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2015. № 12.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.02.2018 № Ф05-21141/2017 по делу № А40-217314/2016. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2018).
7. *Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова.* М.: Статут, 2015. 271 с.

8. *Останина Е. А.* Банкротство наследственной массы: анализ изменений законодательства // Наследственное право. 2015. № 4. С. 33–38.
9. *Комиссарова Е. Г., Пермьяков А. В.* Эволюция кредиторских прав в отношениях с наследниками, принявшими наследство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 185–192.
10. *Останина Е. А.* Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников // Судья. 2017. № 6. С. 58–61.
11. *Шишмарева Т. П.* Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // Предпринимательское право. 2016. № 3. С. 50–54.

С. Э. Фрезе
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

УВЕЛИЧЕНИЕ ЧИСЛА КОНКУРСНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ В ОДНОЙ ПРОЦЕДУРЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ

Речь идет о совершенствовании законодательства о несостоятельности (банкротстве) через институт увеличения числа конкурсных управляющих. При рассмотрении данного способа исследуется историческое направление совершенствования через возврат к нормам, действовавшим в дореволюционный период развития законодательства, а также к законодательству 90-х годов 20-го века. Рассматриваются существующие предпосылки для введения указанного института.

Ключевые слова: несостоятельность; предпринимательская деятельность; конкурсные управляющие

S. E. Freze
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

THE INCREASE IN THE NUMBER OF BANKRUPTCY TRUSTEES IN A SINGLE PROCEDURE AS A WAY OF IMPROVING THE LEGISLATION ON BANKRUPTCY

This article will focus on improving the insolvency (bankruptcy) legislation through the institution of increasing the number of competitive managers. When considering this method, the author investigated the historical direction of improvement, through a return to the norms that operated in the pre-revolutionary period of the legislation, as well as the legislation of the 90s of the 20th century. Also, this article examines the existing prerequisites for the introduction of this institution.

Keywords: insolvency; entrepreneurial activity; competitive managers

В современной экономической ситуации, сложившейся в Российской Федерации, всё больше субъектов предпринимательской деятельности подвержены процедуре банкротства, будь то крупный холдинг или же индивидуальный предприниматель, занимающийся торговлей в небольшом торговом павильоне. Важным для восполнения экономического дисбаланса является добросовестное и максимально эффективное исполнение своих полномочий конкурсным управляющим.

В данной статье рассматривается вопрос о возможности введения института соконкурсных управляющих в законодательство о банкротстве, а также о возможном положительном и негативном эффекте применения этого института.

Данная проблема актуальна для современного состояния российского законодательства, судебной практики и делового оборота, когда всё чаще лиц, исполняющих обязанности конкурсного управляющего, привлекают к ответственности в связи с их недобросовестными действиями.

На сегодняшний день российским законодательством о банкротстве не предусматривается возможность участия нескольких арбитражных управляющих в одном деле, одновременно. Банкротство одного юридического лица осуществляется одним арбитражным управляющим.

Рассматривая вопрос об увеличении числа конкурсных управляющих, действующих в одной процедуре конкурсного производства, одновременно, следует обратить внимание на положения дореволюционного российского законодательства. Так, Уставом о банкротах 1740 года¹ было предусмотрено положение о том, что в процедуре банкротства должно участвовать четыре куратора, как лиц, являющихся прообразами современного конкурсного управляющего.

В соответствии с названным Уставом введение положения о количестве кураторов было необходимым для того, чтобы каждый из них осуществлял независимую деятельность по восстановлению платежеспособности должника или расчет с кредиторами в размере, предъявленных ими требований. Также, осуществлялся некий надзор за законностью деятельности других кураторов.

Таким образом, дореволюционное российское законодательство, имело положения о том, что в процедуре банкротства полномочия конкурсного управляющего могут выполнять несколько лиц одновременно.

Также следует отметить, что в соответствии с частью 2 статьи 99 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 года² (далее «Закон о банкротстве» 1998 года), законодателем была предусмотрена возможность назначения нескольких конкурсных управляющих, действующих единовременно. Но анализ судебной практики того времени позволяет сделать вывод, что назначение нескольких арбитражных управляющих в качестве соконкурсных управляющих допускалось лишь в исключительных случаях. Примером такого случая являлось нахождение части имущества должника за границей или в разных регионах страны.

Рассмотрев возможность участия в процедуре банкротства нескольких кураторов одновременно в дореволюционном законодательстве, нескольких конкурсных управляющих по законодательству о банкротстве 1998 года, следует обратить внимание на актуальные предпосылки закрепления возможности участия нескольких лиц в качестве соконкурсных управляющих в действующее законодательство о банкротстве.

На наш взгляд, введение института соконкурсных управляющих в законодательство о банкротстве является обоснованным по следующим причинам:

1. реалии российского бизнеса сводятся к тому, что в связи с получением прибыли от высоколиквидного проекта большинство хозяйствующих субъектов приобретают дорогостоящие активы за рубежом, в связи с чем при объявлении их банкротами становится актуальным вопрос об инвентаризации имущества, которое будет включено в конкурсную массу и в дальнейшем продано. В случае введения в законодательство положения о возможности назначения нескольких конкурсных управляющих станет возможным нахождение одного из них непосредственно в стране, где находится актив при условии, что такой актив не является пассивом должника, то есть имуществом, которое не задействовано в предпринимательской деятельности. При таком условии существенно экономятся денежные средства кредиторов, поскольку нет необходимости производить оплату труда лиц, привлеченных конкурсным управляющим.

2. Следует также отметить и тот факт, что в соответствии с общедоступными источниками, опубликованными Росреестром, количество привлеченных арбитражных управляющих к ответственности, предусмотренной статьей 14.13 КоАП РФ³ за 2017 год только по одной Москве составляет 58 человек, что количественно свидетельствует о недобросовестности значительного числа арбитражных управляющих.

3. При введении положения о возможности исполнения обязанностей конкурсного управляющего несколькими лицами, возможно уменьшение количества подаваемых в арбитражный суд жалоб кредиторами, поскольку коллегиальное принятие решений со стороны арбитражных управляющих позволит обеспечить соблюдение прав кредиторов.

4. Четвертой причиной для введения института соконкурсных управляющих может являться то, что в таком случае возможно законодательное закрепление обязанности каждого из конкурсных управляющих представления особого мнения о принятии того или иного решения в ходе конкурсного производства. Данное положение позитивно скажется и на статистике привлечения к административной и уголовной ответственности, поскольку при контроле со стороны соконкурсных управляющих невозможно принятие единоличного решения, направленного на преимущественное удовлетворение требований одного из кредиторов или иного действия, являющегося незаконным. Возможно проведение некоего надзора каждого конкурсного управляющего за действиями другого управляющего, как это было предусмотрено в дореволюционном законодательстве.

5. Еще одной причиной для введения данного института может являться то, что появляется возможность внедрения иных системообразующих изменений в законодательство о банкротстве, таких как банкротство группы предприятий. Поскольку увеличится число действующих в одной процедуре конкурсных управляющих, появляется возможность для увеличения контроля над лицами, входящих в группу предприятий, и, соответственно, уменьшить срок рассмотрения дела о банкротстве с увеличением доли удовлетворенных требований кредиторов.

Вопрос о целесообразности внедрения, рассматриваемого института, следует также отразить и с негативной точки зрения.

Так, по нашему мнению, с внедрением данного института могут произойти следующие правовые и экономические негативные последствия, при условии недостаточности правовой урегулированности:

Увеличение числа конкурсных управляющих может привести к увеличению затрат на проведение процедуры конкурсного производства. Данное экономически негативное последствие, мы предлагаем разрешить тем, что применение института соконкурсных управляющих будет уместным лишь в том случае, когда размер реестра требований кредиторов является значительным. Для определения значительности стоит рассматривать сумму требований более 1 миллиарда руб.

Наделение полномочиями конкурсных управляющих по высказыванию своей позиции о принимаемом решении может также привести к затягиванию процесса банкротства должника. Данную проблему следует решить путем применения положений Федерального Закона «Об акционерных обществах»⁴. Поскольку правовая природа института соконкурсных управляющих будет схожей с советом директоров, то следует принять положения о количественном составе данного органа управления обществом и утверждать в качестве соконкурсных управляющих нечетное количество кандидатур.

Таким образом, мы предлагаем, задуматься о целесообразности внедрения в современное банкротное законодательство, рассматриваемого института, в целях повышения эффективности проведения процедуры конкурсного производства, а также в целях создания более прозрачных условий для проведения конкурсного производства.

Литература

1. О банкротях: Устав от 15.12.1740 // Документ опубликован не был.
2. О несостоятельности банкротстве: Федеральный Закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ (ред. от 21.03.2002) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №1. ст. 1.
4. Об акционерных обществах: Федеральный Закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 248.

Д. Р. Халилова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А.В. Сятчихин

МЕДИАЦИЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Исследуется правовая природа медиации. Также в работе рассмотрены возможности и ограничения применения медиации в процедуре банкротства. Проанализирована информация, сделаны выводы по применению медиации.

Ключевые слова: медиация; банкротство; судебный порядок; институт медиации

D. R. Khalilova
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

MEDIATION IN BANKRUPTCY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

The article studies the legal nature of mediation. Also, the paper examines the possibilities and limitations of applying mediation in the bankruptcy procedure. After analyzing the information, conclusions were drawn on the application of mediation.

Keywords: mediation; bankruptcy; judicial order; institute of mediation

Медиация изначально стала применяться в США, Великобритании, а затем была адаптирована в странах Европы. Институт медиации на сегодняшний день функционирует также в Китае, Корее, Индии, Австрии, Японии и других странах¹.

В России институт медиации появился немного позже. В законодательстве РФ понятие медиации было закреплено лишь в 2010 году после принятия Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации)². Именно после принятия Закона о медиации процедура медиации начала вливание в правовую систему России³.

Закон устанавливает важное ограничение: процедуру медиации нельзя применять в гражданских, семейных, трудовых отношениях в случае, если результаты урегулирования спора затрагивают интересы третьих лиц, которые не участвуют в процедуре медиации, или публичные интересы, например, такие споры, как споры в рамках производства по делам о несостоятельности (банкротстве). Это правило установлено, чтобы максимально учесть интересы третьих лиц и общества в целом и не допустить ограничения права граждан на защиту.

Процедура медиации делится на внесудебную, досудебную и судебную.

Внесудебный порядок предполагает случаи, когда спорящие стороны имеют затруднения в урегулировании спора, но намерения обратиться в суд у них нет. В досудебном порядке законом, договором или иным юридическим обязательным соглашением, которое заключается между контрагентами, имеются медиативные оговорки о урегулировании разногласий путем применения процедуры медиации. В рамках судебного процесса стороны могут на любой стадии судебного разбирательства прервать процесс и обратиться к процедуре медиации; в данном случае на суд возлагается обязанность предложить сторонам использовать процедуру медиации.

Анализируя принятый закон, можно сделать следующие выводы: процедура медиации – добровольная процедура; осуществляется только с согласия двух конфликтующих сторон; процедура медиации конфиденциальна; направлена на урегулирование конфликта двух сторон.

В правовой системе России существует только судебный способ разрешения споров при осуществлении банкротства. Есть ряд сомнений в эффективности судебного способа. Одна из причин – судом учитывается только закон. Закон по своей природе является формальным и не удовлетворяет интересы сразу обеих сторон. Судебные споры замораживают процедуру банкротства, и партнеры не взаимодействуют с данным предприятием, которое вступило в процедуру банкротства. Вследствие этого у предприятия падают обороты, перестают выплачиваться заработные платы. Также арбитражный управляющий действует по прямому указанию закона и не может идти на уступки, способствовавшие благоприятному развитию ситуации. Данные действия делают процедуру банкротства затянутой и конфликтной, а в дальнейшем отражаются в активах (они не будут такими же рентабельными).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что судебный порядок процедуры, который существует в настоящее время, не может быть оптимальным. Он осложнен процессуальными и правовыми аспектами. Это то препятствие, которое мешает реализовать в полной мере созидательный потенциал института банкротства⁴.

Суд (третья сторона) является арбитром, принимающим решение без учета интересов участников процесса. Данные действия приводят к обжалованию судебных актов. Но в большинстве случаев после обжалования стороны не удовлетворены окончательным решением.

Судебные разбирательства не являются единственным способом разрешения конфликта. Медиатор не поддерживает ничьих интересов и не применяет позицию права. Он создает приемлемые условия для принятия единого реше-

ния, удовлетворяющего обоих контрагентов. Медиатор владеет особой технологией для урегулирования спора, при которой стороны, желающие договориться, придут к консенсусу.

Однако не все конфликты между контрагентами возможно разрешить с помощью участия медиатора. На практике можно увидеть, что споры, не имеющие конфликта сторон, могут проводиться предсказуемо и с достижением желаемого результата.

Применение института медиации – это не полное применение внесудебного порядка разрешения спора посредством обращения к медиатору. В процедуре банкротства есть обособленные споры, которые бы разрешались намного быстрее. Проанализировав споры, можно выделить типы конфликтов, которые подходят для института медиации больше, чем судебный порядок разрешения спора.

Во-первых, обжалование решений собрания кредиторов. При разрешении в судебном порядке данного спора приводит к невозможности действий арбитражного управляющего и затягиванию процедуры банкротства.

Во-вторых, споры с привлечением бенефициаров и руководителей должника. Данный спор лучше разрешать с участием медиатора, поскольку при применении статьи 142 Закона о несостоятельности (банкротстве) действия приводят к долгим спорам. Вследствие этого образуется замораживание работы предприятия.

Следовательно, можно сделать вывод, что необходимо внести изменения в действующий Федеральный закон от 26.10.2002 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ и включить попытку разрешения конфликта посредством обращения к медиации перед судебным разбирательством. Данная процедура позволит снизить расходы предприятия, которое подверглось банкротству, а также разгрузит работу аппарата суда.

Литература

1. *Созанов В. В.* Институт медиации в системе отношений несостоятельности (банкротства) в РФ // Terra Economicus. 2014. № 2. С. 80.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. №31. Ст. 4162.
3. *Василега М. Ю.* Медиация в банкротстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 6. С. 57.
4. *Костюк Я. А.* О возможности применения института медиации в делах о банкротстве // «Евразийский Научный Журнал». 2016. № 11. С. 167.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

А. Р. Хамраева
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КАК ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Анализируется процедура реорганизации должника в деле о банкротстве. Реорганизация должника является одной из мер по предупреждению банкротства, в то же время может выступать в качестве одного из способов выведения денежных средств организации во избежание включения их в конкурсную массу. Данная тема актуальна, так как применение процедуры реорганизации может существенно нарушить права кредиторов.

Ключевые слова: реорганизация должника; злоупотребление правом

A. R. Khamraeva
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

REORGANIZATION AS A RECOVERY PROCEDURE OR THE POSSIBILITY OF ABUSE OF THE RIGHT IN THE BANKRUPTCY CASE

In the present article, the reorganization procedure of a debtor in the case of bankruptcy is analyzed. Reorganization of the debtor is one of the measures to prevent bankruptcy, at the same time it can be as one of the ways to withdraw funds from the organization in order to avoid their inclusion in the bankruptcy estate. This topic is relevant as application of procedure of reorganization can essentially violate the rights of creditors.

Keywords: reorganization of the debtor; abuse of the rights

Основной целью банкротства выступает обеспечение защиты интересов кредиторов. Реорганизация должника в деле о банкротстве является одной из мер по предупреждению банкротства, что прямо предусмотрено в законе п. 4 ч. 1 ст. 183.1, п. 3 ст. 189.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. Рассматривая реорганизацию в качестве одной из реабилитационных процедур, направленных на восстановление платежеспособности должника, стоит вспомнить, что ранее в Законе РФ от 19 ноября 1992 г. «О несостоятельности (банкротстве) предприятий»² мероприятия, направленные на предотвращение банкротства, были объединены под названием «реорганизационные процедуры». Под ними понимались мероприятия, которые, предварительно утверждались арбитражным судом и были направлены на поддержание деятельности и оздоровление предприятия в целях избегания его ликвидации. Законодатель изначально подразумевал под целью реорганизации возможность восстановления платежеспособного положения должника.

Говоря о реорганизации как о возможности злоупотребления правом, следует затронуть проблему оспаривания реорганизации юридического лица – должника в преддверии возбуждения дела о банкротстве и, следовательно, с неопределенностью в корректности применения норм, установленных главой III Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующих отношения, возникающие в связи с оспариванием сделок должника.

На сегодняшний день единообразия позиций правоприменителя относительно решения настоящей проблемы не наблюдается. Проанализировав судебную практику, можно выделить два подхода к возможности признания реорганизации недействительной с применением к ней норм, предусмотренных для признания сделок недействительными. Согласно первому подходу, суды полагают возможным применить основания, установленные для признания недействительными сделок.

Так, Постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда³ было оставлено без изменений определение Арбитражного суда Амурской области от 09.04.2015 в соответствии с которым сделка по реорганизации ООО «ТПК «Океан» в форме выделения 22.01.2014 из него ООО «КРАСС» признана недействительной, применены последствия недействительности сделки по возврату в конкурсную массу ООО «ТПК «Океан» переданного имущества. При этом эта практика касается в большей части таких форм реорганизации, как выделение.

Второй подход заключается в том, что само понятие реорганизации и сделки являются предметом регулирования разных правовых институтов гражданского права, следовательно, реорганизация согласно ее правовой природе не является сделкой, а также из того, что нормы ГК РФ, регулирующие условия и основания недействительности сделок, применения последствий их недействительности, а также нормы Закона о банкротстве, регламентирующие полномочия арбитражного управляющего по оспариванию сделок должника, применению не подлежат. При таких обстоятельствах суды отказывают в удовлетворении заявления управляющего, основанного на общих положениях о сделках.

Так или иначе суды, чаще всего удовлетворяя требования об оспаривании реорганизации, исходят, прежде всего, из соблюдения основной цели банкротства – обеспечения защиты интересов кредиторов, поскольку реорганизация для недобросовестных должников все чаще выступает способом выведения денежных средств организации во избежание включения их в конкурсную массу. Особенно высок риск злоупотреблений правом на вывод ликвидных активов при совмещенной реорганизации (разделение или выделение акционерного общества, осуществляемое одновременно со слиянием или с присоединением). При таком типе реорганизации зачастую попросту трудно найти концы, особенно если в ходе осуществления необходимых процедур проходит не две-три, а множество реорганизационных цепочек.

Реорганизация на сегодняшний день выступает скорее способом выведения активов, поэтому законодатель ограничивает возможность обращения к данной процедуре⁴. Так, в действующем законодательстве (абзац 2 п. 3 ст. 64) Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержится императивный запрет на принятие решения о реорганизации должника после введения наблюдения. Однако не содержится такого запрета до введения наблюдения. Тем не менее, если реорганизация не завершена на дату введения наблюдения, а завершается после ее введения, то, несмотря на то, что решение о реорганизации принято до введения наблюдения, существует значительный риск признания такой реорганизации (признание действий налогового органа о внесении записи о реорганизации и записи о реорганизации), как и решения о ней, недействительной по формальному основанию, если права кредиторов при этом будут признаны судом нарушенными.

Отношение к данной процедуре у российского законодателя, как видится, весьма настороженное. Введение в отношении юридического лица процедуры банкротства само по себе исключает его реорганизацию, не завершённую на дату введения процедуры наблюдения.

Напротив, в странах англосаксонской правовой системы, в частности, в США, процедура реорганизации прямо предусмотрена в законодательстве в качестве защиты должников от ликвидации. Глава 11 Кодекса о банкротстве США⁵ очень популярна у американских корпоративных юристов в бизнес-банкротствах. Большинство корпораций при признаках неплатежеспособности самостоятельно подает в суд заявление должника и по специальному решению суда урегулирует свои проблемы. Реорганизация проводится по плану, который предусматривает реструктуризацию финансов должника, погашение долгов, продолжение выплат по ценным бумагам, цели, сроки и способы достижения всех взятых на себя обязательств. Такой план доводится до сведения кредиторов и держателей ценных бумаг, утверждается судом⁶.

Таким образом, видится целесообразным закрепить в законодательстве о банкротстве процедуру реорганизации в качестве самостоятельной наряду с такими процедурами как финансовое оздоровление и внешнее управление, и применять ее в деле о банкротстве к должнику в целях восстановления его платежеспособности. Внести в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» отдельную главу, в которой будет более детально урегулирована процедура реорганизации. Либо полностью исключить применение данной процедуры в деле о банкротстве, ссылаясь на тот факт, что введение процедуры банкротства в отношении должника само по себе исключает возможность апеллирования должником к процедуре реорганизации.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. ст. 4190.
2. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета, № 279, 30.12.1992.
3. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2015 № 06АП-2441/2015 по делу № А04-818/2009 [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2018).
4. *Дубровская И.* Реорганизация в банкротстве // ЭЖ–Юрист. 2015. № 40. С. 13.
5. 11 U.S. Code Chapter 11 – REORGANIZATION // www.usbankruptcycode.org/chapter-11-reorganization.
6. *Егоров Д. В.* Продажа предприятия при несостоятельности (банкротстве) должника. Зарубежный опыт // Международное публичное и частное право. 2013. № 2. С. 23–26.

И. К. Шматко

студент, ПГНИУ

научный руководитель: А. В. Сятчихин

СПЕЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА ЗАСТРОЙЩИКА: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Исследуются причины возникновения специального регулирования банкротства застройщика в России. Анализируются особенности российского и зарубежного законодательства. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства, в том числе посредством заимствования зарубежного опыта.

Ключевые слова: банкротство застройщика; специальное регулирование; законодательство стран континентальной системы права; законодательство англосаксонской системы права

I. K. Shmatko

student, Perm State University

supervisor: A. V. Syatchikhin

SPECIAL REGULATION OF THE DEVELOPER'S BANKRUPTCY: ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article explores the reasons for the emergence of a special regulation of the developer's bankruptcy in Russia. The peculiarities of Russian and foreign legislation are analyzed. The conclusion is made about the need to further improve Russian legislation, including through borrowing foreign experience.

Keywords: bankruptcy of the developer; special regulation; legislation of the countries of the continental legal system; legislation of the Anglo-Saxon system of law

Проблема банкротства застройщиков появилась в нашей стране в 90-х годах XX века. Переход к рыночной экономике способствовал стремительному росту жилищного строительства. Однако данные изменения не были должным образом урегулированы законодателем, что послужило благоприятной средой для развития различных мошеннических схем, в результате которых граждане лишались своих денежных средств, но жилье так и не получали¹. Кроме того, подобные результаты порождались и не противоправными действиями застройщиков, а их неумением и незнанием всей специфики данных отношений.

Несмотря на постепенное совершенствование законодательства и повышенное внимание к данным вопросам со стороны властей данная проблема по-прежнему остается актуальной. Это связано еще и с тем, что сама по себе деятельность по осуществлению строительства является высокорисковой² – любые кризисные изменения в экономике могут нанести ущерб даже самой крупной и стабильной строительной организации.

В Российской Федерации споры, связанные с банкротством застройщика, разрешаются в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), а именно банкротству застройщика посвящен одноименный параграф, введенный Федеральным законом от 12.07.2011 г. № 210-ФЗ. Считается, что одной из причин выделения споров о банкротстве застройщика в отдельную категорию является особый статус участвующих в них лиц³. В российском праве должник в подобных спорах именуется застройщиком (лицо, привлекающее денежные средства и (или) имущество участников строительства). Застройщиком в соответствии с названным законом может быть юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, в том числе жилищно-строительный кооператив, или индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или денежные требования, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или денежные требования.

Указанные требования предъявляют участники строительства – физические лица, юридические лица, Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, с 2017 года отдельно выделяются участники долевого строительства.

До введения специального параграфа о банкротстве застройщика при разрешении подобных споров правоприменители руководствовались общими положениями Закона о банкротстве, что значительно ущемляло права и законные интересы участников строительства, в особенности граждан⁴. Сейчас в российском законодательстве данная категория споров урегулирована отдельно: приведены специальные дефиниции, прописан порядок разрешения данных споров, предусмотрены дополнительные гарантии и возможности граждан

участников строительства – в совокупности данные нормы отражают специфику споров по делам о банкротстве застройщика.

Обращаясь к зарубежному опыту, стоит отметить, что в таких странах континентальной системы права, как Германия, Франция и Бельгия отсутствуют специальные нормы о банкротстве застройщика. В этих государствах сфера деятельности должников, их статус не порождает специальных норм в банкротных правоотношениях. В то же время, в странах англосаксонской системы права, например, в Великобритании и США банкротство застройщиков регулируется специальными нормами⁵.

В Соединенном Королевстве общие положения о банкротстве регулируются Законом о несостоятельности. Вместе с тем, существует отдельный акт, который называется «Закон о строительных обществах», содержащий положения, регулирующие вопросы в сфере банкротства застройщиков. Оба законодательных документа были приняты в 1986 г. Суть акта в первую очередь состоит в закреплении особых механизмов защиты инвесторов в случае несостоятельности строительной организации. В качестве способа защиты предусмотрено, к примеру, взимание взносов в специальный фонд, предназначение которого – выплаты защищенным инвесторам при банкротстве застройщика. Аналогом данного механизма, по нашему мнению, является Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства, положения о котором введены в Закон о банкротстве в 2017 году. Однако, некоторые ученые считают, что данный Фонд в России не будет эффективно решать проблем участников строительства при возникновении банкротства⁶. Особенностью правоотношений, связанных со строительством в Великобритании, является то, что застройщиками являются банки, которые фактически и финансируют строительство, что предоставляет больше гарантий гражданам. Закон о строительных обществах также содержит положения по вопросам членства в комитете по несостоятельности. Рассмотрением споров о банкротстве занимаются суды графств, также в качестве суда первой инстанции в отдельных случаях может выступать канцлерское отделение Высокого суда.

В США дела о банкротстве законодательно регулируются на федеральном уровне – Кодексом законов о банкротстве (титул 11 Свода федеральных законов США). Отдельные штаты не имеют законодательных полномочий в части банкротства. Процедура банкротства застройщиков отличается от процедуры, проводимой в РФ. Споры, как правило, не доходят до такого накала, как в России. В США редко вступает в процесс комплексный управляющий. Во многих делах, проект просто передается другому застройщику, который принимал на себя обязательства достроить проект. В России дольщики оплачивают очень высокий первый взнос, в США модель отличается – застройщики вносят максимум 10 % окончательной цены. Поэтому проблема не разрастается до таких масштабов, как в России⁷.

Несмотря на попытки законодателя решить острые вопросы, связанные с участием граждан в строительстве, регулярное внесение изменений в федеральные законы, в том числе в закон о банкротстве, спорные правоотношения в данной сфере по-прежнему очень сложно разрешаются на практике. Важным решением представителей законодательной власти стало введение специальных норм о банкротстве застройщика в Закон о банкротстве, при этом нельзя не обратить внимание, что был заимствован опыт стран именно англосаксонской системы права, а не континентальной. В настоящее время, многие российские ученые и практики, сравнивая зарубежный и российский опыт в рамках банкротства застройщика, говорят о необходимости дальнейшего заимствования зарубежного опыта в данных правоотношениях.

Литература

1. Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право. М.: Норма, 2008. 800с.
2. Коробченко Р. И., Евлевская Е. С. К вопросу о законодательном регулировании банкротства строительных организаций (застройщиков) // Молодой ученый. 2017. № 10. С. 31–35.
3. Савостьянова О. Н. Механизмы защиты прав участников долевого строительства в случае банкротства застройщика: законодательство и судебная практика // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 28–31.
4. Савостьянова О. Н. Застройщик в процессе банкротства: какие требования вправе заявить в арбитражный суд участник долевого строительства // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 12. С. 29–33.
5. Кузнецов А. П. Банкротство застройщика: теория и практика защиты прав граждан – участников строительства. М.: Статут, 2015. 51 с.
6. Фролов И. В. Новеллы российского законодательства о банкротстве // Хозяйственное право. 2017. № 10. С. 18–23.
7. Марков П. А., Баркова Л. А. О влиянии социализации права на реформирование законодательства о банкротстве застройщика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 27–32.

Б. Х. Эдилян
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОБЪЕКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО КАК НОВАЯ КАТЕГОРИЯ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается понятие объективного банкротства. Производится сравнение объективного банкротства с критерием неоплатности, выделение общих и отличительных черт. Дается комментарий критерию объективного банкротства, исследуются положительные и отрицательные качества.

Ключевые слова: банкротство; неоплатность; объективное банкротство; субсидиарная ответственность

THE OBJECTIVE OF BANKRUPTCY AS A NEW CATEGORY IN INSOLVENCY

The article deals with the concept of objective bankruptcy. Comparison of objective bankruptcy with the criterion of non-payment, selection of General and distinctive features. The comment is given to the criterion of objective bankruptcy, the positive and negative qualities are investigated.

Keywords: bankruptcy; non-payment; objective bankruptcy; subsidiary responsibility

Недавно Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС) прибегнул к категории «объективное банкротство». Примечательным является то, что данной категории нет в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О банкротстве»). ВС повлиял на создание данной категории, а также раскрыл ее содержание.

Понятие объективного банкротства впервые встретилось в одном из определений Верховного суда Российской Федерации – Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 по делу №А50-5458/2015 (далее – Определение ВС РФ от 20.07.2017)². Объективное банкротство, по мнению ВС, это критический момент, в котором должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей. Исходя из анализа данного ВС понятия можно выделить признаки объективного банкротства:

критический момент – временной промежуток, который характеризуется маловероятным восстановлением платежеспособности;

превышение общей суммы требований кредиторов над стоимостью чистых активов должника.

Данные признаки – (элементы) являются обязательными в содержании объективного банкротства.

Впоследствии признаки исследуемого понятия были развиты в письме ФНС России от 16.08.2017 №СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ». В нем налоговая служба конкретизировала критический момент как характеристику. Критический момент носит объективный характер и на него не влияет принятие должником или контролирующими организацию-должника мер по сокрытию признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. Таким образом, критический момент становится независимым признаком объективного банкротства, на него не распространяются положения пункт 3 статьи 61.10 ФЗ «О банкротстве».

Наконец, в п. 4 Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53³ было закреплено названное выше определение объективного банкротства. При этом И. Разумов отмечает, что исследуемое понятие имеет целью разграничить ситуации временного кассового разрыва, который сам по себе не свидетельствует о банкротстве компании и преодолевается стандартными процедурами, в том числе кредитованием, и ситуации действительного банкротства, которые характеризуются превышением долговых обязательств над суммарным объемом активов⁴.

Наконец, в п.16 того же постановления были определены действия контролирующих лиц, ставшие причинами объективного банкротства. Такие действия составляют принятие ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом; дача указаний по поводу совершения заведомо убыточных операций; назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации; создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т. д.

Последняя инициированная контролирующим лицом сделка (операция) не может быть признана единственной предпосылкой банкротства, поэтому суду надлежит исследовать совокупность сделок и других операций, совершенных под влиянием контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц), способствовавших возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства.

Важно отметить, что данная категория имеет большое значение для субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве. В Определении ВС РФ от 20.07.2017 отражена правовая позиция высшей судебной инстанции по этому поводу. Если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности либо обстоятельств, названных в абзацах пятом, седьмом пункта 1 статьи 9 ФЗ «О банкротстве» не свидетельствовало об объективном банкротстве и руководитель, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель с учетом общеправовых принципов юридической ответственности (в том числе предполагающих по общему правилу наличие вины) освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным.

Данная категория используется ВС РФ и по сей день, например в Определении Верховного Суда РФ от 05.02.2018 №310-ЭС17-15048⁵.

В процессе изучения природы объективного банкротства нами было замечено, что признаки объективного банкротства напоминают критерий неоплатности. Неоплатность – такая ситуация, когда стоимость имущества должника меньше общего размера обязательств, т.е. установлено, что всех средств должника недостаточно для удовлетворения требований кредиторов. Критерий неоплатности исходит из того, что только соответствующий указанным критериям должник может быть признан несостоятельным (банкротом). Выделим признаки критерия неоплатности:

- 1) стоимость имущества должника меньше стоимости его обязательств;
- 2) основание для признания должника банкротом.

Вызывает определенный интерес сравнение этих двух критериев. Содержание объективного банкротства – превышение общей суммы требований кредиторов над стоимостью чистых активов. Содержание критерия неоплатности – стоимость всего имущества должника меньше стоимости его обязательств. Содержание тождественно.

Необходимо сравнить цели. Цель критерия объективного банкротства – предупреждение банкротства, привлечение к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица. Цель критерия неоплатности – возбуждение процедуры признания должника несостоятельным.

Вывод: критерий объективного банкротства создан на основе критерия неоплатности, который не применяется с 1998 года. ВС использует данный критерий не во всех случаях, а лишь в тех, когда становится вопрос о привлечении контролирующего должника лица к ответственности.

После проведения исследования природы критерия объективного банкротства и сравнения его с критерием неоплатности, можно перейти к комментированию этого шага ВС и целесообразности введения нового критерия.

Опора критерия объективного банкротства на чистые активы определенно вызывает положительный отклик, поскольку зачастую чистые активы – самые ликвидные.

Выработка его на основе критерия неоплатности – разумный шаг, хотя, возможно, ВС и не преследовал цели образования нового критерия на основе старого, а просто описал механизм, который поможет при рассмотрении дел о привлечении к субсидиарной ответственности в процедуре признания должника несостоятельным.

Применение данного критерия к субсидиарной ответственности оправданно, поскольку объективное банкротство связано с критическим моментом, когда

руководитель должника должен предпринимать какие-либо действия по восстановлению платежеспособности либо же подавать заявление о признании должника несостоятельным, а уже после в его поведении будут усматривать наличие или отсутствие виновных действий, выражающихся в содействии развития состояния несостоятельности у должника.

В критерии объективного банкротства вызывает сомнение отсутствие временных рамок, в которых должны быть удовлетворены требования кредиторов, при этом учитываются все требования, это может повлечь за собой необъективную квалификацию ситуации как объективное банкротство. Но эта недоработка, скорее всего, будет устранена в дальнейшем практикой. В частности, этого мнения придерживается А. Улезко⁶.

Внедрение данного критерия положительно отразится на рассмотрении дел о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности – он полностью отражает практическую действительность.

Нами исследована практика применения критерия объективного банкротства. На сегодняшний день она крайне мала, но это временно. Раз данный механизм был выработан ВС, то он найдет применение в скором времени, его нечастое применение связано в первую очередь с тем, что он характерен для судебных споров, в рамках которых контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности. Следует напомнить, что привлечение к субсидиарной ответственности как институт был регламентирован в ФЗ «О банкротстве» относительно недавно, но чем дольше он существует, тем интенсивнее применяется, также будет и с механизмом объективного банкротства.

Таким образом, критерий объективного банкротства не новый, поскольку он был основан на критерии неоплатности.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. №43. Ст. 4190
2. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 №309-ЭС17-1801 по делу №А50-5458/2015 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2018 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2018 г.).
4. *Разумов И.* Субсидиарная ответственность лиц, контролировавших компанию-банкрота: детальная инструкция от Верховного Суда // ЭЖ-Юрист. 2018. №1. С. 1–2.
5. Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2018 №310-ЭС17-15048 / Документ опубликован не был // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2018 г.).
6. *Улезко А.* Новые подходы к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих фактический контроль // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 1. С. 4–15.

П. Ю. Яркова
студент, ПГНИУ
научный руководитель: А. В. Сятчихин

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА

Статья посвящена исследованию подозрительных сделок должника. Анализируются сделки, совершенные должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. Рассматривается два вида презумпций: цели причинения вреда имущественным правам кредиторов и осведомленность другой стороны сделки о цели сделки должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), оспаривание сделок, подозрительные сделки

P. Yu. Yarkova
student, Perm State University
supervisor: A. V. Syatchikhin

TO THE QUESTION ON INVALIDATION OF SUSPICIOUS TRANSACTIONS OF THE DEBTOR

This article is devoted to investigation of suspicious transactions of the debtor. Analyzed transactions made by the debtor in order to harm the property rights of creditors. Two types of presuppositions are considered: the purpose of harming creditors' property rights and the knowledge of the other side of the transaction about the purpose of the debtor's transaction.

Keywords: insolvency (bankruptcy); challenging transactions; suspicious transactions

В §2 главы 9 Гражданского Кодекса Российской Федерации¹ установлены общие основания недействительности сделок. В свою очередь, Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве) устанавливает специальные основания для признания сделок, совершенных должником, недействительными. Так, в частности, статьей 61.2 Закона о банкротстве установлена категория подозрительных сделок, которая появилась в отечественном законодательстве в связи с принятием Федерального закона №73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

Законодатель в статье 61.2 Закона о банкротстве выделяет два вида подозрительных сделок: сделки с неравноценным встречным исполнением обязательств другой стороной сделки и сделки, совершенные должником, в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (далее – сделки с целью причинения вреда кредиторам). М. В. Телюкина дает этим видам сделок наименования «объективно подозрительные» и «субъективно подозрительные»⁴.

Для нас интерес представляет вторая категория сделок – сделки с целью причинения вреда кредиторам. Легальная дефиниция вреда, причиненного имущественным правам кредиторов, содержится в ст. 2 Закона о банкротстве.

Выделим обстоятельства, установление которых необходимо для признания сделки недействительной по признаку цели причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Во-первых, срок совершения сделки – в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления. По мнению О.Р. Зайцева, «слова "в течение трех лет" относятся только к словам "до принятия заявления о признании должника банкротом", но не к словам "после принятия указанного заявления"; совершенная после возбуждения дела о банкротстве сделка может быть оспорена на основании п. 2 ст. 61.2 независимо от того, сколько времени прошло после его возбуждения»⁵.

При этом в литературе критикуется подход законодателя по поводу установления трехгодичного периода для оспаривания и предлагается увеличение указанного срока до семи–десяти лет⁴.

Во-вторых, совершение сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов.

Доказать наличие у должника цели причинить вред имущественным правам кредиторов весьма сложно, поскольку это субъективный критерий. В этой связи законодатель установил презумпцию наличия цели причинения вреда имущественным правам кредиторов. Так, в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если одновременно соблюдаются два следующих условия:

1. На момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку недостаточности имущества или неплатежеспособности;

2. Наличие хотя бы одного из обстоятельств, указанных в абз. 2–5 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Например, сделка была совершена безвозмездно или была совершена в отношении заинтересованного лица либо стоимость переданного в результате совершения сделки составляет 20 % и более процентов балансовой стоимости активов должника и др.

Однако следует иметь в виду, что презумпция наличия цели причинить вред имущественным правам кредиторов может быть опровергнута, то есть контрагент имеет право доказывать, что цели причинения такого вреда у него не было.

В-третьих, причинение совершенной сделкой вреда имущественным правам кредиторов. В отличие от обстоятельства, указанного выше, которое носит субъективный характер, это обстоятельство носит объективный характер.

В-четвертых, осведомленность другой стороны сделки об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

В данном случае закон о банкротстве опять устанавливает презумпцию, которая может быть опровергнута контрагентом по сделке. В частности, согласно п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что другая сторона сделки знала о цели сделки должника, если она признана заинтересованным лицом либо она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности должника или о признаках недостаточности имущества должника. При этом законодатель не раскрывает, что понимать под словами «знал или должен был знать», какие обстоятельства будут свидетельствовать о знании или обязанности знать другой стороной сделки указанных обстоятельств.

В этой связи, ВАС РФ дал судам разъяснение. В частности, в п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 63⁶ указано, что для решения вопроса о том, должен ли был контрагент по сделке знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, во внимание принимается то, насколько он мог разумно и проявляя требующую от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств. Таким образом, ВАС РФ отсылает нас к принципам разумности и добросовестности. Вместе с тем, добросовестность, разумность, осмотрительность являются оценочными понятиями, а значит, их толкование и применение полностью зависит от усмотрения суда.

Важно отметить, что факт осведомленности контрагента будет зависеть от момента публикации сведений о введении какой-либо процедуры банкротства. В вышеуказанном Постановлении отмечается, что в случае оспаривания сделки с целью причинения вреда кредиторам после опубликования этих сведений следует исходить из того что, любое лицо должно было знать о том, что введена соответствующая процедура банкротства, а значит и о том, что должник имеет признаки неплатежеспособности, если не доказано иное.

Приведем пример из судебной практики. Так, суд удовлетворил требования о признании недействительными договоров аренды. Как следует из материалов дела, сведения о введении процедуры наблюдения в отношении АО «Комплект-Плюс» были опубликованы 19 декабря 2009 г. в газете «Коммерсантъ», а договоры аренды были заключены с ООО «Омега-Центр» 1 февраля 2012 г. и 2 марта 2013 г. В этой связи суд пришел к выводу, что контрагент при заключении договоров мог и должен был знать о наличии у должника признаков неплатежеспособности⁷.

Итак, для признания сделки недействительной по признаку цели причинения вреда имущественным правам кредиторов необходимо наличие четырех об-

стоятельств. Доказывать эти обстоятельства нужно в совокупности, при чем бремя доказывания возлагается на субъект, который заявляет требование о признании сделки недействительной. Отметим тот факт, что в случае недоказанности хотя бы одного из четырех обстоятельств суд откажет в удовлетворении иска о признании сделки недействительной.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что наиболее частой причиной отказа судов в удовлетворении иска при оспаривании сделок на основании п.2 ст.61.2 Закона о банкротстве является «недоказанность осведомленности контрагента должника о его неплатежеспособности или недостаточности имущества»⁸.

Таким образом, институт подозрительных сделок характеризуется сложностью законодательного регулирования. Установленная законодателем презумпции об осведомленности другой стороны сделки, детально не проработана. Пленум ВАС РФ разъяснил, и тем самым устранили некоторые пробелы, но вместе с тем, на сегодняшний день сложности в правоприменении сохраняются. В этой связи законодателю необходимо восполнить пробелы, в целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) Федеральный закон от 30.11.1994. № 51-ФЗ (ред. от 09.01.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. ст. 4190.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 18 (1 ч.). ст. 2153.
4. *Телюкина М. В.* Недействительность сделок должника, находящегося в процессе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. Приложение. 2014. № 8.
5. *Зайцев О. Р.* Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах Закона № 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В. В. Витрянского. М.: Статут, 2010. С. 92.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.11.2016 по делу № А56-81131/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.12.2017 № Ф04-4776/2017 по делу № А45-15330/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2016 № Ф05-16963/2015 по делу № А40-142779/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 1

predprin.psu.ru

Корректор

А. В. СЯТЧИХИН

Компьютерная верстка:

Т. А. БАСОВА

Подписано в печать 22.05.2018. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 9,3. Тираж 65 экз. Заказ 131

Издательский центр

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15